

VEcordia

Извлечение R-DYZMA

Открыто: 2013.10.07 15:15
Закрито: 2013.10.18 20:03
Версия: 2017.04.10 16:08

ISBN 9984-9395-5-3

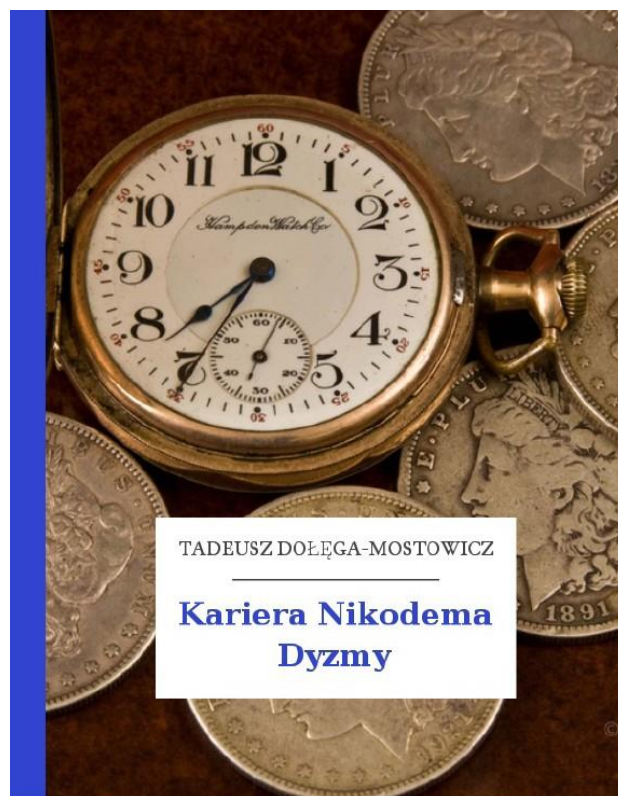
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2017

ISBN

Доленга. «Карьера Никодима Дызмы»

© Т. Доленга-Мостович, 1932

Тадеуш Доленга-Мостович

Карьера Никодима Дызмы

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2017

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Предисловие в Векордии

«Карьера Никодима Дызмы» была любимой книгой моей молодости. Она попала мне в руки в армии, когда мне было 24 года. Затасканную солдатами, без начала и с вырванными в середине страницами, я ее подобрал и прочитал то, что в ней сохранилось, а после возвращения из армии поместил на «золотую полку» рядом с другими любимыми книгами. Я многократно пытался достать ее полный текст, но безуспешно – ее не было в продаже, и она отсутствовала в латвийских библиотеках. Когда началась эра интернетовских книг, я пытался ее найти в Интернете, но она отсутствовала и в Сети.

И вот только теперь она, наконец, появилась в Интернете, я ее скачал и впервые буду читать всё от начала до конца (еще не читал).

Автор этой книги – Тадеуш Мостович, по литературному псевдониму (с 1926 года) Доленга (Tadeusz Dołęga-Mostowicz), родился 10 августа 1898 года в Витебской губернии, учился в Виленской гимназии и Киевском университете. В возрасте 21 года он добровольно вступил в польскую армию и в советско–польской войне сражался против большевиков. Демобилизовался в 1922 году, поселился в Варшаве и занялся литературной деятельностью. Когда Юзеф Пилсудский, прежде социалист, в мае 1926 года совершил государственный переворот, Мостович как член национально-демократической партии стал в оппозиции к Пилсудскому и писал сатиру на его режим.

«Карьера Никодима Дызмы» вышла в 1932 году (когда автору было 34 года) и представляла собой такую сатиру на власть Пилсудского.

Когда 1 сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу, Мостович был призван в армию; после того, как 17 сентября 1939 года на Польшу напал Советский Союз, в ночь с 17 на 18 сентября президент страны Игнаций Мосцицкий, премьер-министр Фелициан Славой-Складовский и Верховный главнокомандующий Эдвард Рыдз-Смыглы покинули территорию Польши и перешли в Румынию (где были интернированы). Последнее их совещание на польской территории происходило в пограничном с Румынией городке Куты восточной Польши. Доленга-Мостович находился в составе войск, обеспечивающих их отход в городке Куты. 20 сентября, как сообщает польская Википедия, Тадеуш Доленга-Мостович в возрасте 41 года был убит огнем советского танка.

В коммунистической Польше все сочинения Доленги-Мостовича, за исключением трех книг («Карьера Никодима Дызмы», «Знахарь» и «Профессор Вильчур»), были запрещены и подлежали немедленному изъятию из библиотек.

В наши дни место рождения Тадеуша Мостовича находится в Белоруссии, а место смерти – на территории Украины. (После войны из т.н. «Западной Белоруссии» и «Западной Украины» было выселено 5 миллионов поляков). В 1978 году останки Мостовича были вывезены из (тогда уже украинского) местечка Кути и перезахоронены в Варшаве.

За последние 20 лет, наблюдая за политической жизнью Латвии – и не только Латвии – я очень часто вспоминал «Карьеру Никодима Дызмы». В принципе ведь этих Дызм мы видим на каждом шагу – а главное: видим тех, кто их возвеличивают.

Тадеуш Доленга-Мостович

Карьера Никодима Дызмы

Бесплатная электронная библиотека RoyalLib.ru <http://royallib.ru/>.¹

Файл записан в пятницу, 28 мая 2010 года в 17:04.

Глава 1

Хозяин ресторана махнул рукой таперу, и танго оборвалось. Пара остановилась посредине пустого зала.

– Ну, как? – спросила худошавая блондинка. И, освободившись из объятий партнера, подошла к хозяину, толстяку с потным лицом, присевшему на край одного из столиков.

Тот только пожал плечами.

– Не годится? – безучастно бросила блондинка.

– Какое там! Держаться совсем не умеет. Был бы хоть собой хорош.

Подошел и мужчина.

Блондинка окинула его внимательным взглядом. Потертый костюм, редущие рыжеватые, чуть выющиеся волосы зачесаны на прямой пробор, рот маленький, подбородок массивный.

– Раньше-то вы где-нибудь танцевали?

– Нет. То есть да. Танцевал. Только, конечно, в своем кругу. Находили даже, что неплохо танцевал.

– Где же вы танцевали? – равнодушно осведомился хозяин.

Кандидат в распорядители танцев печально повел глазами по залу.

– У себя дома, в Лыскове.

Толстяк рассмеялся:

– Варшава, дорогой мой, это вам не Лысков. Тут, знаете, нужен блеск, шик. Скажу откровенно: не годитесь. Поищите лучше другую работу.

Он повернулся на каблуках и направился к буфету. Блондинка побежала в гардероб. Тапер закрыл рояль.

Незадачливый танцор не спеша перекинул через руку плащ, нахлобучил на лоб шляпу и двинулся к выходу.

В ноздри ударил манящий запах кухни: с бутербродами на подносе пробежал мимо мальчик-кельнер.

Горячие потоки солнечных лучей заливали улицу. Приближался полдень. Прохожих было мало. Медленным шагом пошел Дызма² к Лазенкам. На углу Пенкной он остановился, засунул руку в карман жилета и вынул никелевую монету.

«Последняя», – мелькнуло в голове.

Он подошел к киоску с папиросами.

– Две «Гран-при».

Дызма сосчитал сдачу и машинально зашагал дальше. Остановился у трамвайной остановки. Какой-то старик с палочкой глядел на него тусклыми глазами. Элегантная дама с ворохом свертков пристально смотрела вдаль, поджидая трамвай. Тут же нетерпеливо вертелся мальчик с книгой под мышкой. Собственно, это была не книга, а серая полотняная папка. Когда мальчик поворачивался боком, в папке можно было разглядеть письма и пачку квитанций, на которых расписываются при получении корреспонденции.

---

¹ В.Э.: Основа приведенного здесь текста была взята мною из этой библиотеки. Но в библиотеке книга была очень некачественной: отсутствовал текст сносок, мне пришлось исправить множество ошибок OCR, заполнить пропущенные места, в том числе я ввел целый пропущенный разворот книги: страницы 254–255. В файле отсутствовали издательские данные книги – и их нет также в моей бумажной книге, поскольку у нее оторваны начало и конец. Поэтому я не знаю даже, кто переводчик текста.

² В.Э.: По-польски: Nikodem Dyzma.

Дызма посмотрел на мальчика и вспомнил, что он сам носил такую же папку, когда служил посыльным у нотариуса Виндера. Это было еще перед войной, незадолго до того, как он получил место почтового чиновника в Лыскове. Только у нотариуса конверты были всегда голубые, а эти – белые.

Подошла девятка. Не дожидаясь, пока трамвай остановится, мальчик на ходу вскочил на заднюю площадку, зацепился папкой за поручень и рассыпал письма.

«Повезло молокососу – сегодня сухо», – подумал танцор, глядя, как мальчик подбирает письма.

Трамвай тронулся, и одно письмо, соскользнув со ступенек, упало на мостовую. Дызма, подняв белый конверт, помахал им вслед уходящему трамваю, но мальчик был так поглощен возней с папкой, что ничего не замечал вокруг. На конверте из дорогой бумаги от руки был написан адрес:

Пану председателю Артуру Раковецкому
Местное. Уяздовская аллея, 7³

В незапечатанном конверте находилась сложенная пополам изящная карточка. На одной стороне было напечатано что-то по-французски, а на другой, вероятно, то же самое, по-польски:

«Председатель Совета Министров имеет честь просить ясновельможного пана председателя принять участие в банкете, который будет дан 15 июля с. г. в 8 часов вечера в салонах первого этажа Европейской гостиницы по случаю приезда его превосходительства канцлера Австрийской республики».

Внизу мелкими буквами добавлено: «Фрак, ордена».

Дызма еще раз прочел адрес: Уяздовская аллея, 7. Не отнести ли? Авось дадут золотый... Попытка не пытка. Номер семь! Ведь это в нескольких шагах отсюда.

В списке жильцов против фамилии «А. Раковецкий» значилось: кв. № 3, бельэтаж.

Дызма поднялся по лестнице, несколько раз нажал кнопку звонка. Появился дворник и сказал, что пан председатель уехал за границу.

– Не везет!

Дызма пожал плечами и с письмом в руке побрел домой.

Минут через сорок добрался он до Луцкой улицы. Поднявшись по скрипящей деревянной лестнице на пятый этаж, повернул дверную ручку.

Из распахнутой двери хлынули разом запахи тесной дешевой квартиры: вкусный – жареного на сале лука, кислый – от мокрых пеленок. Из угла послышался женский голос:

– Дверь закройте, сквозняк. Простудите ребенка!

Дызма буркнул что-то себе под нос, снял шляпу, повесил пальто на гвоздь и сел у окна.

– Ну что? – спросила женщина. – Не нашли места?

– Пока нет...

– Эх, пан Дызма! Напрасно вы здесь пороги обиваете. Сколько раз говорила вам! В деревне, в провинции легче кусок хлеба найти. Известное дело – мужики.

Он ничего не ответил. Третий месяц Дызма сидел без работы – с тех пор, как закрыли бар «У слона» на Панской улице. В баре он как-никак зарабатывал ежедневно игрой на мандолине пять золотых. Кроме того, бесплатный ужин. Правда, биржа труда послала его на строительство железнодорожного узла, но Дызма не ладил там и с инженером, и с мастером, и с рабочими. Через две недели его уволили. В Лыскове же...

Женщина, вероятно, думала о том же. Она спросила:

– Пан Дызма, а не лучше ли вам вернуться в свои края, к родным? Там-то уж всегда найдется для вас работа.

– Говорил же я вам, пани Валентова, нет у меня родных.

– Умерли?

– Умерли.

Валентова дочистила картошку и поставила котелок на огонь.

– Тут, в Варшаве, люди не те, да и работы нет, – начала она снова. – Взять хоть моего: работает только три дня в неделю, едва на еду хватает, а их директор Пурмантер, или как

³ В.Э.: Здание по этому адресу принадлежало Совету Министров (Rady Ministrów).

его там, говорит – еще, может, совсем закроют фабрику, нет, мол, сбыта. Если б не Манька,⁴ то и за квартиру платить было бы нечем. Замучилась девка, а что с того? Если двух гостей в неделю не подцепит...

– Пусть поосторожней, – прервал Дызма, – накроют ее без билета...⁵ Будет тогда!..

Валентова перепеленала ребенка и повесила над плитой мокрую пеленку.

– Что вы там каркаете! – бросила она раздраженно. – Лучше за собой смотрите. За три недели не плачено, только место занимаете. Тоже мне жилец!

– Да заплачу я, – буркнул Дызма.

– Это еще бабушка надвое сказала. Пятнадцать злотых – и так вроде бы даром... А вот попробуйте-ка эти деньги достать. Куда ни придете, сразу вас в шею...

– Кто вам это сказал, пани Валентова?

– Секреты какие, подумаешь! Сами же Маньке рассказывали.

Наступило молчание.

Дызма повернулся к окну, стал смотреть на облупленную стену соседнего флигеля. Действительно, неудача преследовала его. Нигде он не мог удержаться. Из гимназии исключили – еще из четвертого класса, за непослушание и лень. Нотариус Виндер держал его дольше, чем другие. Может быть, потому, что маленький Никодим немного знал по-немецки – во всяком случае, понимал, куда его посылают. Потом – почтовое ведомство, мизерное жалованье и постоянные придирки начальника... Война.

Трехлетняя служба в обозах телеграфного батальона и единственное повышение – чин ефрейтора.⁶ Опять почта в Лыскове. До сокращения штатов. Благодаря ксендзу устроился в читальне, но и там едва перезимовал: уже в апреле обнаружилось, что он не умеет держать полки с книгами в надлежащем порядке.

Впрочем, в читальне служить было интереснее всего...

Размышления Дызмы были прерваны гудками соседних фабрик. Видя, что Валентова собирается накрывать на стол, Дызма лениво поднялся и вышел.

Он без цели слонялся по раскаленным от зноя улицам, хотя ноги у него ныли. Сидеть в квартире, слушать воркотню Валента, колкости Маньки и – самое главное – наблюдать за тем, как они едят, было выше его сил. Вот уже второй день во рту не было ни крошки. Он только курил, приберегая последние деньги на папиросы.

Проходя мимо колбасной лавки, Дызма задержал дыхание, – так раздражал его запах копченостей. Он отворачивал голову от витрин с продуктами, но голод мучил всё больше.

Дызма отлично сознавал, что шансов на успех у него нет.

Пугало ли это его? Нисколько. Дызма, к счастью для себя, был лишен дара воображения. Свои планы он строил на два–три дня вперед. И если минувшую неделю он кое-как просуществовал, продав часы, то следующую мог прожить, спустив на рынке фрак и лакированные ботинки.

Разумеется, он долго копил деньги на этот костюм, отказывая себе во многом; разумеется, на этот костюм он возлагал немалые надежды: а ну как удастся устроиться распорядителем танцев в ресторане – ведь это легкий и верный заработок. Но после нескольких бесплодных попыток он пришел к выводу, что никто его в распорядители не возьмет, и без колебаний решил расстаться со своим выходным костюмом.

Около шести, приняв окончательное решение, он повернул к дому.

В квартире была одна Манька – вертлявая черноволосая девушка. Очевидно, она отправлялась на вечерний промысел, потому что сидела у окна и красилась. Она расположилась на его чемодане, и Дызма, чтобы не мешать, присел в углу.

Манька заговорила первая:

– Теперь отвернитесь: буду переодеваться.

– Не смотрю, – буркнул он.

---

⁴ В.Э.: Ма́нка.

⁵ В.Э.: «Без книжечки» – проститутки обязаны были регистрироваться.

⁶ В.Э.: Дызма (как и сам Мостович) жил на территории, которая до Первой мировой войны принадлежала России и, если бы он участвовал в этой войне, то служить должен был в Российской армии. Во время Первой мировой войны Дызме было 18–22 года (по Роману в 1932 г. ему 36 лет, т.е. он на 2 года старше автора), так что по возрасту он мог быть призван в армию во время мировой войны. Звание ефрейтора в «Русской императорской армии» существовало. Однако, судя по всему, автор наделяет Дызму таким же военным опытом, какой имел он сам, т.е. службой только в Войске Польском после 1918 года.

– Ну и отлично. А то оскомину набьете.

Дызма выругался. Девушка негромко рассмеялась и сняла платье. Никодим действительно не чувствовал к ней интереса, но раздражала его она до крайности. С каким удовольствием зажал бы он ей рот и вышвырнул из квартиры! Манька надоедала ему упорно, с каким-то непонятым ожесточением. Это, впрочем, не оскорбляло его мужского самолюбия – просто не было условий, в которых оно могло бы у него возникнуть, не унижало даже его человеческого достоинства, которого у него не было; к тому же, с точки зрения общественной, Никодим не ощущал особой разницы между собой, «безработным интеллигентом», и этой девушкой. Всё дело было только в том, что она отравляла ему существование.

Тем временем Манька переделалась, набросила на плечи платок и, став перед Дызмой, оскалила крупные белые зубы.

– Как, ничего девочка?

– Убирайся к черту! – закричал он в ярости.

Она взяла его двумя пальцами за подбородок, но Дызма ударил ее по руке, и Манька отскочила.

– У, гадина! – прошипела она. – Шантрапа, лодырь! Драться еще вздумал?! Посмотрите на этого оборванца!

Манька долго еще бранилась, но Дызма не слушал. Открыв чемодан, он прикидывал, сколько ему дадут за фрак... Пожалуй, пятьдесят злотых дадут. Сам на Керцеляке⁷ заплатил семьдесят. На лакированных ботинках придется потерять злотых восемь–десять.

В люльке запищал ребенок. Через минуту прибежала от соседки Валентова. Только тогда Манька перестала браниться и вышла, хлопнув дверью.

Дызма вынул из чемодана фрак.

– Ого, – усмехнулась Валентова. – На бал или на свадьбу?

Дызма не ответил. Он старательно сложил брюки, жилет и фрак, завернул всё в газету и попросил шнурок.

Пришел Валент. Жена стала разогревать на ужин картошку, и снова комнату наполнил запах сала.

– Пан Дызма, – спросил Валент, – вы на Керцеляк?

– На Керцеляк.

– А ведь сегодня суббота.⁸ Евреев нет, а свои покупают мало. Если и возьмут, так за гроши собачьи.

Жир потрескивал на сковородке. Никодим проглотил слюну.

– Пусть хоть за собачьи.

Вдруг он вспомнил, что не осмотрел карманов. Быстро развязал сверток. И действительно, в брюках оказалась стеклянная табакерка, во фраке – носовой платок.

Никодим сунул вещи в пиджак. Вдруг он нащупал в кармане какой-то незнакомый предмет. Как будто картон... А! Это письмо, подобранное на трамвайной остановке. Приглашение.

Никодим снова вынул карточку из конверта и прочел. Его неожиданно поразила приписка: «Фрак, ордена».

Взглянул на фрак. Банкет. Еда, много еды, да еще даром.

«Я с ума сошел», – подумал он. Снова принялся читать: «15 июля с.г. в 8 часов вечера».

Никак не удавалось прогнать назойливую мысль.

– Пан Валент, сегодня пятнадцатое?

– Пятнадцатое.

– Сколько сейчас времени будет?

– Будет и десять, а пока что семь.

С минуту Дызма стоял неподвижно.

«Что они со мной сделают? – подумал он. – На худой конец, вышвырнут вон. Впрочем, там будет столько народу...» Он вынул бритвенный прибор и стал переодеваться.

Когда он работал в уездной читальне и в предобеденные часы дела почти не было, он от скуки читал книги. Нередко ему попадались описания балов и раутов у разных графов и

⁷ Керцеляк – рынок в Варшаве.

⁸ В.Э.: 15 июля было субботой в 1922 году и потом только в 1933. Таким образом, для романа, опубликованного в 1932 году, Доленга выбрал такое календарное сочетание, которое не соответствует ни одному близкому реальному году.

министров. Он знал, что на таких больших приемах, если книги не ввали, бывает много людей, незнакомых друг другу; следовательно, может ему и повезет. Главное – не броситься никому в глаза.

Хозяева сидели за столом, ели картошку, пили чай.

«Еда, много еды, – думал Дызма. – Мясо, хлеб, рыба...»

Он умылся над раковиной, расчесал жесткие волосы и надел крахмальную сорочку.

– Ну, не говорила ли я, что он идет на свадьбу? – сказала Валентова.

Муж покосился на жильца и проворчал:

– Не наше дело!

Дызма с трудом застегнул тугой воротничок, повязал галстук и надел фрак.

– Еда, много еды, – прошептал он.

– Что вы там говорите?

– Ничего. До свидания.

Застегивая на ходу габардиновый плащ, он медленно спустился с лестницы. У ближайшего фонаря еще раз прочитал приглашение и удостоверился, что имени там проставлено не было. Спрятал билет в карман, а конверт разорвал и бросил в канаву.

Дызма слабо еще ориентировался в Варшаве и поэтому с минуту колебался – какую дорогу избрать, пока, наконец, не решил идти знакомыми улицами. Свернул на Железную, и от угла Хлодной направился к костелу. Оттуда видна уже была Электоральная улица и Банковская площадь.

В рабочих кварталах вечерняя жизнь шла своим чередом. Из трактиров доносились хриплые звуки гармоники, по заплыванным тротуарам шлялись компаниями подростки и молодые рабочие в расстегнутых пиджаках, без галстуков. Девушки, взявшись под руку, гуляли по трое, по четверо. Хихикали, перешептывались. У ворот стояли или сидели на вынесенных из квартир табуретах пожилые женщины с детьми на руках.

«Субботний отдых», – подумал Дызма.

На Электоральной тоже толпился народ: празднующие субботу евреи заполнили не только тротуар, но и мостовую.

Когда Дызма добрался до Театральной площади, часы на башне ратуши показывали уже пять минут девятого. Он прибавил шагу и через минуту очутился у Европейской гостиницы.

Один за другим подъезжали блистающие лаком лимузины, из них выходили элегантно одетые мужчины. Дамы, несмотря на жару, были в мехах.

Дызма оробел.

Сумеет ли он держаться как следует?

Голод, однако, взял верх. Поесть, во что бы то ни стало поесть! Пусть вышвырнут потом за дверь – горе да беда с кем не была?

Он стиснул зубы и вошел. Не успел оглянуться, как лакеи подхватили пальто и шляпу, а какой-то господин учтиво проводил его до входа в зал и даже открыл двери.

Просторный белый зал, черные кляксы фраков, разноцветные пятна дамских туалетов закачались в глазах Дызмы. Запах духов и гул голосов подействовали на него одуряюще.

Он остановился в дверях и вдруг увидел перед собой какого-то господина, который замер в поклоне, протянув руку. Дызма машинально подал ему свою.

– Позвольте представиться, – сказал тот, – Антоневский, личный секретарь премьер-министра. Разрешите от имени пана премьера поблагодарить вас за посещение. Прошу, вот закуски.

И, не кончив, подскочил к двум тощим старикам. Дызма стер со лба пот.

– Слава богу! Теперь только смелей!..

Он уже овладел собой и начал осваиваться. Заметил, что одни едят, стоя у длинного стола, с тарелками в руках, другие сидят за маленькими столиками. Дызма решил пересилить голод и посмотреть, как держат себя гости. Окинул взглядом стол, уставленный удивительными яствами, каких он еще в жизни не видал. Его так и подмывало схватить какое-нибудь из блюд и съесть всё где-нибудь в уголке. Однако он сдерживал себя, наблюдал.

Наконец решился и стал искать глазами тарелку. Когда нашел тарелку и вилку, положил себе изрядную порцию салата, кусок паштета. Рот у него наполнился слюной, и он не мог оторвать взгляда от тарелки. Отвернувшись, чтобы выбрать себе укромное местечко, Дызма вдруг почувствовал сильный толчок. Тарелка вылетела из рук и разбилась.

Никодим пришел в бешенство. Перед самым его носом бесцеремонно протискивался какой-то толстяк. Он не соблаговолит даже повернуться, чтобы извиниться за свою неловкость. Если бы Дызма мог владеть собой, он бы, наверно, смирил свое неистовство. Но в эту минуту он ощущал одно: из-за этого толстяка он останется голодным.

Двумя прыжками настиг он виновника и схватил за локоть:

– Полегче, вы, черт бы вас побрал! Вы у меня тарелку вышибли! – бросил ему Дызма в лицо.

Глаза толстяка выражали крайнее изумление, даже испуг. Он посмотрел на пол и, сконфузившись, стал извиняться.

Вокруг всё притихло. Подскочил кельнер, убрал осколки и подал Дызме новую тарелку. Не отдавая еще себе отчета, какое он учинил сумасбродство, Дызма стал снова накладывать себе салат. И лишь отойдя в сторону, немного успокоился и вдруг понял, что его каждую минуту могут вышвырнуть вон. Тогда он стал глотать не разжевывая, чтобы съесть побольше.

Зал между тем наполнялся гостями, и Дызма с облегчением убедился, что никто на него не обращает внимания. Это его ободряло, и он опять наполнил свою тарелку. Обнаружив возле себя поднос с налитыми рюмками, выпил две, одну за другой, и почувствовал себя увереннее. Потянувшись за третьей, с изумлением заметил, как поднятая чьей-то рукой соседняя рюмка слегка чокается в его собственную. В то же время послышалось:

– Можно выпить с вами?

Рядом стоял высокий брюнет в мундире полковника и как-то двусмысленно улыбался.

Они поднесли рюмки к губам и выпили. Полковник протянул руку.

– Вареда.⁹

– Дызма, – как эхо отозвался Никодим и пожал руку.

– Поздравляю вас, – наклонился к Дызме полковник. – Здорово вы осадили этого Терковского. Я всё видел.

Дызма залился краской.

«Ну, – подумал он, – сейчас этот меня выставит. Но как деликатно подбирается!»

– Еще и сейчас кровь закипает у вас при мысли об этом болване, – и полковник захохотал. – Поздравляю, пан... Дызма. Терковский давно не получал такого урока. Ваше здоровье!

– Ерунда! Жаль только... салата и тарелочки.

Вареда снова расхохотался.

– Шутить изволите! Я вижу, вы остряк, пан Дызма! Ваше здоровье! Знаете что, – добавил он, ставя рюмку на поднос, – ведь это превосходная шутка: Терковский – ерунда, жаль салата!

Полковник был в восторге и хохотал не переставая. Вместе с ним смеялся и Дызма с бутербродом во рту, хоть и не мог сообразить, что, собственно, так радуется полковника.

Вареда угостил Дызму папиросом, и оба отошли к окну. Едва закурили, к ним стремительной походкой приблизился невысокий светловолосый, сидящий мужчина с неподвижно-стеклянными глазами.

– Вацек! – крикнул он. – Дай-ка папиросу. Забыл свои.

Полковник вновь вынул серебряный портсигар.

– Прошу. Позволь представить тебе: пан Дызма! Пан министр Яшунский!

Дызма весь съежился: никогда в жизни он не видел министра. Когда в Лыскове в почтовой конторе говорили о министре, то в этом слове было что-то нереальное, отвлеченное, что-то бесконечно далекое и недостижимое... Благоговейно пожал он протянутую руку.

– Вообрази только, – заговорил полковник, – у пана Дызмы был сейчас инцидент с этим болваном Терковским.

– Ах! Это вы? Что ты говоришь! – оживился министр. – Слышал, слышал. Ну-ну!

– Мало того, заметь себе, – продолжал полковник, – когда я поздравил пана Дызму, он мне на это: «Терковский – ерунда, салата жалко!» Представь себе: салата!

Оба расхохотались, и Дызма невольно стал им вторить. Внезапно министр замолк и многозначительно заметил:

– Участь самонадеянных людей. Лезет напрапалу, скотина, пока его не пошлют к чертовой матери, и тут оказывается, он не стоит и...

---

⁹ В.Э.: Pułkownik Wareda.

– Салата! – подхватил полковник Вареда.

Все опять расхохотались, а министр, взяв Дызму под руку, весело сказал:

– Во всяком случае, пан Дызма, искренне поздравляю вас. Искренне. Если б в нашей стране было побольше таких людей, как вы, которые никому потачки не дают, мы занимали бы иное положение. Нам нужны люди сильные.

Подожли несколько мужчин, и завязался общий разговор.

Дызма успокоился. Под влиянием сытости и выпитого коньяка нервное напряжение улеглось. Сначала ему казалось, что его принимают за кого-то другого, может быть его однофамильца, – кто знает, а вдруг здесь, в Варшаве, есть у него какой-нибудь родственник? Однако потом пришел к выводу, что просто все считают его своим потому, что он выругал какого-то Терковского. Кто этот Терковский? Тоже, конечно, какая-нибудь шишка.

Всё взвесив, Дызма решил, что самое лучшее – как можно скорее смыться. Особенное беспокойство внушал ему стоявший в отдалении пожилой господин, который внимательно наблюдал за ним. Он даже делал кое-какие маневры, чтобы заглянуть Дызме в лицо.

«Вот дьявол! Что этому старому хрену нужно?»

И вскоре он получил ответ. Пожилой господин остановил проходившего мимо кельнера и, кивнув головой на Дызму, шепнул ему что-то. Кельнер поклонился и подошел к Дызме.

– Вас просят на минуточку.

Выхода не было. О бегстве не могло быть и речи. Никодим хмуро глянул на старичка и двинулся вперед. Но тот заулыбался и торопливо зашепелявил:

– Тысячу раз простите, если не ошибаюсь, я имел честь познакомиться с вами в прошлом году, на съезде промышленников в Кракове. Не помните? В апреле... Леон Куницкий...

Маленькая нервная рука настойчиво потянулась к Дызме.

– Леон Куницкий!

– Никодим Дызма! Вы ошибаетесь: я в Кракове никогда не был. Вы, наверно, меня с кем-то спутали.

Старичок стал извиняться, оправдываться и так быстро затараторил, что Дызма едва мог понять его.

– Да, да, разумеется, старики видят худо... Рассеянность, прошу прощения, но всё равно, очень рад. Знакомых у меня здесь почти нет. Досадно, не с кем даже словом перемолвиться. А ведь мне надо решить сейчас одно дело, вот и попросил приятеля достать пригласительный билет, да разве сам справишься... Я, было, обрадовался, – неугомонно тараторил старик, – да, обрадовался, когда встретил вас и увидел, что вы в близких отношениях с министром земледелия. Я решил: знакомый... окажет услугу и представит пану министру Яшунскому. Но тысячу, тысячу извинений!

– Не за что.

– О нет, нет, я оторвал вас от приятной беседы с паном министром, но, видите ли, я провинциал, у нас в деревне всё попросту, без церемоний.

«Ишь понесло», – подумал Дызма.

– Тысячу раз извините, – не унимался Куницкий. – А что бы вам стоило оказать старику услугу?

– Какую услугу? – удивился Дызма.

– Ах, я не навязываюсь, но если бы вы, пан Дызма, сообразовали, скажем, представить меня пану министру, то он видел бы во мне знакомого своего друга...

– Друга? – откровенно изумился Дызма.

– Хе-хе-хе!.. Не отпирайтесь, почтеннейший: я своими ушами слышал ваш разговор с паном министром. Хоть я стар и подслеповат, но слух у меня отличный. Уж ручаюсь, если вы представите меня... Скажете, например, пану министру: «Дорогой пан министр, разрешите представить вам моего хорошего знакомого Леона Куницкого...» – о, это будет совсем иное дело!..

– Что вы, пан Куницкий... – запротестовал Дызма.

– Не навязываюсь, не навязываюсь... хе-хе-хе!.. Но был бы вам чрезвычайно признателен. Что вам это стоит?

Открылись двери в соседний зал. Гости зашевелились и сгрудились у входа. Проходя мимо Дызмы, министр Яшунский улыбнулся и сказал своим спутникам:

– Герой сегодняшнего вечера.

Подтолкнув Дызму, Куницкий изогнулся в поклоне. Дызма машинально выпалил:

– Позвольте представить вам папа Куницкого, моего старого знакомого.

Лицо министра выразило удивление. Не успел он рта открыть, как Кунацкий стал трясти ему руку и разразился нескончаемой тирадой: он, дескать, счастлив познакомиться с таким замечательным государственным деятелем, которому отечество, и, в частности, земледелие, а тем более лесоводство, обязано многим; он всю жизнь, дескать, будет помнить эту минуту, ибо сам он как землевладелец и лесопромышленник может оценить заслуги в этой области; однако, увы, не все подчиненные пана министра способны понять его великие руководящие идеи, и, тем не менее, этого можно достичь; к тому же он, Куницкий, неоплатный должник любезного пана Дызмы, который соблаговолил его представить пану министру.

Поток красноречия лился так бурно, что изумленный до крайности министр смог лишь пробормотать:

– Очень приятно.

Но когда назойливый старик повел речь о казенных лесах в Гродненском воеводстве и о каких-то лесопильнях, министр оборвал его:

– Увольте меня от этого хоть на банкете. А то мне нечего будет делать в министерстве.

Он подал руку Дызме, кивнул Куницкому и ушел.

– Крепкий орешек этот ваш министр, – заметил Куницкий. – Не ожидал. И всегда он такой?

– Всегда, – на всякий случай ответил Дызма.

Официальное торжество кончилось. Гостей пригласили ужинать в ресторан.

Старик увязался за Дызмой. За столом сел рядом и болтал без умолку. У Дызмы голова пошла кругом. Правда, причиной тому был, по-видимому, коньяк да две–три рюмки вина. Росла усталость, клонило ко сну. Хотя желудок был набит уже до отказа, время от времени приходилось приниматься то за еду, то за питье, и это было просто мучительно. Дызма стал уже с удовольствием подумывать о том, как он, возвратившись к себе на Луцкую, поставит складную койку у окна и завалится спать. Завтра воскресенье – дадут поспать, пожалуй, до десяти.

Но Куницкий взял его под руку.

– Дорогой мой, не откажите в любезности, еще только одиннадцать, давайте выпьем по рюмке доброго венгерского. Я остановился тут же, в Европейской, на втором этаже. У меня к вам большая просьба. Ну, дорогой пан Дызма, ведь вы мне не откажете? Посидим в тишине, в покое... за рюмкой доброго винца... А? На полчаса, на четверть часика только...

И он потащил Дызму почти насильно. Они вышли в вестибюль и вскоре очутились в просторном номере. Куницкий позвонил, велел подать венгерского.

Меж тем вращающаяся стеклянная дверь внизу с каждым оборотом выбрасывала наружу мужчин в цилиндрах и дам в нарядных туалетах. У края тротуара швейцар выкрикнул:

– Машина пана Яшунского!

Подкатил блестящий лимузин.

– Слушай-ка, Ванек, как фамилия этого твоего приятеля, который так отбрил Терковского? – спросил министр, прощаясь с полковником Варедой.

– Парень что надо! – с решительностью заявил нетвердо державшийся на ногах полковник. – Фамилия его Дызма. Отбрил, как полагается.

– Наверно, помещик или промышленник, раз он в дружбе с Куницким. У того был процесс в связи с поставкой шпал.

– Говорю тебе: молодец! За словом в карман не лезет.

– Да, это, верно, сильный характер. Верю во френологию. Череп выдвинут вперед, и сильно развита нижняя челюсть. Верю во френологию. Ну, прощай.

Загудел мотор, хлопнули дверцы. Полковник остался на тротуаре.

– Нализался, что ли, шут его возьми, – говорил сам с собой Вареда. – Что общего – характер и хронология?

Глава 2

Настольная лампа с зеленым низким абажуром выхватывала из темноты только маленький круг плюшевой скатерти, коробку с сигарами, замшелую бутылку и две рюмки с янтарной жидкостью. В глубине комнаты неясно рисовались очертания мебели.

Дызма повалился в мягкое кресло, полузакрыв глаза. Его разморило, он наверняка заснул бы под этот монотонный голос, который, точно бусины на нитку, нанизывал друг на друга слова, если б время от времени по другую сторону стола в освещенном лампой кругу не мелькали белая манишка и седые волосы его щедедушного собеседника.

Маленькие зоркие, назойливые глазки буравили сумрак, стараясь поймать взгляд Дызмы.

– Вот как туго приходится из-за бюрократизма этих мелких провинциальных чиновников. Придирамкам конца-краю нет. Прикрываются циркулярами, уставами, и всё для того, чтобы разорить меня и лишить куска хлеба моих рабочих. Пан Дызма, честное слово, вы – единственное мое спасение.

– Я? – удивился Дызма.

– Вы, – убежденно повторил Куницкий. – Верите ли, четвертый раз выезжаю всё по тому же делу в Варшаву. И я решил: если на этот раз не одолею этого олуха, этого крючкотвора Ольшевского, если не добьюсь в министерстве древесины из казенных лесов на человеческих условиях, то шабаш! Ликвидирую всё! Продаю евреям лесопильню, мебельную фабрику, бумажную фабрику, целлюлозную – всё спущу за бесценок, что со мной потом будет – не знаю. Наверно, пушу себе пулю в лоб! Ваше здоровье, пан Дызма, – закончил свою тираду Куницкий и залпом осушил рюмку.

– Но чем же я могу вам помочь?

– Хе-хе-хе! Шутите, уважаемый. Чутьочку доброй воли, чутьочку... О, прошу прощения, я отлично понимаю, что вы на это потратите бесценное время, ну и... расходы потребуются... Но при таких связях... хо-хо!

Он придвинул стул и заговорил совсем по-другому:

– Скажу прямо – если бы передо мной очутился вдруг волшебник и сказал: «Куницкий! Я всё тебе устрою, выгоню в три шеи этого кретина Ольшевского, на место управляющего посажу такого, с которым можно будет разговаривать по-человечески, выхлопочу для тебя хорошую партию дерева... Что ты мне дашь взамен?» – я бы не задумываясь ответил: «Волшебник! Тридцать, ну тридцать пять тысяч наличными! Клянусь богом! Десять – тут же на месте, остальные – по окончании».

Куницкий ждал ответа, но Дызма молчал. Он понял, что старик предлагает ему взятку за то, чего он, Никодим Дызма, сделать не в состоянии, даже если пройдет на бровях. Колоссальная сумма, значимость которой далеко выходила за пределы его понятий, даже мечтаний, еще больше подчеркивала нереальность сделки. Ну, предложи Куницкий триста – пятьсот злотых, дело утратило бы всю свою невероятность и представилось бы ему как выгодный случай окопачить старика. В голове Дызмы даже мелькнула мысль: не пугнуть ли Куницкого, что он донесет на него в полицию. Может, тот даст злотых пятьдесят отступного. В Лыскове писарь мирового суда Юрчак заработал таким путем целую сотню. Но писарь другое дело: он сидит у себя в канцелярии, он лицо должностное...

Молчание Дызмы обескуражило Куницкого: он не знал, что и думать. Не зашел ли он слишком далеко? Не оскорбился ли Дызма?.. Это было бы катастрофой. Он исчерпал уже все связи и влияния, выбросил кучу денег, потерял уйму времени. А теперь еще и это... Старик решил тотчас всё исправить и сгладить неприятное ощущение.

– Ну, конечно, волшебников сейчас нет, хе-хе-хе... Да и трудно требовать даже от самого доброжелательного, самого искреннего друга, чтоб он занимался делами, о которых знает только понаслышке. Ведь так?

– Разумеется.

– Знаете что? Идея! Пан Дызма, дорогой друг, окажите мне честь, приезжайте ко мне на несколько недель в Коборово. Вы отдохнете, развлечетесь в деревне... Чудесный воздух, верховая езда, моторная лодка на озере... А заодно присмотритесь к моему хозяйству, лесопилке... Ну, золотко мое, решено?

Это новое предложение так ошарашило Дызму, что он просто рот разинул. Куницкий же не переставал настаивать. Расхваливал преимущества отдыха в деревне, в сосновом бору; уверял, что его дамы будут ему благодарны за столь приятный сюрприз, как приезд гостя из столицы.

– Но, пан Куницкий, – прервал его Дызма, – где уж мне думать об отдыхе! Я и так слишком много отдыхаю.

– О, этого никогда не бывает слишком!

– Я безработный, – криво усмехнулся Дызма.

Он ожидал увидеть на лице старика разочарование, изумление. Но тот только расхохотался.

– Хе-хе-хе! Ну и шутник! Безработный! Ну разумеется, с торговлей, с промышленностью сейчас плохо, нелегко добиться доходного места. А на государственной службе много почету, мало денег. Оклады чиновников, даже на высших должностях, оставляют желать лучшего.

– Это мне отчасти знакомо, – подтвердил Дызма, – сам три года на казенной службе состоял.

Вдруг Куницкого осенило.

«Ну и ловкач, братец ты май, – подумал он. – Тем лучше, если даром не хочешь».

– Дорогой пан Дызма! Как только с вами познакомился, сразу на меня нашло наитие: вы посланы мне богом. Если б это только оправдалось! Пан Дызма, золотой пан Никодим, обстоятельства с обеих сторон так удачно складываются! Вы ищите хорошей должности, а я уже дожил до того возраста, когда у человека силы на исходе. Уважаемый друг! Не сердитесь на дерзость... Но что бы вы сказали, если б я вам предложил взять на себя... ну, скажем, управление моими имениями и фабриками. Не подумайте, что это пустяк. Хозяйство сложное, взглядом не окинешь!

– Не знаю, справлюсь ли я. Я ничего в этом не смыслю, – откровенно признался Дызма.

– О, вы быстро освоитесь, – возразил Куницкий. – Впрочем, с фабриками я сам как-нибудь справлюсь. А вот разъезжать всё время, толкаться по канцеляриям, добиваться милостей у какого-то Ольшевского, вести дела в министерствах – для всего этого я слишком стар. Тут надо кого-нибудь познергичней, со связями, перед кем разные там Ольшевские хвост подождут. Да и помоложе меня. Вам еще небось и сорока нет?

– Тридцать шесть.

– Вот это возраст! Дорогой мой, не откажите: у вас будут удобные комнаты по вашему выбору – или рядом с нами в доме, или в отдельном флигеле. Лошади, машина в вашем распоряжении. Хорошая кухня. Близко от города. Захочется проведать своих друзей в Варшаве – сделайте одолжение. Что касается условий – не стесняйтесь, предлагайте сами.

– Гм, – буркнул Дызма, – право, не знаю.

– Ну, скажем, так: тантьема в тридцать процентов от прибыли, которой вы добьетесь.

Идет?

– Идет, – кивнул головой Дызма, толком не уяснив себе, на что соглашается.

– А оклад, скажем... две тысячи в месяц.

– Сколько? – удивился Дызма.

– Ну две тысячи пятьсот. Да разъездные, кроме того. Идет? Руку!

Дызма машинально пожал маленькую руку старика.

А тот, порозовевший, улыбающийся, вынул огромное вечное перо, ни на секунду не закрывая рта, заполнил мелкими округлыми буквами четвертушку листа и подsunул Дызме. И в то время как пан Никодим украшая свою фамилию затейливым, давно изобретенным росчерком, Куницкий отсчитывал из пузатого бумажника шелестящие ассигнации.

– Вот пять тысяч аванса, прошу покорнейше. А теперь...

И он стал обсуждать вопросы, связанные с отъездом Никодима.

Через несколько минут, когда в коридоре затихли шаги Дызмы, Куницкий встал посреди комнаты, и, потирая руки, прошепелявил:

– Ну, старик Куницкий, кто посмеет сказать, что ты не умеешь устраивать дела!

И правда, Леон Куницкий славился необычайной изворотливостью и редко ошибался: удачно намечал сделки и молниеносно их осуществлял.

Светало. На позеленевшем куполе неба кое-где мерцали потухающие звезды. Ровные ряды фонарей сочили болезненно-мутный свет.

Никодим шел по городу, и эхо его шагов гулко звучало в пустоте улиц.

Обрывки впечатлений путались и мелькали в голове, точно стеклышки калейдоскопа. Он чувствовал – всё, что произошло, имеет для него огромное значение, но понять сущность событий был не способен. Он чувствовал, что нежданно-негаданно на него свалилось счастье, но не мог постичь, что оно означало, откуда взялось.

Чем больше он думал, тем неправдоподобнее, фантастичнее казалось ему всё случившееся.

Он останавливался в страхе, осторожно засовывал руку в карман и, нащупывая тугую пачку ассигнаций, улыбался. Вдруг ему стало ясно: он богат, очень богат. Он вошел под арку ворот и принялся считать. Боже мой! Пять тысяч золотых!

– Вот так куш! – вырвалось у него. Выработанный годами мытарств инстинкт подсказал естественную реакцию: надо спрыснуть. И, хотя ему не хотелось ни есть, ни пить, он свернул на Грибовскую улицу; он знал – пивная Ицека уже открыта. Он предусмотрительно вынул кредитку в сто золотых и спрятал ее в другой карман. Показывать много денег у Ицека было небезопасно.

Несмотря на ранний час, у Ицека была толчея. Извозчики, шоферы такси, кельнеры закрытых уже ресторанов, сутенеры, пропивающие ночной заработок своих «невест», бродяги с окраин, вернувшиеся после удачных «экспедиций», – весь этот люд наполнял две небольшие комнаты ровным гулом голосов и звяканьем посуды.

Никодим выпил две рюмки водки, закусил холодной свиной котлетой и соленым огурцом. Ему пришло в голову, что сегодня воскресенье и Валент не пойдет на работу.

«Пусть хамье знает, что такое интеллигенция», – подумал Дызма.

Он велел подать бутылку водки и кило колбасы, старательно пересчитал сдачу и вышел. Не доходя до Луцкой, он вдруг заметил Маньку. Она прислонилась к стене и стояла, уставясь в одну точку. Эта встреча почему-то обрадовала его.

– Добрый вечер, панна Маня! – крикнул он весело.

– Добрый вечер, – ответила та, с удивлением посмотрев на него. – Что это вы шляетесь по ночам?

– А вы чего не идете спать?

– Сейчас пойду, – с досадой ответила Манька.

Дызма внимательно на нее поглядел. Она показалась ему привлекательней, чем обычно. Худошава, правда, но стройна. «Сколько ей может быть? – подумал он. – Самое большее – семнадцать».

– Почему такая грустная?

Она пожала плечами.

– Если б вы три ночи подряд бегали по улицам, как собака, и не заработали ни гроша, вы бы тоже, наверно, не скакали от радости.

Дызме стало неловко. Он полез в карман и достал несколько кредиток по десять золотых.

– Я вам дам займы, панна Маня. Двадцати хватит?

Девушка с изумлением смотрела на деньги. Она знала, что у Дызмы еще в полдень не было ни гроша. Откуда же столько денег? Наверно, украл. Может, для того и надевал фрак. «Впрочем, – подумала она, – какое мне дело?»

Никодим протянул ей две бумажки.

– Вот!

Манька покачала головой.

– Не хочу. Не возьму. Отдавать нечем.

– Ну и не надо.

– Не хочу, – нахмурилась она. – Ишь, банкир какой!

Потом отвернулась и тихо добавила:

– Разве что... Даром не хочу... Разве что пойдете со мной.

– Э-э, – промычал Дызма и покраснел.

Манька заглянула ему в глаза.

– Не нравлюсь?

– Почему...

– Мужчина еще! – неожиданно вырвалось у нее со злостью. – У-у... калоша!

Манька повернулась на каблуках и медленно пошла к дому.

– Панна Маня! – крикнул он ей вдогонку. – Пойдите, пойдём.

Она подождала, пока он не поравняется с ней, и сказала:

- Еще за номер пять злотых.
- Ладно.

Они молча шли по узким улочкам.

Сонный верзила в плюшевом жилете отпер им дверь, повел в тесный грязный номер и протянул руку. Дызма заплатил.

*

Сквозь ветхие серые занавески било яркое солнце. В номере стало душно, отдавало затхлостью.

- Может, окно открыть? – предложила Манька.
- Уже поздно. Домой пора. Наверно, часов десять, – отозвался Дызма.

Перед маленьким зеркальцем Манька расчесывала выщербленным гребешком густые черные волосы.

- Место нашли? – бросила она равнодушно.

Дызму внезапно охватило неудержимое желание покрасоваться перед Манькой. Он вынул из кармана все свои деньги и разложил на столе.

- Посмотри, – сказал он с улыбкой.

Манька повернула голову, и глаза у нее округлились, Она не отрываясь глядела на банкноты.

– Сколько деньжищ... Сколько деньжищ... Да еще все бумажки по пять сотен. Черт возьми!

Никодим наслаждался произведенным эффектом... Девушка схватила его за руку.

- Слушай! Ты был на «работе»? – В голосе сквозило восхищение.

Дызма рассмеялся и, желая покуражиться, ответил:

- Ага!

Манька осторожно прикоснулась кончиками пальцев к деньгам.

- Скажи... скажи... – прошептала она, – ты ходил на «мокрое»?

Дызма кивнул.

Манька молчала, но глаза выражала страх и восторг. Она и мысли не допускала, что этот тихий жилец... этот рохля...

- Ножом?
- Ножом.
- Трудно было?
- Тю... Даже не пикнул.

Она покачала головой.

- Деньжищ-то у него было!.. Может, еврей?
- Еврей.
- Вот не думала...
- Чего не думала? – спросил Дызма и принялся убирать деньги.
- Не думала, что ты такой...
- Какой – такой?
- Ну, такой...

Вдруг она прижалась к нему.

- А тебя не накроют?
- Не беспокойся, я вовремя смоюсь.
- Тебя никто не видел? Может, ты оставил какие-нибудь следы? Тут надо в оба смотреть. Фараоны даже по отпечаткам пальцев найдут.
- Меня не поймают.
- Скажи, страшно было?

Дызма рассмеялся.

- Не стоит вспоминать. Пойдем домой. На, вот тебе на платье.

Он положил перед Манькой сто злотых. Девушка обняла его за шею и стада целовать в губы.

Домой шли молча. Никодим с удовлетворением отметил, что отношение этой девчонки к нему изменилось в одну минуту. Он быстро сообразил, что это восхищение, преклонение даже, пробудили в Маньке не деньги, а разговор о налете. И хотя ему льстила такая перемена, в глубине души Никодиму было стыдно – он понимал, что не заслужил этого восхищения. Но теперь он бы уже, конечно, не признался, что вся эта история была выдумкой.

– Смотри, Манька, – сказал Дызма, когда они поднимались по лестнице, – дома ни гугу! Ясно?

– Еще бы!

– Мне теперь надо будет выехать на некоторое время, чтобы... понимаешь... Ну, словом, для безопасности.

– Понимаю. Ты вернешься?

– Вернусь.

К появлению жильца вместе с Манькой, притом в такой поздний час, супруги Бартики отнеслись с полным равнодушием. Зато водке и колбасе было отдано должное. Валентова тотчас накрыла стол зеленой клеенкой, и все сели завтракать. В банку из-под горчицы налили водки и пустили по кругу. Была она не так уж мала... И вскоре Дызма, вынув пять золотых, послал Маньку за новой бутылкой. Никодим отдал свои квартирные долги и, когда девушка вернулась, обратился к присутствующим:

– Ну, поздравьте меня: получил хорошее место.

– Где? – поинтересовался Валент.

– Не в Варшаве, в провинции.

– Не говорила ли я, в провинции легче заработать, – замотала головой Валентова. – Всего вдоволь. Известное дело – мужики.

Выпили за здоровье Дызмы, и, когда бутылка была уже пуста, Никодим расставил свою походную кровать, разделся, жилет с деньгами сунул под подушку и мгновенно заснул.

Валент с минуту сидел молча. Потом хмель взял свое, и он запел. Манька сразу изъявила неудовольствие:

– Тихо ты, черт тебя побери. Не видишь, человек спит. Отдохнуть даже не дадут!

Наступила тишина. Валент нахлобучил шапку и вышел. Жена помчалась к соседке похвастаться, что жилец, получив место, угощал их всех водкой.

Манька вынула из шкафа батистовый платочек и прикрыла спящему лицо: в комнате было полно мух.

Глава 3

Утро ушло на приготовления к отъезду. Отдавая себе отчет в том, что необходимо позаботиться о своей внешности, Дызма сделал много покупок: несколько смен белья, галстуки, новый бритвенный прибор, ярко-желтые ботинки и два довольно сносно сидевших на нем готовых костюма. Кроме всего прочего, он купил еще уйму всякой мелочи и красивые кожаные чемоданы.

Сын нотариуса Виндера, студент из Львова, в былые времена приводил в восхищение весь Лысков своей элегантностью. Когда Никодиму случалось бывать в его комнате, он всякий раз изумлялся великолепию туалетных принадлежностей. Теперь он старался подражать вкусу молодого Виндера.

В фондах Дызмы образовалась серьезная брешь, зато он был доволен собой.

К шести часам всё было уже готово. Поезд отходил в половине восьмого. Манька, которая думала было сначала провожать Дызму на вокзал, так растерялась при виде всей этой экипировки, что не осмелилась навязать ему свое общество.

Она ограничилась тем, что выбежала за ним на лестницу, расцеловала его и помогла донести чемоданы. Когда пролетка тронулась, она крикнула:

– Вернешься?

– Вернусь, – ответил Дызма и махнул шляпой.

Оказалось, что вторым классом ездить значительно удобнее, чем третьим. Вместо жестких скамеек там пружинные диваны; пассажиры приветливее, да и проводники куда вежливей.

Дызма наслаждался путешествием. Впервые в жизни он почувствовал себя баринем. Ему казалось, что он ничуть не хуже не только начальника почтовой конторы в Лыскове, но даже с обоими Виндерами, с отцом и сыном, мог бы теперь вполне потягаться.

Несколько пассажиров, ехавших вместе с Дызмой, вскоре сошли, и он остался в купе один. Спать не хотелось. Следовало основательно обдумать создавшееся положение...

Было ясно, что неожиданным предложением Куницкого он обязан исключительно тому обстоятельству, что этот старый пройдоха принял его за влиятельное лицо, находящееся в близких отношениях с министром Яшунским. Разумеется, рассеять это заблуждение было бы всё равно, что отказаться от баснословно высокого оклада. Значит, надо изо всех сил стараться держать Куницкого в этом убеждении. Стол и квартира не будут ему ничего стоить. Поэтому расходы ограничатся несколькими десятками, пусть даже сотней золотых в месяц. В итоге – две тысячи четыреста золотых чистого дохода.

«Хоть три месяца продержаться. А может, удастся полгода?»

Дызма улыбнулся своим мыслям. Потом можно будет давать деньги под проценты и жить настоящим барином, ничего не делая. Надо только подольше дурачить старика и глядеть в оба, чтоб не засыпаться. Пореже открывать рот, а о себе – вообще ни слова. Старик тоже ведь не лыком шит, как только заподозрит что-нибудь, всё полетит вверх тормашками.

Брезжил рассвет, когда вошел проводник и объявил, что следующая станция – Коборово.

Дызмой овладело беспокойство: не забыл ли Куницкий, что он должен приехать с этим поездом? Оказалось, не забыл. Едва Никодим вышел из поезда, как к нему подошел лакей в ливрее.

– Простите, не вы ли едете к пану Куницкому?

– Я.

– Машина ожидает у станции, пан управляющий, – сказал лакей и взял чемоданы.

Усевшись в роскошный автомобиль, Никодим подумал:

«Управляющий коборовского имения... Надо будет заказать визитные карточки».

Безукоризненно ровное шоссе сперва шло вдоль железной дороги, затем, на живописном месте, возле полуразрушенной водяной мельницы, сворачивало направо, минуя мостик, проходило мимо многочисленных фабричных строений, густо облепивших узкоколейку.

Вскоре началась длинная кленовая аллея, которая вела к барскому дому, украшенному шпилями и остроконечными крышами. Он был выстроен в странном, даже претенциозном стиле, и всё же был хорош. Обогнув газон, автомобиль остановился у подъезда. Вышла горничная, они вместе с лакеем унесли чемоданы. Не успел Дызма снять пальто, как в вестибюль в пестром фуляровом шлафроке выбежал растрепанный Куницкий. Сперва Никодим даже принял его за женщину.

Куницкий, неугомонный, сияющий, раскрыв объятия, устремился к гостю и обстрелял его из пулемета своего красноречия. Несмотря на то, что говорил он, казалось, быстрее обычного, речь его была всё такой же монотонной и шепелявой. Только после вопроса: «Где, дорогой пан, вы желаете устроиться – в доме или в павильоне?» – он сделал паузу и стал ждать ответа.

Дорогой пан ответил, что ему всё равно, поэтому ему отвели две превосходные комнаты в первом этаже. Тут же ему пояснили, что, кроме обычного выхода через вестибюль и через примыкающие к нему комнаты, он может еще выйти в парк прямо через террасу, что ванная находится рядом, что купаться можно хоть сейчас – всё для него приготовлено – и что если он не очень устал и пожелает выйти к завтраку, то доставит этим большое удовольствие и ему, Куницкому, и дамам.

Оставшись наконец один, Дызма быстро распаковал чемоданы, положил вещи в шкаф и отправился в ванную. Никогда в жизни не доводилось ему мыться в ванной, но он сразу решил, что там куда удобнее, чем в переполненной бане. Впрочем, в последнее время он не мог себе позволить даже баню. Об этом красноречиво свидетельствовала вода, ставшая после его купанья мутной и черной. Дызма долго манипулировал, пока не нашел на дне ванны цепочку, потянул за нее и спустил компрометирующую его грязную воду. Ополоснул ванну, причесался, надел пижаму и, вернувшись в спальню, обнаружил, что прислуга в его отсутствие почистила костюм и ботинки.

«Черт возьми! Тут тебе и пальцем шевельнуть не дадут!» – в изумлении подумал Дызма.

Не успел он завязать галстук, как раздался стук в дверь и явился Куницкий, уже в другом наряде, но всё такой же надоедливый и болтливый.

Столовую, куда он повел Дызму, можно было бы скорей назвать залом. Отделанная панелями темного дерева, она производила унылое впечатление. Вдоль стен стояли высокие буфеты со стеклянными дверцами, поблескивающие изнутри богатством серебра и хрусталя; небольшой белый стол, сервированный на четыре персоны, был выставкой уникальной посуды, которой хватило бы на весь штат почтовой конторы в Лыскове.

– Мои дамы сейчас придут, они кончают свой туалет. Может быть, тем временем, дорогой пан Никодим, вы осмотрите комнаты на первом этаже, потому что второй – хе-хе-хе! – под запретом для нашего взора: понимаете – дамы! Как вам нравится мое жилище? Сам всё проектировал, сам всё делал, сам давал указания архитектору, заботился о последней мелочи.

Куницкий то брал Дызму под руку, то увивался вокруг, беспрестанно заглядывая в глаза.

Барский дом, как и всё Коборово, был гордостью Куницкого. Еще несколько лет назад здесь, по словам хозяина, было глухое место, стояла полуразвалившаяся усадьба, земля почти не обрабатывалась. А сегодня – загляденье, всё приведено в порядок систематическим, упорным трудом.

Ступая по мягким коврам, они проходили комнаты, убранные с роскошью, о которой Дызма не имел даже представления.

Позолоченная бронза, массивные рамы картин, сверкающая мебель, огромные зеркала, мраморные и малахитовые камины, неведомые ткани, тисненая золотом кожа – всё здесь говорило, кричало о богатстве, и Дызма подумал – случись вдруг землетрясение, и дом вместе со всей своей обстановкой рассыплется на золотые шарики.

– Ну, каково? – спросил Куницкий, когда они опять очутились в столовой. Не успел Никодим ответить, как вошли долгожданные дамы.

– Позвольте представить вам – пан Дызма! – подвел к ним гостя Куницкий.

Старшая из дам, блондинка, протянула ему с улыбкой руку.

– Очень приятно. Много слышала о вас.

Младшая, шатенка, чем-то напоминала бойкого мальчишку. Она крепко пожалала Никодиму руку и принялась рассматривать его так бесцеремонно, что тот даже смутился.

К счастью, ему не пришлось и рта открыть, ибо Куницкий трещал без умолку. Поэтому у Дызмы было время разглядеть обеих женщин. Блондинке было самое большее лет двадцать шесть, шатенке – года двадцать два. Это удивило его, потому что Куницкий говорил ему о жене и дочери, а между тем обе дамы годились ему скорее в дочери. Сестры? Нет, друг на друга не похожи. Блондинка была изящной и тоненькой, но отнюдь не худосочной. Маленький, резко очерченный, чувственный рот, мягкий овал лица и огромные, непропорционально большие глаза говорили о мечтательной натуре. Элегантное летнее платье из плотного шелка открывало шею и плечи ослепительной белизны.

Шатенка была совсем другой. Рядом с этой, словно нарисованной пастелью, красавицей – она с ее косыми сросшимися бровями, светло-кариими глазами, короткими, стриженными по-мужски каштановыми волосами, глухо застегнутой на шее английской блузкой, зеленым галстуком и темным от загара лицом походила на мальчишку. В ее глазах светилось что-то задиристое. Особенно Дызму поразила форма ее ушей. Шатенка сидела в профиль, и ему стоило большого труда не взглядывать время от времени на ее уши. Раньше он никогда не обращал внимания на уши людей. Только теперь он открыл, что ухо каждого человека неповторимо – оно может быть красивым, как сочный и упругий экзотический цветок. У Куницкого были маленькие розовые ушки, а у блондинки всё закрывала пышная прическа.

Философствуя про себя, Дызма, однако, старался держаться за столом как остальные и ничем не выдать отсутствия того, что нотариус Виндер называл светским лоском.

Куницкий трещал без умолку о преимуществах и недостатках Коборова, перечислял свои новшества, распространялся о своей конюшне, сообщал, что из хозяйства покажет дорогому пану Дызме сперва, что потом.

– Пока что я успел вам показать только первый этаж.

И Куницкий отхлебнул кофе. Воспользовавшись паузой, блондинка встала:

– Как вам всё здесь нравится?

– Очень богато, – откровенно ответил Дызма.

На лице блондинки вспыхнул яркий румянец. Выражение крайней досады появилось в глазах.

– Это вкус моего мужа.

– Хе-хе-хе, – захихикал Куницкий, – я уж говорил об этом пану Никодиму. Представьте себе, когда мы после свадьбы приехали в Коборово, Нина первую семейную сцену – хе-хе-хе – устроила именно из-за этого. Вот она, женская благодарность! Я из кожи лез, чтобы свить гнездышко, а она мне сцену закатила! И вообразите себе...

– Прекрати, пожалуйста, – прервала его жена.

– Не понимаю, папа, – вставила дочь, – зачем ты надоедаешь пану Дызме разговорами, которые, ко всему прочему, неприятны Нине!

– Да ведь я ничего не сказал, ничего не сказал, радость моя. Впрочем, мы сейчас избавим вас от нашего общества. Я должен показать пану Никодиму Коборово. Знаете, пан Никодим...

– Может быть, пан Дызма устал... – заметила Куницкая.

– Боже избави! – запротестовал Никодим.

– Вот видишь, вот видишь, – зашепелявил обрадованный Куницкий. – Нас, деловых людей, так и подмывает добраться сразу до сути.

– Папа, не отвечай за пана Дызму, – прервала его дочь. – Сомневаюсь, чтобы для всех людей суть составляли шпалы и отходы с лесопилки. Не правда ли, пан Дызма?

– Конечно, вы правы, – ответил тот осторожно, – есть вещи и поважнее.

Куницкий тихо засмеялся, потирая руки:

– Да, да, есть вещи поважнее! Например, вопрос об увеличении поставок! – Куницкий был доволен собой.

Блондинка встала и кивнула головой.

– Не будем мешать вам, – сказала она холодно.

Шатенка тоже встала, и, прежде чем Никодим сумел уразуметь, в чем корень семейного раздора, обе вышли из столовой.

Дызма никак не предполагал, что завтрак так скоро кончится. Ел он мало, боясь показаться обжорой, и не успел наесться.

Лакей доложил, что лошади поданы.

– Так-то, – проговорил Куницкий, надевая шапку. – Пусть это вас не удивляет. Мы с женой не понимаем друг друга. Она, доложу вам, идеалистка, романтична, химеры разные в голове: молода еще. Поумнеет... А дочка? Гм... Кася¹⁰ на ее стороне, потому что сама соплячка. Бабы, впрочем, всегда друг за друга.

У подъезда их поджидала изящная двуколка с парой гнедых в упряжке. Куницкий и Дызма забрались на мягкое сиденье, и хозяин щелкнул кнутом. Лошади побежали крупной рысью.

– Что, хороши лошадки? – Куницкий прищурил глаза. – Я купил эту парочку на сельскохозяйственной выставке в Люблине. Золотая медаль. А? Каково?

Действительно, лошади шли точно заводные, и Дызма признал, что они великолепны.

– Прежде всего я покажу вам свое министерство путей сообщения, – заявил Куницкий. – Двадцать два километра с двумя боковыми ветками. Поедем к первой.

Они свернули с кленовой аллеи и добрых полчаса ехали по мягкой грунтовой дороге среди высоких колосющихся хлебов. Стояло безветрие, но зноя не было.

– Славный урожай! – сказал Дызма.

– Да, да, – ответил, печально покачав головой, Куницкий. – Слишком хороший, слишком хороший, увы!

Никодим рассмеялся.

– Вы так говорите, будто это вас огорчает.

– А вы что думаете? – удивился Куницкий. – Ведь это бедствие для земледельца.

Дызма хотел было сказать, что ему это непонятно, да прикусил язык: лучше быть осторожнее.

– Бедствие, – повторил Куницкий. – Глаза на лоб лезут. Через два месяца будем продавать хлеб за бесценок. Бедствие от избытка, дорогой мой.

«Ага! – мелькнуло у Дызмы. – Кто бы мог подумать? Лучше реже открывать рот, и уж боже сохрани лезть с вопросами».

– Понятно, – ответил он. – Только, мне кажется, это не так уж страшно, как вы себе представляете.

Дызма умолк. Тотчас ему пришло в голову, что надо добавить еще что-то, иначе он может показаться новичком в таких вопросах. Поэтому он сказал:

– Хлеб подорожает.

– Ба! Только в том случае, если правительство начнет его скупать.

– А кто вам сказал, что не начнет?

– Что вы говорите? – так и подскочил Куницкий.

¹⁰ В.Э.: По-польски жену Куницкого звали Nina, а дочь – Kasia.

Дызма испугался было, что ляпнул глупость, но тотчас успокоился, потому что у его собеседника даже глаза заблестели.

– Золотой вы мой, да что вы говорите! Это уже решено?

– Пока что проект...

– Дорогой пан Никодим! Гениальная мысль! Гениальная! Обязанность правительства – защищать интересы земледельца; благосостояние страны основано на земледелии. А у нас, черт возьми, какая-то мания переиначивать хозяйственную структуру! Ведь в Польше семьдесят процентов жителей заняты в сельском хозяйстве! Семьдесят! Не в промышленности, не на горных выработках, не в торговле, а в сельском хозяйстве. Скотоводство и лесоводство – вот основа. Благосостояние земледельца – благосостояние всех: и фабриканта, и купца, и рабочего. Пан Дызма, вы должны – это ваша обязанность перед отечеством – употребить всё свое влияние в правительственных сферах, чтобы поддержать этот гениальный проект. Пусть правительство скупит весь излишек хлеба. Боже мой! Одно только Коборово с хуторами...

Куницкий стал в уме прикидывать барыш, а Дызма заметил:

– Загвоздка в деньгах. Нет денег.

– Деньги! Деньги! – распетушился Куницкий. – Деньги – пустяк, препятствие несерьезное. Государство может выпустить облигации, облигации сельскохозяйственного займа, хотя бы на сто миллионов. Платить облигациями – и точка! Разумеется, процентными, допустим, пять со ста или даже четыре. Вы понимаете? Заем, скажем, на шесть лет. А ведь за шесть лет благоприятная конъюнктура создается по крайней мере два раза. Тогда продадут весь запас за границу, вот вам и вся операция! Вы понимаете? Выгоды огромны: во-первых, стабилизация цен, во-вторых, увеличение денежного обращения, ибо облигации не должны быть, разумеется, именными. Ведь таким образом государство выбросит на внутренний рынок новых сто миллионов, такая сумма восполнит острый недостаток в наличных деньгах, который мы ощущаем. Золотой мой! Вы непременно должны об этом поговорить с министром Яшунским...

– Мы уже не раз говорили с ним насчет этого. Кто знает...

Про себя Никодим подумал: «Голковая башка, черт побери, у этого старика. Такой, пожалуй, может быть и министром».

Размахивая в волнении кнутом, Куницкий трещал всё быстрее и шепелявил всё больше. Он приводил доказательства, делился сомнениями, выставлял возражения, потом опровергал сам себя своими же доводами.

Дорога между тем повернула, и они въехали в высокий сосновый бор. На огромной поляне вдоль узкоколейки громоздились штабеля леса. Пыхтел и шипел крохотный паровозик, силясь сдвинуть с места десятка полтора платформ, груженных бревнами. Рабочие с обеих сторон подталкивали состав.

Люди сняли шапки, но в приветствиях чувствовалась неприязнь, если не явное недоброжелательство. Загорелый мастер в серой куртке подошел к коляске и заговорил было с Куницким, но тот его оборвал.

– Пан Старкевич, поздоровайтесь: это пан Дызма, наш новый управляющий.

Мастер снял шапку и внимательно посмотрел на Дызму. Тот ответил ему кивком.

Пока Куницкий расспрашивал Старкевича о делах, Никодим не без интереса смотрел на груды дерева вокруг, на сколоченные из досок бараки. Кругом визжали пилы и ухали топоры. Стоило двинуться в путь, как Куницкий затеял целую лекцию о породах дерева, о состоянии лесов, о том, как трудно получить разрешение на вырубку даже на собственном участке, о положении лесного хозяйства в здешних местах. Он сыпал параграфами уставов, цифрами, ценами, поглядывая по временам на спутника, физиономия которого выражала, казалось, сосредоточенность и внимание.

В действительности Дызма струсил. Он чувствовал себя как человек, на которого упал вдруг стог сена. Все эти проблемы, о которых он до сих пор не имел понятия, обрушились на него, точно нарастающая лавина. Он потерял ориентировку и сознавал, что ему никак не разобраться во всем этом собственными силами, не овладеть положением настолько, чтобы не скомпрометировать себя, не опозориться и, попросту говоря, не засыпаться.

Когда посетили опытную лесную станцию в казенном лесу, лесопилку возле железной дороги, фабрику мебели, почти готовое здание бумажной фабрики и побывали на строительстве складов, неразбериха в голове у Дызмы дошла до того, что он думал только о бегстве. Перед ним громоздился чудовищный ворох непонятных дел, связанных друг с другом самым таинственным образом. Он познакомился с людьми, которые руководили этими делами и говорили о них с

такой осведомленностью, столь кратко, что он был не в состоянии уловить в их словах хоть какой-нибудь смысл.

Утешало Дызму только то, что Куницкий, насколько он мог подметить, принимает его подавленное состояние за сосредоточенность человека, осматривающегося на новом месте. По-видимому, Куницкий был настолько поглощен задачей как можно подробнее проинформировать своего управляющего, что даже не заметил его растерянности.

Было уже около трех, когда они вернулись домой.

– Как видите, – сказал Куницкий, отдавая вожжи конюху, – хозяйство немалое. Немалое, и, ей-богу, задумано толково, с установкой на хороший и постоянный доход. Если на практике иногда что-то не получается, то это из-за нашей бюрократии, из-за неустойчивости экономической политики. Но и в этих условиях можно много, очень много сделать, а это уж ваша задача и ваша забота, дорогой пан Никодим.

Обедали вдвоем, потому что дамы уехали на автомобиле за покупками в Гродно. Кухня в Коборове была отличная, еда обильная, и не мудрено, что после обеда, когда они перешли в кабинет и сели за черный кофе, Дызме страшно захотелось спать. Зато неугомонный Куницкий не переставал рассказывать о коборовском хозяйстве. Он открывал шкафы, ящики, вынимал какие-то реестры, счета, письма и говорил, говорил... Никодим был близок уже к отчаянию. Наконец старик, кончив словоизлияния, подошел к нему с кипой бумаг.

– Вижу, вы немного устали, да и в самом деле, после дороги полагается отдохнуть. Если разрешите, я пошлю все эти материалы к вам в комнату, а вы, может быть, вечером их посмотрите. Хорошо?

– С удовольствием.

– Не вздремнуть ли вам сейчас, дорогой пан Никодим, а?

– Да, пожалуй...

– Приятного сна, приятного сна, я вас провожу. Будьте добры, обратите внимание на даты в переписке с дирекцией казенных лесов. Ведь это безобразие – не отвечать по три месяца только потому, что... Ну, об этом после. Отдыхайте. Ужин в восемь.

Никодим снял ботинки и растянулся на диване, но заснуть не мог. Одна и та же мысль настойчиво лезла в голову. Что делать? Что делать?.. Может быть, одним махом покончить с этим и признаться старику в своем невежестве... Попробовать разобраться в этом сложном клубке?.. Если б это ему удалось, он бы смог продержаться в Коборове месяца два, а то и три... Потому что дольше не протянешь. Ясно одно: старик пригласил его с тем, чтоб он добился уступок у министра...

«Хитрющий старик – и так влопался... Что же делать? Узнает – еще удар хватит».

Двухчасовой отдых измучил его больше, чем дневные занятия. Дызма выкурил не меньше десятка папирос. Дым начал досаждать ему. Он встал и перешел в смежную комнату – маленький кабинет. Там на письменном столе громоздилась уже груда конторских книг и документов, с которыми ему предстояло познакомиться.

Дызма мысленно выругался и вернулся обратно. Потом вдруг вспомнил, что можно открыть дверь на террасу и выйти в парк.

Парк содержался в образцовом порядке. Никодим всё шел и шел, а конца парку не было. Среди старых дубов, каштанов, лип и кленов разбегались во все стороны ровные, похожие одна на другую как капли воды дорожки.

«Тут и заблудиться недолго, – подумал Дызма и огляделся. – Во всяком случае, дом в северной стороне».

Под развесистыми деревьями стояли каменные и деревянные скамейки. Побродив с четверть часа, Никодим выбрал одну из них, в густой тени, и сел. Тотчас явились назойливые мысли: что делать, как выпутаться, что придумать?

Кто-то приближался посвистывая. Дызма оглянулся. По узкой аллее шел изысканно одетый молодой человек со сверкающим моноклем в глазу. За ним по пятам следовал на кривых лапках миниатюрный пинчер-крысолов с головой нетопыря. Собака заметила Дызму и залаяла на него. Молодой человек остановился, смерил Дызму взглядом с головы до ног и направился к нему. Незнакомцу было, вероятно, около тридцати. Худой и высокий, он казался еще выше благодаря несоразмерно длинной шее. Его маленькое, как у ребенка, бледное личико странно противоречило презрительному и ироническому взгляду больших голубых глаз с воспаленными веками. Молодой человек бесцеремонно устался на Дызму, смутив его.

«Что за черт!» – подумал Дызма.

А молодой человек вытянул по направлению к нему необычайно длинный указательный палец и строго спросил:

– Кто такой?

Не зная, как быть, Дызма приподнялся.

– Я... управляющий, новый управляющий.

– Фамилия?

– Дызма, Никодим Дызма.

Не переставая лаять, собачонка неуклюже прыгала у ног своего хозяина.

– Дызма?.. Слышал. Я граф Понимирский.¹¹ Садитесь. Тубо, Брут! Видите ли, пан Дызма, я дал собаке бессмысленную в наших условиях кличку, да и почему, собственно, собачья кличка должна иметь смысл? Садитесь.

Дызма сел. Этот граф вызывал в нем сложное чувство: страх, брезгливость, любопытство, сострадание.

– Слышал... – протянул граф, облизывая кончиком языка нервные бескровные губы, – слышал. Вероятно, этот негодяй привез вас сюда потому, что в вас нуждается. Считаю своим долгом как джентльмен предостеречь вас относительно воровской натуры моего милейшего зятя.

– О ком вы говорите, граф? – удивился Дызма.

– О ком? Ну конечно, об этом хаме, Леоне Кунике.

– О пане Куницком?

– Какой там Куницкий? – закричал граф. – Ко всем чертям! Какой Куницкий? Почему Куницкий? Куницкий – славная шляхетская фамилия, которую этот паук присвоил себе. Украл, понимаете? Украл! Звать его попросту Куник. Я сам проверил. Мать – прачка Геновефа Куник, отец неизвестен. Да, сударь, графиня Понимирская, внучка герцогини де Реон,¹² отныне пани Куник.

– Не понимаю, – осторожно начал Дызма, – значит, вы, граф, шурин пана Куницкого?

Понимирский вскочил как ужаленный. Бескровное лицо побагровело.

– Молчите! Молчите вы, вы...

– Простите, – испугался Дызма.

– Не смейте никогда в моем присутствии называть его иначе как Куник, мерзавец Куник, авантюрист Куник. Никоим образом не Куницкий!.. Мой зять – гнусный ростовщик и мошенник Куник! Незаконнорожденный прохвост! Куник! Ку-ник! Ку-ник! Повторите: Ку-ник! Ну?

– Куник, – пролепетал Дызма.

Понимирский успокоился, сел, даже улыбнулся.

– Не знали? Мой Брут тоже не знал и даже ластился к моему зятю, пока тот не пнул его. Скотина!

Он задумался и добавил:

– Скоты оба: и Куник и собака... Впрочем, и я скотина...

Вдруг он расхохотался:

– Простите за откровенность, но и вы скотина!

Он всё еще хохотал, и Дызма мысленно решил: «Сумасшедший».

– Думаете, я сумасшедший? – схватил вдруг Дызму за руку Понимирский и приблизил свое лицо к его лицу.

Дызма вздрогнул.

– Нет – возразил он неуверенно. – Что вы! Боже избави...

– Не спорить! – крикнул граф. – Я знаю! Впрочем, наверняка Куник предупредил вас.

А может быть, сестра? Признайтесь. Рано или поздно и она опустится морально, живя с этой свиньей, этим шакалом. Что вам говорила Нина?

– Мне никто ничего не говорил.

– Никто?

– Даю слово, – заверил его Никодим.

¹¹ В.Э.: Hrabia Ponimirski.

¹² В.Э.: Hrabianka Ponimirska, wnuczka księżnej de Rehon (внучка княгини).

– Предполагали, что вы не удостоитесь чести познакомиться со мной. Известно ли вам, что они запретили мне входить в дом! Велели подавать мне пищу отдельно! Запретили отлучаться из парка, Куник велел прислуге бить меня палками, если выйду.

– Но почему?

– Почему? Потому что для них я неудобен, мои шляхетские манеры невыносимы для этого выскочки, этого подкидыша. Потому что здесь господином должен быть я, а не этот прохвост, он никак не может примириться с мыслью, что настоящий владелец Коборова – это я, что в нашем родовом гнезде хозяином должен быть я!

– Так, значит, пан Куник... пан Куник взял Коборово в приданое за вашей сестрой, граф?

Понимирский закрыл лицо руками и замолк. Дызма увидел, как по длинным, тонким пальцам текут слезы.

«Что за черт?!» – удивленно подумал он.

Собачонка принялась неистово скулить и попыталась вскочить на колени к Понимирскому. Тот вынул надушенный шелковый платок и вытер глаза.

– Простите, – сказал он, – у меня нервы не в порядке.

– Пожалуйста... – начал было Дызма.

Лицо графа искривилось в насмешливой улыбке.

– Что значит «пожалуйста»? Вы – как вас там – вы нравитесь мне, поэтому я и плачу. Англичане говорят в таких случаях... Впрочем, вы, наверно, не понимаете по-английски?..

– Нет.

– Вот и чудесно, – обрадовался граф. – Не буду вас огорчать: вы мне нравитесь! – Кончиками пальцев он похлопал Дызму по плечу. – Как только мне захочется обругать вас, я сделаю это по-английски. Хорошо?

– Хорошо, – покорно согласился Никодим.

– Но не это главное. Имейте в виду: хоть Куник и мошенник, хоть он присвоил себе наше Коборово, обкрадывать его нельзя, потому что в будущем я предъявлю к нему иск и отниму имение, его самого – в тюрьму, а Нину возьму под свою опеку. Который час?

Дызма вынул часы.

– Половина восьмого.

– Как? Уже? Мне надо скорее в павильон, а то мне не дадут ужина. До свидания. Жаль, я хотел вам еще много чего рассказать. Приходите завтра в это же время. Придете?

– Приду.

– И еще одно. Не говорите никому, что видели меня. Дайте честное слово!

– Честное слово.

– Ну, верю вам, хоть и фамилия и наружность говорят, что вы низкого рода, а у плебеев чести нет. До свидания!

Он круто повернулся и стремительно зашагал по дубовой аллее. За ним неуклюже прыгала собака.

– Сумасшедший, – громко сказал Дызма, когда они скрылись за поворотом. – Наверняка сумасшедший. Ну и наговорил же он всего!.. У богатых господ всегда за душой какое-нибудь свинство... Может, он и правду сказал... Черт возьми... Куник! Уверяет, что негодяй... А мне-то какое дело?..

Никодим махнул рукой и закурил. Издали донесся глубокий басовитый раскат гонга. Ужин. Встав со скамьи, он направился к дому.

Глава 4

За столом бесшумно прислуживал чопорный лакей. Ужин состоял из нескольких перемен. Настроение было лучше, чем за завтраком. Куницкий – а может быть, Куник – меньше интересовался делами и Дызмой, теперь он осыпал своим словесным фейерверком жену и дочь, распрашивая их о покупках.

Пани Нина отвечала любезно, но холодно, а Кася только изредка бурчала в ответ «нет» или «да» и большинство заданных ей вопросов обходила молчанием. После странного разговора с Понимирским Никодим никак не мог взять в толк, чем может быть вызвано это граничащее с

наглостью пренебрежение дочери к Куницкому. Он искал пути – как ему разобраться в этих непонятных для него семейных отношениях, но так ничего и не мог придумать.

После ужина Куницкий предложил погулять. Кася пожалала плечами, а Нина ответила:

– Что ж, с удовольствием.

Постукивая массивной тростью и попыхивая сигарой, Куницкий вместе с Ниной шел впереди. Они направились в ту часть парка, где Дызма еще не бывал. Здесь не было развесистых деревьев, преобладали газоны и клумбы, и только изредка на фоне темнеющего неба рисовались отдельные живописные купы.

Никодим по необходимости остался в обществе Каси. Они шли молча. В парке стояла ничем не возмутимая тишина, и только временами до них долетали обрывки разговора, который Куницкий и Нина вели вполголоса. Их фигуры производили комическое впечатление: маленький, размахивающий руками старичок семенил рядом с высокой, стройной молодой женщиной, которая неторопливо шагала по аллее.

– Играете в теннис? – спросила Кася.

– Я? Нет. Не умею.

– Странно.

– Почему?

– Потому что теперь все мужчины умеют.

– У меня не было времени научиться этой игре. Играю только на бильярде.

– Да? Это интересно. Расскажите... Простите, – вдруг бросила Кася и побежала к клумбе.

Дызма остановился, не зная, что делать, но Кася вскоре вернулась с цветами табака. Они испускали уже пряный аромат. Кася поднесла их к лицу Никодима. Тот, думая, что цветы предназначены ему, покраснел и протянул руку.

– О нет, это не для вас. Понюхайте. Очаровательно, не правда ли?

– Конечно, пахнут хорошо, – подхватил Никодим в смущении.

– А вы много мните о себе!

– Я? Почему? – искренне удивился он.

– Сразу вообразили, что эти цветы для вас. Видно, частенько получаете цветы от женщин?

Дызма, который ни от одной женщины цветов не получал, на всякий случай ответил:

– Бывает.

– Вероятно, в столичном бомонде у вас репутация сильного человека?

– У меня?

– Отец говорил. Впрочем, вы действительно похожи на... Так вы играете на бильярде?

– С детства, – ответил Дызма, вспомнив маленькую прокуренную бильярдную в кондитерской Аронсона в Лыскове.

– У нас дома тоже есть бильярд, но играть никто не умеет. Я с удовольствием поучусь, если вы найдете немного времени...

– Вы? – удивился Дызма. – Никогда не видел, чтоб женщина играла на бильярде, ведь это мужская игра.

– Я как раз люблю мужские игры. Так научите?

– С удовольствием.

– Можем начать хоть сейчас.

– Нет, – возразил Дызма, – сегодня у меня много работы. Надо разобраться в конторских книгах, в счетах.

– Гм... Вы не слишком вежливы. Но это в вашем характере.

– Это хорошо или плохо? – рискнул спросить Никодим.

– Что? – холодно отозвалась Кася.

– То, что у меня такой характер?

– Знаете... Буду откровенна. Я люблю иметь дело с людьми, которые что-то из себя представляют – при условии, чтобы они не походили на папу. Но наперед хотела бы определить, гм... выяснить... Вы не рассердитесь за откровенность?

– Боже сохрани!

– Впрочем, это не мое дело.

– Не понимаю.

– Вы любите ставить точки над «i»?

– Что?

– Я вижу, вы тоже любите ясность. Очень хорошо. Так вот: если я буду выказывать к вам расположение, то не заходите слишком далеко в своих умозаключениях. Другими словами, цветов от меня не ждите.

Наконец он понял, к чему она клонила, и рассмеялся.

– Я на это совсем не рассчитывал.

– И отлично. Лучше всего начистоту.

Он почему-то почувствовал себя задетым и, почти не думая, сказал:

– Вы правы, поэтому отплачу вам откровенностью: вы тоже не в моем вкусе.

– Да? Тем лучше, – отпарировала Кася, немного опешив от неожиданности. – Такой обмен мнениями облегчает нам изучение бильярдной игры.

Куницкие повернули и присоединились к ним. Кася взяла Нину под руку и подала ей цветы:

– Это для тебя, Нина, ведь ты любишь табак?..

Куницкий поглядел на Касю, и Дызма, несмотря на темноту, уловил в этом взгляде нескрываемую злобу.

– Зачем эти демонстрации? – прошипел старик, еще больше шепелявя с досады.

На лице Нины отразилось смущение, она тихо сказала:

– Жаль, что ты их сорвала. Жизнь цветов и так коротка.

Расстались в вестибюле, пожелав друг другу спокойной ночи. Дызма, однако, и не помышлял о сне. Он решил во что бы то ни стало разобраться в хозяйственных делах Куницкого. Это было сложно: частокол цифр, множество непонятных, враждебных слов, которых он или не знал, или не мог постичь до конца их таинственного смысла. Дисконт, полуфабрикат, охранительная пошлина, вторичное страхование, компенсация, тенденция, игра на повышение, эквивалент – на лбу у Дызмы выступили капли пота.

Он стал читать вслух, но и это не помогло. Смысл произносимых фраз ускользал от его сознания, становился нереальным, неуловимым. Выскочив из-за стола и забегав по комнате, Никодим разразился проклятиями и принялся бить себя кулаками по голове.

– Я должен, – повторял он упорно, – должен понять это, иначе пропаду.

Снова начинал он читать и снова вскакивал.

– Нет, всё напрасно. Башка лопнет – и то не пойму.

Он отправился в ванную и, отвернув кран с холодной водой, подставил голову под освежающую струю. Простоял так несколько минут, всё время думая:

«Поможет или не поможет?..»

Не помогло. Всю ночь он провел над бумагами, и единственным результатом его стараний была сильная головная боль. У него сложилось некоторое представление о коборовском хозяйстве, но лишь самое поверхностное, и этого было мало не только для ведения дел, но даже для разговора с Куницким.

«Как быть?»

Никодим думал долго и решил без боя не сдаваться.

«Протянуть подольше, а там, может быть, придет откуда-нибудь спасение».

Был уже девятый час, когда Куницкий, зайдя к Дызме, застал его за письменным столом, заваленным книгами и бумагами.

– Дорогой пан Никодим, – закричал он с притворным возмущением, – что вы делаете! Да ведь вы совсем не спали! Трудолюбие трудолюбием, а здоровье прежде всего.

– Ничего со мной не будет, – буркнул Дызма. – Раз уж начал, доведу до конца.

– Ишь упрямец... Ну и как?

– Да никак.

– Не правда ли, дорогой пан Никодим, дела в образцовом порядке? Ясно, систематично, кратко...

У Дызмы застряло в глотке проклятие.

– Действительно, всё в образцовом порядке, – выдавил он из себя...

– Что? Правда? Я сам всё делаю. Я знаю каждое колесико в этом механизме как свои пять пальцев, вот почему у меня полная уверенность, что никто из служащих меня не надует. Ну, а теперь все-таки оставьте работу. Сейчас подадут завтрак. У вас достаточно времени, сегодня

мы с вами никуда не поедem. На бумажной фабрике у меня заседание строительной комиссии, потом я еду осмотреть лес в Котилувке.

Когда они вошли в столовую, дамы их уже ждали.

– Какой вы бледный!.. – заметила пани Нина.

– Голова немного болит.

– Вы только вообразите, – затараторил Куницкий, – пан Никодим глаз не сомкнул.

Всю ночь напролет просидел над книгами.

– Может быть, примете порошок от головной боли? – спросила Нина.

– Стоит ли...

– Примите, вам легче будет.

Она велела лакею принести коробку с порошками, и Дызме пришлось проглотить лекарство.

– Знаете, Нина, – проговорила Кася, – пан Дызма будет учить меня играть на бильярде.

– А вы хорошо играете?

– Средне, – ответил Никодим. – Когда-то играл хорошо.

– Может, начнем сразу после завтрака? – предложила Кася.

– Я буду на вас смотреть, – добавила Нина.

– Хо-хо, – засмеялся Куницкий, – боюсь, как бы вы не захотели навсегда отнять у меня пана Никодима.

– Муж вас ревнует, – улыбнулась Нина.

И Дызме показалось, что она смотрит на него с симпатией.

«Она, должно быть, очень добрая», – подумал он.

Сразу после завтрака, попрощавшись, Куницкий засеменил к поджидавшему его автомобилю.

Кася велела приготовить бильярд, и все трое перешли в бильярдную.

Урок начался с того, что Дызма показал, как надо держать кий. Затем он объяснил, как следует бить по шару.

Кася быстро всё усвоила: у нее были точная рука и верный глаз. Дызма заявил:

– Вы будете хорошо играть, надо только практиковаться.

– Значит, Кася – понятливая ученица? – спросила Нина.

– Для первого раза – прекрасно.

– А что труднее всего в бильярде? – спросила Кася.

– Карамболь.

– Покажите, пожалуйста.

Дызма расставил шары.

– Смотрите, – сказал он, – теперь я так ударю свой шар, что он ударится о два других.

– Но ведь это невозможно: они стоят не на одной линии.

– Именно, – улыбнулся Никодим, довольный произведенным эффектом. – Весь секрет карамболя заключается в том, что мой шар, ударяясь в разных местах о борт, будет менять направление. Вот карамболь.

Он слегка ударил по шару, и карамболь, к изумлению дам, удался на славу.

– Это же геометрия, – удивилась Нина.

– Я до такой ловкости не дойду, – заметила Кася.

– Может, и вы попробуете? – обратился Дызма к Нине.

– О, у меня ничего не выйдет, – ответила та, но всё же взяла кий.

Она не знала, как положить левую руку, чтобы сделать из нее подпорку, и Дызма стал объяснять. Прикоснувшись к ее руке, он обнаружил, что кожа у Нины гладкая и нежная. Ему пришло на ум, что эти руки, наверно, никакой работы не делали...

«Что за счастье, – подумал он, – быть такой богатой: только пальцем шевельни – всё за тебя сделают...»

– Ну, что же, пан Дызма, – заговорила Нина, – видно, вы не хотите учить меня?

– Прошу прощения. Я так просто... задумался.

– Интересно, над чем?

– Да так... коснулся вашей руки и подумал: такие нежные руки не знают работы.

Нина покраснела.

– Вы правы. Мне давно стыдно. Не хватает силы воли, чтобы взяться за какую-нибудь работу. А может, потому бездельничая, что обстоятельства так складываются.

– Конечно, зачем работать, когда у человека столько денег, – без всякой задней мысли сказал Дызма.

Нина закусила губу и опустила глаза.

– Вы строгий судья, но, признаюсь, я заслужила...

Значения ее слов Дызма так и не понял и принялся лихорадочно соображать, в чем дело.

– Пан Дызма – сама откровенность. Всё, что думает, он говорит прямо в глаза, – заявила Кася.

– Редкое достоинство, – отозвалась Нина.

– Признаться, это не всегда приятно для окружающих.

– Зато полезно. Мне в сто раз приятней голая правда, чем фальшивые комплименты...

– По-моему, комплименты и пан Дызма – понятия несовместимые. Скажите, – обратилась к Никодиму Кася, – говорили вы когда-нибудь дамам комплименты?

– Конечно. Если я вижу красивую женщину, я могу ей что-нибудь такое сказать.

– И только? Ну, а мне, например, что бы вы сказали?

– Вам?.. Гм... – Дызма в раздумье почесал массивный подбородок.

Кася расхохоталась.

– Видишь, Нина, с каким трудом пану Дызме даются комплименты. Прошу вас, скажите что-нибудь обо мне. Если не можете с похвалой отозваться о целом, найдите частность...

На ее смуглых, подернутых легким пушком щеках выступил румянец, и Никодим подумал, что Кася очень привлекательна. И всё же она была какая-то непонятная: в пристальном взгляде устремленных на Нину светло-карих глаз появлялось временами хищное и странное выражение.

– У вас красивые уши.

– О!.. – удивилась Кася. – Вот не думала, что от вас это услышу. Сам маэстро Бергано¹³ прошлой зимой на Ривьере удостоил меня такого же комплимента.

«Кто этот Бергано? Я влип», – пронеслось в голове у Никодима. Он поспешил заявить:

– В живописи не разбираюсь. Никогда этим не интересовался.

– Однако это вам не мешает, – любезно возразила Нина, – обладать таким же тонким вкусом, как великие мастера.

Кася положила кий и заявила, что на сегодня с нее хватит бильярда.

– Пойду, переоденусь. Вы не хотите вместе со мной прокатиться верхом?

– Большое спасибо, у меня еще много дел, – ответил Никодим.

– Тогда еду одна. До вечера, Ниночка... – Кася обняла Нину за шею и поцеловала в губы.

Оставшись с Ниной наедине, Дызма заметил:

– Она любит вас не как мачеху...

Нина отвернулась и подошла к окну.

– Мы любим друг друга как сестры.

– Вероятно, разница в возрасте между вами очень маленькая. Я сам принял вас сперва за сестер. Но вы совсем разные.

– Да, – подтвердила Нина, – и по характеру и по взглядам мы непохожи.

– И все-таки любите друг друга.

Нина ничего не ответила, и Дызма, не зная, как еще поддержать разговор, решил, что пора откланяться.

– Я пойду. До свиданья.

Нина кивнула в ответ и спросила:

– Вам больше ничего не нужно?

– Нет, благодарю вас.

– Прошу вас – не стесняйтесь, давайте распоряжения прислуге...

– Спасибо...

Дызма поклонился и вышел. И пока он шел, тяжело ступая, по анфиладе комнат, Нина всё глядела ему вслед – на его багровую шею, на неуклюжую квадратную спину.

---

¹³ В.Э.: Нет мировой знаменитости с такой фамилией.

«Вот так выглядит сильный человек, – думала она. – Странно. И всё же... Ах, неисправимая мечтательница!..» – рассмеялась Нина, сплела руки и потянулась всем телом.

Дызма опять принялся штудировать материалы Куницкого, но дело шло хуже, чем ночью. Никак было не разобраться в этом лесе цифр.

– Ах ты дьявол! – выругался Никодим. – Видно, я глуп как пробка.

Дызме вспомнилась гимназия. Там по крайней мере, если не поймешь, можно зазубрить. Правда, работа каторжная, но выход есть. Наконец, если не зазубришь, всегда можно прикинуться больным и не пойти на уроки... А тут нет никакого спасения, никакого... Потому что зазубрить нельзя, а заболеть...

Вдруг Никодим задумался:

«А если заболеть?»

Чем это поможет?

«Во всяком случае, можно оттянуть увольнение на несколько дней... даже на несколько недель...»

Идея! Блестящая идея! Тем временем, может быть, что-то изменится...

«Да... – решил Никодим. – Что тут долго думать? С завтрашнего утра заболело и – точка!»

Он принялся размышлять, какую болезнь выбрать. Заразная не годится: могут отправить в больницу. Желудок – тоже не подходит: не дадут есть.

«А что, если ревматизм?»

Дызма даже обрадовался:

«Лучше всего, пусть хоть врача зовут, даже тот не разберется».

Когда явился лакей просить его к обеду, у Дызмы созрел уже план: тяжелый приступ ревматизма в правой руке и правой ноге. Сегодня за ужином он начнет жаловаться на боль, а завтра и вовсе не встанет с кровати. Он был так доволен своей выдумкой, что пришел в отличное расположение духа.

За столом все были настроены весело. Видно, отсутствие хозяина благотворно влияло на дам. Разговор шел об отъезде Каси в Швейцарию, где она собиралась изучать медицину.

– Думаете после университета заняться практикой? – спросил Дызма.

– Разумеется.

– Будем твоими пациентами, – рассмеялась Нина.

– Ты-то будешь, – заметила Кася, – а вот пан Дызма...

– Вы безжалостны. А если я заболела и вблизи не будет врача?

– Вы неверно меня поняли. Я буду врачом по женским болезням.

– Ах, так? Жаль. Я страдаю ревматизмом, а это скорее мужская болезнь.

– Как сказать... – заметила Нина. – Всё зависит от причины болезни.

– Последствия войны, – отозвался Никодим.

– Вы были офицером?

– Нет, рядовым.

– Это прекрасно. Много выдающихся людей сражалось тогда в серых солдатских мундирах.

– Мундиры были зеленые, – со знанием дела поправил Дызма.

– Конечно, цвет надежды – вы это тонко подметили. Вы были ранены?

– Нет. Единственная память о войне – ревматизм.

– Ну и, наверно, ордена?

Никодим не получал орденов, но тут же солгал:

– «Virtuti Militari»¹⁴, ну и, кроме того, повышение. Чуть не сделался генералом.

– Как это?

– Меня произвели в унтер-офицеры, и я, наверно, дошел бы до генеральского чина, если бы не кончилась война.

– Вижу, однако, у вас о ней приятные воспоминания.

– Это было лучшее время моей жизни, – сказал Никодим откровенно.

– Понимаю. Хотя я женщина и не могу чувствовать себя счастливой среди умирающих и раненых, но легко себе представляю, что для настоящего мужчины война – это атмосфера, в которой пробуждаются подлинно мужские инстинкты. Дух товарищества, борьба...

¹⁴ За военную доблесть (лат.). **В.Э.:** Орден был учрежден последним польским королем Понятовским в 1792 году, потом не раз менял статус и название; за 1919–1939 годы было выдано 6589 таких орденов.

Дызма улыбнулся. Он вспомнил казармы телеграфного батальона, курятник, который держал один из сержантов,¹⁵ горячий кофе, безделье сытых будней.

– Да, становишься диким зверем, – подтвердил он.

– Моя дорогая, – сказала Нина, обращаясь к Касе и как бы возобновляя прерванный разговор, – все-таки ты должна согласиться: в этом есть свое очарование, которое сильно действует, в особенности на нас, на женщин.

Кася пожала плечами:

– Не на всех.

– Все женщины, – сказал Никодим, – предпочитают грубую силу слюнтяйству.

– Не рекламируйте себя, – рассмеялась Нина.

Поболтали еще немного, и Дызма отправился в свои комнаты. Он не забыл, что его ждет встреча в парке с этим полусумасшедшим графом, который с такой охотой выбалтывает тайны здешних хозяев.

Удостоверившись, что его никто не видит, Никодим вышел на террасу и зашагал по аллее, которая, по его расчетам, вела к каменной скамейке под старой липой.

Однако отыскать скамейку ему не удалось, и он уже стал терять надежду повидаться с Понимирским, как вдруг услышал вблизи лай.

– Есть! – обрадовался Никодим.

И впрямь, неподалеку, около развесистого каштана, прыгала, неистово лая, неуклюжая собачонка. Дызма поднял голову и изумился: на развилке ствола сидел молодой граф.

– А, это вы! – закричал тот сверху. – Прекрасно!

Понимирский легко спрыгнул на землю, кивнул Дызме.

– Рассказывали про меня Кунику? – спросил он, подозрительно глядя на Никодима.

– Боже сохрани! Впрочем, его и дома-то нет.

– Это хорошо. Вас удивило, что я сидел на дереве?

– Нет, почему же...

– Это, видите ли, атавизм. Порой в человеке пробуждается непреодолимая потребность вернуться к первобытному состоянию. Вы не замечали этого, пан... Как ваша фамилия?

– Дызма.

– Ага, Дызма. Глупая фамилия. А имя?

– Никодим.

– Странно, вы непохожи на Никодима. Впрочем, это неважно. Мой Брут тоже непохож на Брута, а я – на Жоржа. Так вы говорите, этот мерзавец уехал?

– На один день.

– Верно, какую-нибудь новую аферу готовит. Вы знаете, что он отнял у нас Коборово?

– Нет, ничего не слышал.

– Куник, заметьте, занимался ростовщичеством. А так как мой отец потратил уйму денег, да к тому же еще и война подорвала наши финансы, то Куник без труда запутал дела и уговорил в конце концов отца на фиктивную продажу Коборова.

– На фиктивную? Это значит ненастоящую?

– Не знаю, я в этом не разбираюсь. Довольно и того, что он совершил какое-то крупное мошенничество и присвоил себе имение. Ничего. Засадят его еще в тюрьму.

– Ну хорошо, – осторожно начал Дызма, – почему же в таком случае ваша сестра вышла замуж за Куниц... за Куника?

– Из любви к отцу. Отец не перенес бы, если б нам пришлось покинуть Коборово, а прохвост Куник, почуяв это, предложил отцу сделку: если Нина выйдет за него замуж, он запишет Коборово на ее имя. Таким образом, наше родовое гнездо останется в руках Понимирских. Сестра пожертвовала собой и теперь расплачивается за это, потому что через год после свадьбы отец и так умер, а этот мерзавец выудил у Нины какие-то векселя на огромную сумму и доверенность. Вот почему сестра не может и пальцем шевельнуть в собственном имении: негодяй Куник здесь полный хозяин.

---

¹⁵ В.Э.: Это обстоятельство показывает, что Дызма служил не в Российской армии Первой мировой войны, а в Польской армии времен Советско-польской войны. В царской армии звание «сержант» отсутствовало; ему соответствовал «старший унтер-офицер».

- А как относится к этому его дочь?
- Каська? Обезьяна. Но ненавидит Куника; говорят, он издевался над ее матерью.
- Она умерла?
- Кто?
- Первая жена пана Куника.

– Какого пана? – взъерошился Понимирский. – Плебея, мерзавца, не пана. Пан – это я! Понятно?

- Понятно, – поспешно согласился Дызма. – Значит, умерла?
- Во-первых, не мое дело, во-вторых, умерла давно. Дайте папиросу.

Понимирский закурил и, пуская ровненькие колечки дыма, задумался... Дызма заметил, что Понимирский сегодня гораздо спокойнее, и потому рискнул спросить:

- Отчего же вас удалили из дома?

Понимирский ничего не ответил и долгое время смотрел Дызме в глаза. Наконец наклонился и прошептал:

- Пожалуй, вы мне пригодитесь...
- Я? – удивился Никодим.
- Ти-и-хо! – Граф стал озираться по сторонам. – Кажется, нас кто-то подслушивает.
- Тут никого нет.
- Тсс! Брут! Ищи шпиона, ищи!

Собака смотрела в растерянности на хозяина и не двигалась с места.

- Глупая скотина! – пришел в раздражение граф. – Пшел вон!

Он встал и на цыпочках обошел кусты. Усевшись на скамью, поучительно заметил:

- Осторожность не помешает.
- Вы сказали, я буду вам нужен... – начал Дызма.

– Да, Я использую вас в качестве орудия. Но вы обещаете мне абсолютное послушание. Никому ни звука. Прежде всего вы едете в Варшаву к моей тетке, пани Пшеленской. Это очень глупая и очень уважаемая особа Вы уже, верно, заметили: уважаемые особы чаще всего глупы...

- Действительно...

У Понимирского в иронической гримасе искривилось лицо. Он добавил:

– Вы исключение из этого правила, ибо хоть вы и глупы, но уважения к себе не внушаете. Но это пустяк. Нас ждет кое-что поважнее. Так вот: у тетки Пшеленской огромные связи, и она ненавидит Куника. Поэтому она поможет вам в моем деле.

- В каком деле?

– Молчать, черт возьми, когда я говорю! Куник объявил меня сумасшедшим. Меня! Понимаете? И добился права опеки надо мной. Так вот, дело заключается в том, чтобы тетка поставила на ноги всех... уж не знаю, кого точно... но надо устроить консилиум, который установит, что я здоров. Понимаете?

- Понимаю.

– Я напишу письмо тетке, представлю вас как своего коллегу, хотя у вас вид сапожника. Но тетка только и мечтает насолить Кунику, поэтому поверит. Тетке скажете, что надо мной издеваются, что меня лишили свободы, перехватывают мои письма. Опишете всё в самых мрачных красках...

- Хорошо, но...

– Тихо! Хотите знать, что получите за это? Так вот знайте: за это я удостою вас своей дружбы и пожизненной ренты. Хватит? Я сейчас напишу письмо. Перед отъездом в Варшаву зайдите за ним и за подробными инструкциями. Если на меня донесете, знайте: убью как собаку! До свидания.

Он свистнул пинчера и, прыгнув через кусты, исчез.

«Сумасшедший, ясно как день, – мысленно решил Дызма. – И всё же в рассказе графа должна быть какая-то доля истины. Куницкий говорил, что купил Коборово. Отношение жены и дочки к нему враждебные. Разумеется, нет смысла возиться с этим психом и его планами, но не мешает и задуматься: нельзя ли из всей этой неразберихи извлечь для себя выгоду?..»

Пока что он не видел никаких перспектив, но чувствовал, что проникнуть в чужую тайну никогда не помешает, особенно в его положении.

«Во всяком случае, надо выяснить, правду ли говорит этот сумасшедший».

Дызме пришло в голову, что если обвинения Понимирского – правда, значит он может грозить Куницкому разоблачением. Дызма брел в раздумье по парку и у самого дома наткнулся на лакея. Тот сообщил ему, что хозяин прислал машину домой, но сам не вернулся, потому что дела задержали его еще на день.

Эта новость обрадовала Дызму. Еще сутки счастливого отдыха! Однако с ревматизмом он решил не затягивать. Будет гораздо лучше, если болезнь схватит его за день до делового свидания с Куницким.

Поэтому за ужином Никодим принялся немилосердно корчиться, якобы от боли, хватаясь то за плечо, то за колено. Обе женщины, особенно Нина, с участием расспрашивали его о недуге. Когда Дызма заявил, что у него ревматизм, обе единодушно подтвердили, что сырой коборовский климат способствует приступам этой болезни. Нина даже стала извиняться, что не предупредила его заранее.

С последним глотком компота боль стала невыносимой. Дызма попросил прощения у дам и отправился в свою комнату. Нина велела лакею проводить его, а сама пошла в домашнюю аптеку за лекарством.

Дызма был доволен собой. Сцена удалась на славу. Об этом говорила озабоченная физиономия лакея, который помог ему раздеться, лечь в постель и вскоре принес лекарства.

Через четверть часа раздался стук в дверь.

– Войдите, – ответил Дызма и услышал голос Нины:

– Как вы себя чувствуете?

– Неважно.

– Не надо ли вам чего?

– Нет, благодарю вас.

– Спокойной ночи. Надеюсь, завтра вам станет лучше.

– Спокойной ночи.

Наступила тишина. Ужин был обильный, и Дызму стало клонить ко сну.

«Эта Нина – симпатичная бабенка, – подумал он засыпая, – графиня...»

Глава 5

Коборовский климат фатально действовал на ревматизм Никодима Дызмы. К утру выяснилось, что он целую ночь не сомкнул глаз, что боли усилились. С таким докладом пришла к пани Нине горничная. Она вернулась к Дызме с новым ассортиментом лекарств и с вопросом от хозяйки, не угодно ли Никодиму книг для чтения.

Дызме не хотелось читать, и он, не желая прослыть невеждой, заявил горничной, что ему трудно будет держать книгу в руках.

Эффект оказался самым неожиданным. За дверью послышался голос Нины:

– Добрый день, пан Дызма. Меня огорчает, что вам не лучше. Не послать ли за доктором?

– Нет, не надо, – решительно ответил Никодим.

– Вам, наверно, скучно. А что, если вам почитать вслух?

– Да ведь некому.

Последовало молчание. Затем Нина спросила:

– Можно к вам войти?

– Пожалуйста.

Нина вошла в комнату и поглядела на Никодима с участием и любопытством. Затем предложила почитать сама. Дызме ничего не оставалось, как согласиться, рассыпаясь в благодарностях, просить прощения за беспокойство.

– Ну, что там! Пустяки! Я и так сижу без дела. Это доставит мне удовольствие. Скажите только, какого автора вам почитать.

Никодим задумался: надо выбрать какого-нибудь получше, такого, которого в Лыскове читали люди интеллигентные. Он вспомнил одного англичанина, имя у него произносится «Джек», а пишется как-то совсем иначе.

– Может, Джека Лондона? – попросил он.

Нина улыбнулась и кивнула.

– Сейчас принесу.

И вскоре вернулась, неся несколько книг в изящных переплетах.

– Я не удивилась, узнав, что вы любите Джека Лондона.

Дызма отроду не читал Лондона, однако заметил:

– Действительно, он мне очень нравится, но почему вы так сказали?

– Вы меня извините – может быть, это просто хвастовство, но мне кажется, что я наблюдательна. А вас нетрудно разгадать, хоть вы и замкнутая натура, живущая внутренней жизнью, как бы в splendid isolation...¹⁶

– Неужели?

– Да. Мы, женщины, достигаем этого, может быть, ненаучным путем, даже не методически, но мы специалисты в психоанализе, я бы сказала – в прикладной психологии. Интуиция заменяет нам исследовательский метод, а инстинкт предостерегает от ошибок.

«Вот разболталась», – подумал Дызма.

– И поэтому, – продолжала Нина, машинально листая книгу, – мы легче находим ключ к чтению закрытой, чем открытой книги.

– Гм, но зачем же искать какой-то ключ, если каждую книжку легко открыть? – возразил Никодим.

Он полагал, что Нина, заговорив о закрытых книгах, собирается продемонстрировать перед ним чтение Лондона сквозь переплет. Поэтому он добавил:

– Нет ничего легче, как открыть книгу.

Нина заглянула ему в глаза и возразила:

– Нет. Попадают такие, которые этого не выносят, именно они самые интересные. Их можно прочитать только глазами воображения. Вы согласны со мной?

– Право, не знаю, – ответил Дызма, не задумываясь. – Я таких книжек не встречал. Видел очень дорогие издания, но каждую книгу мог без труда открыть и прочесть.

– Это понятно: вы, верно, вообще не берете в руки книг неинтересных, а те, что вызывают у вас интерес, как бы под действием магнетизма открываются сами. Сильной воле свойственны такие влияния...

Дызма рассмеялся. «Что за вздор она городит!» Вслух он сказал:

– Но ведь для того, чтобы открыть книгу, надо силы не больше, чем у младенца.

– Однако у вас необычайно сильный характер...

– У меня? – изумился Дызма.

– О, не пытайтесь спорить. У меня масса наблюдений, которые подтверждают это, – с торжествующей улыбкой произнесла Нина. – Взять хоть бы тот факт, что вы любите Лондона... Ведь это характерно для вашего вкуса! Почему не Поль Жеральди, не Моруа, не Уайльд, не Синклер Льюис, не Жеромский, не Манн, не Шоу, а именно Лондон с его поэзией тихого творческого героизма, с его языческим восприятием могущества борьбы, с его апофеозом труда.

Дызма молчал.

– Вот видите. Наперед могу вам сказать, что вы любите не Шопена, а Брамса, что Матейко вам ближе, чем Яцек Мальчевский, а Линдберг роднее Сирано де Бержерака, готический стиль и небоскребы больше вам по душе, чем барокко и рококо...

Она глядела на него своими огромными голубыми детскими глазами, словно хотела сказать: «Я знаю, дядя, какую ты мне принес игрушку!»

Дызма не знал, что и отвечать, поэтому скривился от боли и застонал. Нина озабоченно стала расспрашивать Никодима, не наскучил ли ему разговор, не хочет ли он вздремнуть?..

– Скажите мне, только откровенно, верно ли я определила ваши вкусы?

«А черт его знает!» – подумал про себя Никодим и на всякий случай ответил:

– Отчасти да, отчасти нет.

– Ну хорошо, – сказала Нина не без удовлетворения и засмеялась. – Теперь почитаем. Хотите «Голос крови»?

– Пожалуйста.

Нина принялась читать. Это оказалась история о собаке, которую украли. Дызма с возрастающим нетерпением ожидал, когда наконец вмешается полиция; но рассказ пошел по другому руслу, и Никодим мало-помалу упустил нить повествования и уже ничего не понимал и не слышал, кроме мелодичного, мягкого голоса Нины.

¹⁶ В блестящем одиночестве (англ.).

Он стал размышлять о разговоре, который только что произошел между ними, и пришел к выводу, что беседа была странной: у этой красавицы Нины был такой вид, будто она говорила совсем не о книжке... А может быть?..

И вдруг ему вспомнилась маленькая гостиная в квартире начальника почтовой конторы в Лыскове пана Бочека, две его незамужние дочери, учительница начальной школы панна Валяскова, писарь мирового судьи Юрчак и прочая «золотая» молодежь Лыскова. В этой комнате, такой убогой, по сравнению с пышными апартаментами Куницкого, они собирались для того, чтоб поиграть в цензуру. Панна Ледзя Бочек восседала посредине комнаты, изображая собой книжку. И о ней говорили всякую всячину: что она неразрезанный том, поваренная книга, сборник стихов, говорили, что она такая книжка, которая с виду хороша, но лучше не открывать... Ага!

Это, верно, что-нибудь в таком же роде... непременно что-нибудь такое! Но хорошее или плохое говорила ему эта пани?.. Может быть, и хорошее; впрочем, у этих бар никогда ничего не узнаешь!

«А если я ей понравился?.. Не может быть».

Голос Нины звенел, переливался, дрожал от волнения. Длинная тень от опущенных ресниц падала на белые щеки. В извивах пышных волос сверкало солнце. Пронизывая густую листву, оно падало на ковер ярким колыхающимся бликом. Пахло лавандой и июлем. Богатая мебель кичливо сверкала позолотой и бронзой. С разукрашенного арабесками потолка свешивалась тяжелая лампа, блистали ее рубиновые подвески.

«Боже мой, кто мог подумать неделю назад, что я, Никодим Дызма, буду лежать в этой роскошной комнате на великолепной постели, а эта красивая дама будет мне читать книгу!»

Он закрыл глаза, и вдруг ему стало страшно:

«А что, если это сон, если всё это фантазия, если я открою глаза и снова увижу закопченные, сырые стены комнаты Бартика на Луцкой? А этот голос... Не Манька ли читает Валентовой «Курьера»?»

Тут голос умолк, и через некоторое время послышался негромкий вопрос:

– Вы заснули?

Дызма открыл глаза и улыбнулся:

– Нет, что вы!

– Боль прошла? Вам лучше?

Никодим снова улыбнулся.

– Боль не прошла, но мне лучше.

Нина молчала.

– Когда вы здесь, мне лучше.

Нина посмотрела на него с грустью и ничего не ответила. Никодим подумал, что этот сумасшедший, ее брат, должно быть, не соврал, сказав, что она несчастна. Представился случай проверить и другие сведения, поэтому Дызма спросил:

– Вы чем-то расстроены?

– В этом доме вы, наверно, единственный человек, который может сказать, что ему хорошо.

– Почему единственный?

– Вы ничем не связаны с этим домом... Боже мой, да ведь вы в любую минуту можете бежать отсюда, бежать навсегда.

Губы у нее дрожали, на глазах блеснули слезы.

– И убежите, наверно...

– Нет, – горячо запротестовал он, вспомнив о своем окладе, – я хотел бы остаться тут как можно дольше.

Нина покраснела.

– Вы это искренне говорите?

– Зачем мне морочить вам голову? Конечно, искренне.

– Разве общество людей несчастных вас не пугает?

– Ничуть. А, потом, почему вы считаете себя несчастной? Женщина вы молодая, здоровая, богатая, жизнь у вас легкая...

– Ах! – прервала его Нина. – Разве можно назвать это жизнью?

Дызма искоса глянул на нее.

– Разве что муж не любит?

– Муж? – Ее лицо выразило презрение и брезгливость. – Муж! Я предпочла бы, чтоб он меня ненавидел. Что связывает меня с ним? Думает только о том, чтоб умножить капитал, единственная забота... Круг его интересов мне так чужд!.. Он никогда не пробовал заглянуть мне в душу и понять...

Она закусила губу.

– Впрочем, зачем я говорю вам это?..

– Это хорошо, что говорите.

– Вы и так видите всё. Пан Никодим, скажите, может ли быть счастливым одинокий человек, совершенно одинокий человек?

– Не знаю... Я тоже совсем одинокий.

– Как? У вас никого нет? Нет семьи?

– Совсем никого.

– И это вас не угнетает?

– Пожалуй, нет.

– Потому что вы мужчина. У вас сильный, замкнутый характер. Вы не знаете одиночества, потому что вы натура цельная. Я даже не уверена, что вы способны понять одиночество такого слабого существа, как я.

– У вас есть падчерица.

– Ах! Кася... это женщина... – вырвалось у Нины с досадой, и опять она закусила губу и, опустив глаза, продолжала: – Знаете, за много лет я впервые встретила такого человека, как вы, с которым чувствую себя так свободно, так... В вашем участии нет ни оскорбительной жалости, ни равнодушия бесстрастного наблюдателя... Знаете, ведь я ни с кем не общаюсь. Вы первый, с кем я позволила себе откровенно обменяться мыслями, и чувствую, меня не поймут превратно.

Нина зарделась, говорила с возбуждением. Дызма уже не сомневался, что она им заинтересовалась.

– Может быть, вам тягостно, что я посвящаю вас в свои горести?

– Избави бог.

– Разве они интересуют вас?

– Очень.

– Вы так добры ко мне.

– Вы ко мне тоже. Не расстраивайтесь: всё пройдет, надо только не принимать горести близко к сердцу.

Нина улыбнулась.

– Вы обращаетесь со мной как с ребенком, которого смешат нелепой шуткой, чтоб он перестал плакать. Но, знаете, грубоватость часто бывает хорошим лекарством.

– Нельзя отступать перед бедой, надо думать, как избавиться от нее.

Нина нахмурилась.

– Здесь нет спасения.

– Каждый человек – кузнец своего счастья, – произнес Никодим с убеждением.

– Кузнец только тот, у кого сильные руки, а вы видите, какие они у меня слабые.

И она протянула к нему руку, от которой исходило благоухание. Дызма поцеловал ее руку и ощутил в ответ крепкое пожатие.

– Нужны сильные руки, – сказала она, – вот такие... Такими руками можно не только свою судьбу выковать... Иногда мне кажется: для сильной воли нет никаких преград, нет для нее невозможного... Она всемогуща, она крушит сталь, строит будущее... И если она не своекорыстна, она протянет руку помощи, спасая бедные, слабые существа... Сколько поэзии в мощи такого человека!..

Нина медленно отняла руку и добавила:

– Вам, наверно, кажется, что я слишком экзальтирована?

Дызма не знал, что ответить, и потому опять прибег к испытанному средству: застонал от боли и схватился за локоть.

– Больно?

– Очень.

– Бедняжка! Может, послать за доктором?

– Нет. Благодарю вас.

– Мне так хочется вам помочь.

- У вас доброе сердце.
- Что из того? – сказала Нина с грустью и опять взяла в руки книгу. – Будем читать?
- Может, вам надоело?
- О нет, я люблю читать вслух.

Раздался стук в дверь, и послышался голос Каси:

- Нина, можно тебя на минутку?
- Извините, – сказала Нина, вставая, – я сейчас вернусь.

Снаружи долетел раздраженный голос Каси, потом всё стихло.

Дызма стал размышлять над своим положением. Он нравится Нине. В этом, кажется, нет сомнений. Какие выгоды можно извлечь из этого? Удастся ли благодаря ее помощи удержаться на месте управляющего?

«Сомнительно, – сам себе возразил Никодим. – У нее нет влияния на мужа. Как только старик увидит, что я ни на что не гожусь, он выставит меня без разговоров. Болеть вечно тоже нельзя!»

Дызму удивил неожиданный успех у такой образованной дамы, но от этого он не ощутил ни радости, ни гордости. Голова была занята одним: найти способ подольше продержаться в Коборове, никакие другие чувства не могли оторвать его от этого стремления. Нина, очевидно, считает, что он достоин доверия. И она ему нравилась, но не больше, чем Кася, Манька, чем любая другая молодая женщина.

Любовь еще не посещала сердца Никодима Дызмы. На страницах его жизни запечатлелись лишь воспоминания о немногочисленных случайных, ничего не значащих встречах. Думая сейчас о Нине, он не пытался заглянуть вперед, не строил планов. Больше того, врожденная осторожность удерживала его от смелого шага: ведь это могло повредить ему. А вдруг муж обо всем догадается?

Нина вернулась расстроенная, и Никодим подумал, что у нее, вероятно, был неприятный разговор с Касей. Она продолжала читать вслух, но они уже не разговаривали друг с другом до самого обеда. После обеда Никодим заснул и проснулся с наступлением темноты от стука в дверь. Это был Куницкий.

Он был очень огорчен болезнью Дызмы и хотел телеграммой вызвать доктора. С трудом Дызма отговорил его от этого, заверив, что ему уже лучше и что завтра или послезавтра он встанет на ноги.

– Ах, как это хорошо, – обрадовался Куницкий, – а то Ольшевский в гроб меня вгонит; что он вытворяет – уму непостижимо. Представьте себе: велел задержать сосну – якобы я не внес полностью задатка. А задаток составлял сорок тысяч двести злотых. Забыл я об этих двухстах злотых, видит бог, забыл, а теперь этот негодяй остановил мне всю работу. Из-за каких-то двухсот злотых! Удар может хватить человека!

Волнуясь, Куницкий тараторил всё быстрее. Битый час рассказывал он о конфликтах с дирекцией казенных лесов и выразил под конец надежду, что благодаря вмешательству Дызмы избавится от мытарств. Дорогому пану Никодиму надо только поскорее отправиться в Варшаву и поговорить там с министром Яшунским.

Дызма заверил его, что, как только встанет, съездит в Варшаву.

– А как вы думаете, дорогой пан Никодим, легко у вас дело пойдет? Скоро уладите?

– Уладим, – ответил Дызма, – будьте покойны. Может, только деньги понадобятся на мелкие расходы.

– Расходы? Пустяки. Дам, сколько надо, наличными. Ну как вы здесь, в Коборове? Скучаете?

Дызма запротестовал. Он очень мило проводит время.

– Учтите только одно, когда будете устраивать наши дела в Варшаве... Помните, что Коборово записано не на мое имя, а на имя жены. Я должен был это сделать из соображений формального порядка.

– Значит, я буду выступать как бы от имени вашей супруги? – спросил Дызма, припоминая разговор с Понимирским.

– Да, да, хотя можете и от моего, потому что я – фактический владелец... У меня есть полномочия от жены.

Дызму так и подмывало спросить, есть ли у него векселя, но он сдержался: у старика могли зародиться подозрения.

Куницкий стал расспрашивать Никодима, в каком состоянии, по его мнению, хозяйство в Коборове; но вынужден был отказаться от своей затеи, так как больным снова овладел приступ ревматизма, да такой сильный, что пан Никодим шипел от боли, а выражение его лица изменилось до неузнаваемости.

После ужина Куницкий снова заглянул к Дызме, но тот прикинулся, будто спит, и это избавило его от дальнейших разговоров. Ночью Никодим долго размышлял о неизбежном путешествии в столицу, откуда, пожалуй, уже не вернется. Однако он решил, что попытается протянуть как можно дольше. Во всяком случае, нетрудно будет отыскать полковника Вареду и попросить его переговорить с министром.

Вспомнил Понимирского. Чем черт не шутит – может быть, стоит взять от него письмо? Если у тетки Понимирской есть связи, то и через нее можно будет, пожалуй, чего-нибудь добиться. Конечно, он не допускал и мысли, что сможет устроить дела Куницкого: это было невероятно. Дызма стремился только укрепить Куницкого в уверенности, что он, Дызма, в самом деле дружит с министром и если не теперь, то по крайней мере со временем сумеет добиться увольнения Ольшевского, что ему по плечу выхлопотать такое увеличение поставок древесины из казенных лесов, какое может удовлетворить ненасытного старика.

Вскоре после ухода Куницкого пришла Нина. Она была грустнее обычного, встревожена еще больше, чем днем, но на улыбку Дызмы ответила улыбкой. Нина осведомилась о его здоровье, пожаловалась на мигрень, из-за которой не спала всю ночь, и наконец спросила:

– Вы, кажется, едете в Варшаву? Надолго?

– На неделю, самое большее – на десять дней.

– Варшава... – произнесла Нина задумчиво.

– Вы любите Варшаву?

– Нет, нет... То есть, собственно, очень любила когда-то... Даже и теперь люблю, только сама себе там не нравлюсь.

– Да... У вас там есть родные, друзья?

– Не знаю... Нет, – ответила она после минутного колебания.

Никодим решил осторожно выяснить вопрос о существовании тетки Пшеленской.

– Не тетка ли вам пани Пшеленская?

Лицо Нины выразило огорчение.

– Ах, вы знакомы с пани Пшеленской?... Да, да, но после моей свадьбы я с ней не поддерживаю никаких отношений. Мы даже не переписываемся.

– Вот как!

– А вы бываете у нее?

– Изредка, – протянул Дызма. – Пани Пшеленская не выносит, кажется, пана Куницкого, но вас любит.

Нина не выдержала и тихо спросила:

– Вы говорили с ней обо мне?... Ах, простите за нескромность, но это меня так взволновало. Не удивляйтесь. Все воспоминания юности связаны с этим домом и с кругом знакомых тети Пшеленской... Вы там бываете...

– Отчего же вы к ней не заглянете?

– Ах... Сами понимаете. Муж... Они не могут мне этого простить... – Нина отвернулась и шепотом добавила: – Так же как я не могу себе простить этого.

Никодим молчал.

– Мне стыдно, что и тогда и сейчас я с вами так откровенна... Но у меня нет сил... Я очень слаба... Очень несчастна...

– Не огорчайтесь, поверьте: всё изменится к лучшему.

– Не утешайте меня, прошу вас. Я знаю, я чувствую, что нашла в вашем чутком сердце глубокий, искренний отклик... Мы еще мало знакомы, но у меня к вам такое доверие... Не надо, не утешайте меня, у меня нет никакого выхода. Достаточно того, что вы меня понимаете... Вы один, – добавила она, помолчав.

– Почему вы говорите, что нет выхода? Разве вы не можете развестись с мужем?

– Не могу, – ответила Нина, опустив глаза.

– Гм, значит, все-таки вы привязаны к нему...

В глазах Нины зажегся огонек.

– Нет, нет, – горячо запротестовала она. – Как вы можете подозревать! Меня ничто не связывает с этим лавочником... Этот старик...

В голосе звучали ненависть и отвращение.

– Почему же вы говорите, что не можете развестись? – удивился Дызма.

– Я не смогу жить... в нужде... Впрочем, мне приходится думать не только о себе.

– Вы шутите, – прикинулся простачком Никодим. – Коборово – это миллионы, и это ваша собственность.

– Вы ошибаетесь. Коборово принадлежит мужу.

– Но пан Куницкий мне говорил...

– Да. Оно записано на мое имя, но в случае развода я буду нищей.

– Не понимаю.

– Ах, зачем говорить об этом!.. Видите ли, мой муж взял у меня обязательства на такую сумму, которая превышает стоимость Коборова.

– Выманил хитростью?

– Нет. Взял, потому что эта сумма причиталась ему... на покрытие долга моей семьи.

– Ага...

– Не будем говорить об этом, мне это так неприятно... – Нина умоляюще сложила руки, заглянула Никодиму в глаза. – Прошу вас, не говорите об этом с теткой. Хорошо?

– Как вам угодно. Впрочем...

– Прошу вас! Очень прошу! Тот мир уже не существует для меня, мне туда нет возврата... Давайте лучше читать...

Нина взяла книгу и раскрыла ее там, где была закладка. Она принялась читать, но едва произнесла несколько слов, как голос у нее задрожал. От рыданий грудь стала судорожно подниматься и опускаться.

– Не плачьте, не надо плакать, – беспомощно успокаивал ее Дызма.

– Боже мой, боже мой, – запричитала Нина. – Вы так добры ко мне... Вы такой добрый... Простите меня... Это нервы...

Она вскочила и выбежала из комнаты.

«Ясно как день, – подумал Дызма, – она влюбилась в меня».

– Влюбилась, – произнес он вслух и торжествующе улыбнулся.

На ночном столике стояло маленькое зеркальце. Никодим взял его в руку и долго разглядывал свое лицо – удивленный, заинтересованный и самодовольный.

Глава 6

Управляемый опытной рукой шофера, легко и плавно катился автомобиль по ровному шоссе. После вчерашнего дождя кое-где поблескивали крохотные лужицы. Свежее утро искрилось от солнечных лучей.

Дызма ехал в Варшаву.

Куницкий нарочно отправил его в автомобиле, а не по железной дороге. Он заявил, что так будет внушительнее.

И действительно, на редкость элегантный, роскошно отделанный автомобиль был, казалось, специально создан для представительства. Белая ливрея шофера и плед из тигровой шкуры, покрывающий ноги Дызмы, дополняли картину. Поэтому-то каждый раз, когда они останавливались в каком-нибудь городке – а это случалось редко, – машину тотчас окружала толпа зевак, которых дивил не только автомобиль, но и высокомерная физиономия развалившегося на сиденье пассажира.

На одной из таких остановок Дызма вынул из портфеля незапечатанный конверт. Это было взятое Дызмой на всякий случай письмо графа Понимирского к пани Пшеленской. Теперь он стал его читать. Письмо гласило:

«Дорогая тетя!

Пользуясь случаем, что в Коборове, захваченном бандитом Куником, управляющим стал пан Никодим Дызма (из курляндской шляхты)¹⁷, которому я вполне доверяю, хотя, быть может,

¹⁷ В.Э.: Такой «курляндской шляхты» не существовало. Курляндия была герцогством 233 года с 1562 по 1795 год; это было номинально вассальное государство Польши, но фактически почти самостоятельное. Дворянство в этом герцогстве было немецким, а вера – протестантская. Польское дворянство (и

вид его не заслуживает доверия, поскольку это истинный джентльмен и к тому же мой приятель по Оксфордскому университету, поскольку он ко мне расположен (что вполне естественно) и худо относится к этому прохвосту Кунику, – что также вполне естественно, – прошу Вас, дорогая тетя, посоветоваться с кем следует и, используя связи пана Дызмы, добиться моего освобождения с помощью врачебной экспертизы, которая установит, что я не являюсь душевнобольным и могу быть освобожден по приговору суда, с тем, чтобы я предъявил впоследствии Кунику иск о присвоении им Коборова, что будет иметь успех, если Вы соберете, где требуется, подробную информацию о мошенничествах этого внебрачного сына прачки, о мошенничествах, о которых Вы мне говорили и которые связаны со шпалами, казенными поставками и присвоением шляхетской фамилии «Куницкий» благодаря подкупу и подделке документов, что мог бы установить внезапный обыск, так как Куник все свои документы держит в несгораемом шкафу за занавесью в спальне, о чем я узнал от прислуги, которая до некоторой степени мне предана, в связи с чем я намерен – но только в крайнем случае – произвести un coup d'état¹⁸ и, если это будет необходимо, лично застрелить негодяя, что, однако, не доставит мне ни малейшего удовольствия, ибо, как Вы знаете, я охочусь только на благородную дичь, к которой эта свинья Куник не относится и место которому если не в хлеву, то в тюрьме, в чем и рассчитываю на Ваше содействие, дорогая тетя, ибо после ввода во владение Коборовом я тотчас уплачу Вам свой долг, отдам проценты, отдам также долг Зызе Кшепицкому и даже женюсь на панне Хульчинской, хоть она не молода и лицо у нее всё в веснушках, это я сделаю исключительно для того, чтобы доставить Вам удовольствие, о чем пан Никодим Дызма осведомлен и au courant¹⁹ всего этого дела, и потому прошу советоваться с ним, ибо у него большие связи в Варшаве, особенно в правительственных кругах, что не может не иметь значения в моем деле, которое, надо сказать, является до некоторой степени и Вашим делом, на чем кончаю письмо, за пространность которого извиняюсь, и присовокупляю родственные поцелуи, – как всегда любящий Вас племянник

Жорж Понимирский.

Почерк был неразборчивый, и Дызма добрых полчаса убил на то, чтобы прочитать письмо. Его обрадовало упоминание о курляндской шляхте, зато обеспокоил Оксфордский университет: если кто-нибудь, боже упаси, обратится к нему по-английски, он тут же засыплется.

Собственно говоря, он еще не решился на визит к пани Пшеленской. Его толкало на это не столько поручение сумасшедшего графа, сколько беседы с Ниной. Он не рассказал ей о тайных свиданиях с братом, но, сопоставляя сведения, полученные от обоих, с тем, что говорил Куницкий, пришел к убеждению, что претензии Понимирского не так уж безнадежны, как это могло показаться с первого взгляда. Если он решится на визит к пани Пшеленской, можно будет, пожалуй, выяснить всё до конца.

В пользу визита говорили и соображения личного порядка: пани Пшеленская вращалась в высших сферах и могла помочь Дызме в устройстве дел Куницкого, от исхода которых зависела и его личная судьба.

Обо всем этом, да еще о полковнике Варде, которого предстояло ему разыскать, продолжал думать Никодим, когда автомобиль поравнялся с первыми строениями Праги.²⁰ Солнце давно уже зашло, и вспыхнувшие внезапно огни уличных фонарей словно приветствовали появление Дызмы.

– Хорошая примета, – обронил он вполголоса.

– В Европейскую прикажете? – осведомился шофер.

– В Европейскую, – подтвердил Дызма.

Никодим превосходно выспался и встал в отличном настроении.

Тотчас отправился в город.

католическая вера) существовали в соседней части теперешней Латвии – в Латгалии (которая во время польского владычества называлась «Инфлянты» – искаженное «Лифляндия»). Поэтому, если бы было сказано «из инфлянтской шляхты», то это было бы что-то осмысленное. Доленга-Мостович, видимо, специально заставляет графа Понимирского употреблять название несуществующего объекта: с одной стороны, все поляки знают, что Курляндия когда-то (за 137 лет до описанных событий) входила в состав Польши, а, с другой стороны, видимо, они не знают, что польской шляхты там никогда не было.

¹⁸ Государственный переворот (франц.).

¹⁹ В курсе (франц.).

²⁰ Прага – предместье Варшавы.

Из военного министерства Дызму отослали в справочное городского гарнизона, где он узнал, что полковник Вацлав Вареда каждое лето проводит в Константине,²¹ на вилле «Гаити», и в Варшаву приезжает чаще всего днем.

Все были с ним очень любезны, и Дызма заключил, что полковник Вареда, должно быть, важная шишка. Он собрался было спросить, какую должность занимает Вареда, но вовремя спохватился – вдруг поймут, что он круглый невежда в государственных делах.

Не было и десяти, когда Дызме пришла мысль отправиться в Константин. Так он и сделал. Дорога оказалась скверной, но шофер был опытный, машина – великолепная, и через полчаса они добрались уже до места. Виллу «Гаити» нашли легко. Это был нарядный двухэтажный домик. Сквозь кружевной узор решетки виднелся сад и обширная терраса. На террасе сидел какой-то мужчина в пижаме и читал газету. Когда автомобиль остановился у калитки, мужчина поднял голову, и Дызма узнал полковника.

Ответив на поклон, полковник долго всматривался в гостя прищуренными близорукими глазами, и лишь тогда, когда Никодим был уже в калитке, вскопчил с криком:

– Привет! Да ведь это же укротитель Терковского! Здравствуйте, пан Никодим! Где пропадали? – И полковник обеими руками стал трясти руку Дызмы.

– Мое почтение, полковник. Я сидел всё это время в деревне, вчера приехал в Варшаву; мне сказали, что я застаю вас здесь...

– Bravo! Блестящая мысль! Позавтракаете со мной? Впрочем, вы, деревенские жители, встаете с петухами...

Полковник искренне обрадовался приезду Дызмы. Человек этот был ему на редкость симпатичен, к тому же – великолепный автомобиль: значит, сегодня при поездке в Варшаву можно будет обойтись без Виляновской железной дороги.

– Мы вчера здорово выпили, – заговорил Вареда, – думал, башка будет трещать, но, к счастью, чувствую себя великолепно.

И действительно, Вареда был весел и оживлен, только налитые кровью глаза говорили о вчерашней попойке.

– Я сказал: «к счастью», потому что надо sprysнуть ваш приезд, – продолжал Вареда. – Вы знаете, ваш инцидент с Терковским сделался прямо анекдотом. Удалось подрезать немного крылышки этой птичке.

– Ну, что вы!

– Клянусь богом! С тех пор как его назначили начальником канцелярии премьера, этот Терковский потерял всякое соображение. Вообразил, идиот, что все будут разбиваться перед ним в лепешку.

– А что подельывает министр Яшунский?

– Как что? – удивился полковник. – Да ведь он на съезде в Будапеште.

– Жаль.

– У вас к нему дело?

– Небольшое.

– Поживите несколько дней в Варшаве. По крайней мере повеселимся. Яшунский часто вспоминает вас.

Дызма глянул на полковника с нескрываемым изумлением. Тот поспешил с объяснением:

– Факт, клянусь богом. Как это он сказал о вас?.. Стойте, стойте!.. А! «Этот Дызма знает, что такое жизнь: хватает ее за холку и в морду – трах!» А? Яшунский может... Я ему даже советовал издать книгу афоризмов.

Затем Дызма узнал, что положение Яшунского поколебалось: против него выступают и помещики и союзы мелких землевладельцев, да и Терковский вместе со своей кликой роет ему яму. В сельском хозяйстве тяжелый кризис; выхода нет. Жаль Яшунского: человек толковый, да и свой парень.

Разговор зашел о делах Дызмы, и полковник спросил:

– Вы, пан Никодим, кажется, то ли компаньон, то ли сосед Куницкого?

– И то и другое, – ответил Дызма, – да еще доверенный его жены.

– Ах, так? Что вы говорите? Этой... графини Понимирской. Такая хорошенькая блондинка, да?

– Да.

²¹ Константин – пригород Варшавы.

– Слышал, там не очень-то она с этим Куницким...

– Даже весьма не очень, – рассмеялся Дызма.

– Между нами говоря, не удивляюсь, потому что он старый хрыч, да и человек, надо думать, заурядный. Впрочем, вам виднее.

– Что поделаешь!

– Понимаю, понимаю, – согласился полковник. – Дела есть дела. Извините, я при вас оденусь.

– Сделайте одолжение!

С террасы они прошли в комнату, и Вареда пожелал угостить Дызму коктейлем собственного приготовления. Тем временем денщик принес мундир, и через полчаса полковник был готов.

Подошли к автомобилю, и Вареда с восхищением принялся его осматривать. Он, должно быть, неплохо разбирался в машинах, потому что повел с шофером совсем особый разговор, из которого Дызма почти ничего не понял.

– Хорош, хорош, – с восторгом твердил Вареда, усаживаясь рядом с Дызмой. – Пришлось, наверно, потратиться?.. Тысяч восемь долларов, а?

Машина тронулась, и Дызма под рокот мотора, заглушавший его слова, ответил:

– Хе-хе, с хвостиком.

По дороге они договорились, что встретятся вечером за ужином в «Оазисе».

– Там лучше всего, будет много знакомых. Уляницкого знаете?

Уляницкого Дызма не знал. Но, опасаясь, что это какая-нибудь известная личность, ответил, что знает только понаслышке.

Доставив полковника в штаб, Дызма вернулся в гостиницу, велел шоферу заехать за ним в десять вечера и отправился в кафе. Не без труда отыскав свободный столик, велел принести чаю с пирожными и задумался над тем, как провести время. Однако в голову не приходило ничего путного. В Варшаве он не знал ни одного человека, которого он, управляющий именем, мог теперь навестить. При мысли о Бартиках Дызма даже содрогнулся. Их закоптелая комната была для него таким же олицетворением суровой действительности, к которой рано или поздно надо будет вернуться, как заляпанный чернилами так называемый зал почтовой конторы в Лыскове. Никодим чувствовал, что его необыкновенное приключение скоро кончится, но старался об этом не думать.

Безделье, однако, возвращало его мысли к действительности. Чтобы настроиться на другой лад, Дызма решил подняться в свой номер. Тут он вспомнил о письме Понимирского, вынул его, прочитал.

– Э, чего там! – махнул рукой Никодим. – Пойду, что со мной сделают...

*

Пани Юзефина Пшеленская встала в этот день с левой ноги. Это было единогласно признано на кухне в десять утра, а в одиннадцать по всей квартире поднялись такая суматоха и шум, как будто дело было не в одной левой ноге, а по меньшей мере в обеих.

В двенадцать квартира уважаемой пани Пшеленской являла собой зрелище хаоса и паники: антикварный столик перебрасывали с места на место, пока наконец он не брякнулся куда-то в пыль, задрав вверх свои рахитично-изысканные ножки. Хозяйка гарцевала перед растерянными слугами по квартире, точно валькирия по полю брани. Впереди трещала пулеметная очередь ее ругательств, позади, словно крылья бурнуса, развевались полы шлафрока.

В гостиной урчал пылесос, на дворе гремел гром от выбиваемых ковров. Окна то распахивались, потому что в этой духоте нельзя было высидеть ни минуты, то с треском закрывались, потому что от этих сквозняков гулял ветер в ушах. В довершение всего непрерывно трещал телефон, и в трубку из хозяйкиного рта градом сыпались ругательства, хлесткие, словно удары арапника.

В эту минуту в передней раздался звонок. Чаша терпения была переполнена, и пани Юзефина рысью помчалась лично отпереть дверь. Прислуга в ужасе замерла, мысленно поручив божьей опеке особу злосчастливого гостя.

Дверь распахнулась, и, подобно пушечному выстрелу, грянул зычный вопрос:

– Вам чего?

Этот нелюбезный прием не озадачил Никодима. Напротив, он вдруг почувствовал в себе больше уверенности – тон и внешность этой дамы напомнили ему его собственных знакомых.

– Я к пани Пшеленской.

- Чего вам надо, спрашиваю?
- Есть дело. Доложите пани, что пришел приятель ее племянника.
- Какого еще там племянника?
- Графа Понимирского, – не без самодовольства произнес Дызма.

Эффект был неожиданный. Растрепанная дама вытянула руки вперед, как бы защищаясь от нападения, и оглушительно заверещала:

- Не заплачу! Ни гроша не заплачу за племянника! Нечего ему было влезать в долги!
- Что? – удивился Дызма.
- Обратитесь к его зятю! Я не дам ни гроша, ни гроша! Это возмутительно: все ко мне, чистое наказание...

Для Дызмы это было слишком. Кровь бросилась ему в лицо.

– Что вы тут разоряетесь, черт вас подери! – рывкнул он во все горло. Пшеленская замолкла, как громом пораженная. Широко открыв глаза, съездившись, с испугом глядела она на непрошеного гостя.

- Никто от вас денег не требует; а если чего и хотят, так отдать, а не взять деньги.
- То есть как?
- Говорю: отдать.
- Кто хочет отдать? – спросила Пшеленская с возрастающим удивлением.
- А вы думаете кто? Шах персидский, султан турецкий?.. Ваш племянник и мой друг.

Пшеленская схватилась за голову обеими руками:

– Ах, извините, у меня сегодня ужасная мигрень, прислуга довела меня до иступления. Не сердитесь на меня, простите! Пожалуйста, войдите.

Дызма прошел следом за Пшеленской в боковую комнатку. Половина мебели была там опрокинута, посредине торчала щетка для натирания паркета. Хозяйка поставила гостю стул у окна, а сама, извинившись за свой вид, вышла и исчезла на добрые полчаса.

«Что за дьявол, – принялся сам с собой рассуждать Дызма. – Кинулась на меня, как шавка на бродягу. Черт принес меня сюда! Видно, тетка вроде племянника! Говорят, будто она важная дама, а выглядит как кухарка!»

Он долго не мог успокоиться, а когда пришел наконец в себя, стал сожалеть, что сразу сказал этой бабе о намерении Понимирского расплатиться с долгами.

«Считает его сумасшедшим, готова и меня записать туда же...»

Наконец хозяйка вернулась. Теперь на ней красовался бордовый шлафрок, волосы были причесаны, мясистый нос и пухлые щеки покрывал толстый слой пудры, губы были ярко накрашены.

– Простите великодушно, – заговорила хозяйка, – я страшно устала и изнервничалась. Пшеленская!

Никодим поцеловал ее длинную худую руку, представился.

Пшеленская тотчас осыпала его градом вопросов, он даже рта не успел открыть для ответа. Тогда он вынул письмо Понимирского и протянул Пшеленской.

Та немедленно принялась кричать:

- Боже мой, я забыла пенсне. Франия! Франия! Антоний!.. Франия! – надрывалась она.

Послышались торопливые шаги, и через минуту горничная принесла пенсне в золотой оправе.

Пани Пшеленская углубилась в письмо, щеки у нее покраснелись, несколько раз она, прервав чтение, рассыпалась перед Дызмой в извинениях.

Письмо произвело на нее сильное впечатление. Прочитав его еще раз, она объявила, что это дело большой важности, но вовсе не потому, что Жоржик собирается отдать ей долг, а так, вообще.

Она принялась выпрашивать Никодима о том, что делается в Коборове, о настроении «несчастной Нинетки», о состоянии хозяйства «вора Куника» и в конце концов поинтересовалась, что думает обо всей этой истории ее собеседник.

Но собеседник не думал ровно ничего и потому промямлил:

- Как вам сказать... Надо бы посоветоваться с адвокатом.

– Верная мысль, верная мысль, – подхватила Пшеленская. – Но, знаете, лучше всего было бы предварительно поговорить с паном Кшепицким. Вы знакомы с паном Кшепицким?

- Нет, незнаком. А кто это?

– О, это очень способный человек и наш старый знакомый, хоть он и молод. Простите, вы остановились в гостинице?

– Да.

– Вы не откажете, если я вас приглашу завтра на обед? Будет как раз Кшепицкий, и мы обсудим всё дело. Хорошо?

– В котором часу?

– Если вас не затруднит, в пять.

– Хорошо.

– Простите, что так нелюбезно встретила вас. Вы не сердитесь?

– За что же? – отозвался Дызма. – С каждым может случиться.

Он глянул на Пшеленскую внимательнее и решил, что она вовсе недурна. Ей было под пятьдесят, но, тоненькая, порывистая, она выглядела моложе. Пшеленская проводила Дызму до передней и попрощалась с улыбкой.

– У этих бар никогда ничего не разберешь, – бормотал Дызма, спускаясь по лестнице.

Он зашел в ближайший бар и пообедал. Приятно было наконец есть в одиночестве и не чувствовать никакой ярма – не раздумывать, когда употреблять ложку, когда – вилку.

После визита к Пшеленской Дызма решил, что всё кончится разговорами и надежды Понимирского развеются как дым.

«Не так глуп этот Куницкий, чтобы позволить из себя веревки вить. Пройдоха!»

Потом вдруг Никодиму пришло в голову – не лучше ли рассказать обо всем Куницкому? Но он тут же пришел к убеждению, что разумнее всего держать язык за зубами. Кроме того, выдать Понимирского – означало причинить неприятность Нине, такой славной женщине...

Возле самого бара Дызме в глаза бросилась светящаяся реклама. Фильм. Как давно он не был в кино! Посмотрел на часы: в его распоряжении оставалось еще пять часов. Не долго раздумывая, Никодим купил билет.

Картина была интересная, даже захватывающая. Молодой бандит влюблен в хорошенькую девушку, которую похитила неожиданно другая банда, после множества головоломных трюков и приключений бандит освобождает свою любимую и в финале идет с нею под венец; что любопытнее всего – венчает их не кто-нибудь, а отец невесты, седобородый священник с добродушной улыбкой на морщинистом лице.

Это вызвало у Никодима на первых порах недоумение, но потом он подумал, что это всё происходит в Америке, а там, видно, священник может состоять в браке.

Фильм был настолько хорош, что Дызма просидел целых два сеанса. Когда он вышел из кино, улицы сияли тысячами огней. По тротуарам двигались толпы гуляющих. Вечер был жаркий и душный. Дызма вернулся пешком в гостиницу и уже издалека увидел шикарный автомобиль Куницкого.

«Моя машина!» – подумал он и усмехнулся.

– Ну, как дела? – спросил он, ответив на поклон шофера.

– Хорошо. Спасибо.

– Как провели время?

Шофер рассказал, что был у родных, что родом он из Варшавы. С минуту поболтали, затем Дызма отправился в номер, переоделся.

«Задам сегодня шику, надо будет поближе сойтись с полковником. Поставлю ему шампанского».

Через четверть часа Дызма подъехал к «Оазису». Ресторан был пуст. Только два–три столика были заняты.

«Поторопился», – подумал Дызма.

Он велел подать водку и закуски. Именуя его ясновельможным паном, кельнер тотчас уставил стол закусками, появились еще два других кельнера, принесли блюда с рыбным заливным, ветчиной, паштетами и прочей снедью.

Никодим ел медленно – ему хотелось дожидаться полковника. Оркестр играл что-то из классической музыки. Зал постепенно наполнялся.

Наконец около одиннадцати появился полковник Вареда. Вместе с ним вошел черноволосый приземистый мужчина в штатском костюме.

– А, вы тут! – воскликнул полковник. – Долго ждете?

– Всего с четверть часа, – поспешно выпалил Дызма.

– Позвольте представить: пан Дызма, директор Шумский! – познакомил их полковник. – Сейчас придет и наш любимец Ясь Уляницкий.

– Этот остряк? – весело завопил Шуйский. – Превосходно!

– Вы не можете себе представить, какую шутку он отмочил, когда мы в мае были в Крынице.

– Ну?

– В нашем пансионате, представьте себе, жил некий Куровский или Карковский – такой, знаете ли, настоящий мужчина, стопроцентный джентльмен: он и теннис, и Байрон, и Бодлер, и Уайльд, и Канале Гранде, и «Казино де Пари», и Монте, и иностранные языки, и все сорта вин, и все сорта шелков, и родственные связи в высших кругах, – ну, словом, верх совершенства. Женщины от него с ума сходили, за общим столом разговор превращался ежедневно в нечто вроде монолога или лекции этого словоблуда. Болтал, болтал, острил, каламбурил, сыпал афоризмами чуть ли не на десяти языках, словом – сводил всех с ума.

– Вот это я понимаю! – воскликнул Шумский. – Если он еще ходил с зонтиком и не выговаривал «р», то даю голову на отсечение, что этот тип из министерства иностранных дел.

Полковник расхохотался:

– В самую точку! Клянусь богом, он не расставался с зонтиком.

– Ну и что же?

– Представьте себе, на пятый или шестой день идем мы обедать, а Ясь и говорит: «Ей-богу, больше не выдержу». Сидел он за обедом, заметьте себе, напротив этого болтуна. Тот как начал свои разглагольствования за супом, так еще за жарким не мог закруглиться. Я жду, Ясь – ни звука. Сидит, слушает, а этот тип улыбается, изощрается, чарует. Завел он речь о модном цвете сезона, тут мой Ясь отложил в сторону нож и вилку, привстал со стула, наклонился через стол к этому обольстителю да как гаркнет: «У-у-у-у!..»

Дызма и Шуйский не могли удержаться от смеха.

– Как это, – спросил Шуйский, – просто «у-у-у-у»?

– «У-у-у-у» – и всё, но ты ведь знаешь бас Уляницкого. Не можешь себе вообразить, какое произошло замешательство! Этот тип покраснел как свекла и умолк, словно его громом поразило. Наступила тишина, все опустили головы. Вдруг кто-то не утерпел и прыснул. Только этого недоставало! Даже стол затрясся от смеха. Честное слово, никогда не видел, чтобы люди так хохотали.

– А Ясь?

– Ясь, как ни в чем не бывало, принялся за жаркое.

– Ну, а тип?

– Жалкая личность! Не знал, что делать: встать или остаться за столом. Наконец встал и вышел. И в тот же день уехал из Крыницы.

– А дальше что? – спросил Никодим, которому эта история страшно понравилась.

– Больше ничего, – ответил полковник. – Только Уляницкий сделался после этого самым популярным человеком в Крынице.

Зал был уже полон. Среди белых столиков мелькали черные фраки кельнеров. Оркестр с надрывом играл танго.

Наконец пришел Уляницкий.

Это был мужчина громадного роста, его лицо походило на плоский щит, куда вместо носа вставили огурец и приклеили четыре кустика черных как смоль волос – брови и усы, которые находились в непрерывном движении. Зато маленькие, глубоко запавшие глазки пристально смотрели куда-то в пространство. Едва он подсел к столику, захмелевший Никодим начал излияния.

– Полковник рассказал нам об этой вашей шутке в Крынице. Шикарно! Ловко вы осадили этого болтуна!

Ключья волос на лице залихватски шевельнулись.

– Подумаешь! Вам повезло куда больше. Ведь это вы проучили Терковского?

– Он, он, – подтвердил Вареда. – Свой парень. Чувствую, вы будете друзьями. Ваше здоровье!

Пили зверски, и в голове у всех изрядно шумело, когда уже за полночь поднялись этажом выше в дансинг и велели подать шампанского. За столом появились девочки. Джаз играл так завлекательно, что Дызма, пригласив одну из дам, пустился в пляс. Всё общество следило за ним, и, когда Никодим сел, единогласно было признано, что он настоящий товарищ и что, пожалуй,

стоит выпить с ним на брудершафт... Против этого никто, понятно, не возражал, и процедура брудершафта была совершена под звуки гимна «Многая лета...», исполненного оркестром по требованию полковника Вареды.

Уже светало, когда четверо друзей уселись в автомобиль Куницкого. Решено было отвезти полковника домой. Когда прибыли в Константин, шофер разбудил пассажиров. Шуйский нежно попрощался с Дызмой – ему не хотелось ехать обратно в Варшаву.

– Переночую у Вацека. Пока, Никодимчик, пока! Уляницкого Дызма отвез в Колонию Сташица,²² сам возвратился в гостиницу.

Дызма попытался было перед сном оценить события прошедшей ночи, но шум в голове и непрестанная икота так замучили его, что он махнул на всё рукой и повалился в постель.

Проснулся он с головной болью. День был в разгаре. Никодим обнаружил, что спал во фраке и в брюках – костюм напоминал теперь тряпку. Он был зол на себя; впрочем, вчерашняя попойка в обществе Вареды и двух влиятельных чиновников могла облегчить ему доступ к министру.

Никодим вспомнил, что должен быть сегодня на обеде у Пшеленской. Необходимо распорядиться, чтобы отутюжили костюм.

Куницкому Никодим послал телеграмму, сообщив, что вынужден задержаться в Варшаве из-за отсутствия министра.

К Пшеленской он отправился в автомобиле: окна ее квартиры выходили на улицу – возможно, кто-нибудь заметит машину, а это для него весьма существенно.

Откровенно говоря, Дызма не очень-то представлял себе, о чем говорить с теткой Понимирского да еще с каким-то там Кшепицким, а главное – не видел смысла в таком разговоре. Он согласился прийти просто из любопытства, просто потому, что его привлекало посещение великосветского дома.

Переступив порог, Дызма сразу понял, что впервые побывал в этом доме при необычных обстоятельствах. Теперь здесь царили порядок и тишина и всё было исполнено внушительного благообразия. Правда, с коборовским домом эта квартира сравнения не выдерживала, но было здесь что-то неуловимо-приятное, и это еще больше импонировало Дызме.

Лакей распахнул перед ним дверь в гостиную, несколько минут спустя появилась пани Пшеленская. На этот раз она выглядела как настоящая светская дама. Вместе с ней вошел мужчина лет тридцати пяти.

– Пан Кшепицкий! Пан Дызма! – познакомила их Пшеленская.

Кшепицкий галантно раскланялся. Его небрежная повадка и слегка гнусавый голос сразу же не понравились Никодиму. Он должен был, впрочем, признать, что Кшепицкий хорош собой и, пожалуй, даже привлекательней секретаря суда в Лыскове, пана Юрчака, который был известным на весь уезд сердцеедом.

– Очень рад, что мне выпала честь познакомиться с вами. Я имел удовольствие столько слышать о вас, – заявил Кшепицкий и сел, высоко поддернув брючину.

Этот человек сразу показался Никодиму хитрым и неискренним, и Дызма решил, что будет начеку. Поэтому он уклончиво ответил:

– Люди как люди – всегда что-нибудь скажут.

– Извините меня, – заметила пани Пшеленская, – но я только от пана Кшепицкого узнала, какой вы замечательный политик. К стыду своему должна признаться: мы, женщины, в политических вопросах – невежды.

– О, зачем преувеличивать, – возразил Кшепицкий и поддернул другую брючину.

Дызма не знал, что сказать, и только откашлялся. Выручил его лакей, доложив, что кушать подано. Во время обеда Пшеленская и Кшепицкий, которого та называла то по фамилии, то просто Зызей, стали расспрашивать Дызму о том, что происходит в Коборове. Пшеленскую интересовало в основном отношение «этой несчастной Нины» к брату и мужу, меж тем как Зызя забрасывал Никодима вопросами о доходах Куницкого, о состоянии Коборова. Дызма старался отвечать как можно короче, чтобы ненароком не выдать свою неосведомленность в этих вопросах.

– Не будете ли вы добры сказать, явственна ли болезнь Жоржа, можно ли думать о признании его правоспособным?

---

²² Колония Сташица – пригород Варшавы.

– Как вам сказать... Конечно, он сумасшедший, но, может быть, он сумеет какое-то время держать себя в руках...

– Совершенно верно, – подхватила Пшеленская. – Его болезнь состоит именно в том, что у него ослабевают сдерживающие центры; но если он поймет, что это необходимо, я думаю, на какой-то срок он сможет держать себя в узде.

– Пожалуй... – промямлил Дызма.

– Опасаюсь только, – продолжала Пшеленская, – что Нина не согласится с нашими планами.

– Ну, – пожал плечами Кшепицкий, – зачем ей знать о них? Сделаем всё потихоньку. Самое главное – найти ходы в министерстве юстиции, но об этом беспокоиться нечего, раз судьба послала нам в союзники пана Дызму. Не так ли?..

– Ах, как замечательно, что вы, коллега Жоржа и его друг, встретились с ним именно теперь! – воскликнула пани Пшеленская.

Пить кофе перешли в маленькую гостиную. Кшепицкий вынул блокнот и карандаш.

– Я позволил себе приготовить нечто вроде коротенького доклада, – начал он. – Разрешите?.. Так вот: в общих чертах дело представляется следующим образом. Нам известно, что аферист по имени Леон Куник, шестидесяти шести лет, сын прачки Геневефы Куник, родом из Кракова, который подозревался в свое время в скупке краденых вещей – это зарегистрировано в актах львовской полиции, – занимался ростовщичеством и впоследствии, уже будучи ростовщиком, опутал семью Понимирских и с помощью обмана лишил ее состояния...

– Пани Куницкая, – прервал его Никодим, – утверждает, что обмана здесь не было.

– Ну, конечно... Но каждый факт можно истолковывать по-разному. Хе-хе-хе... Если прокурор получит надлежащую инструкцию, ему будет ясно, как поступить. Кроме того, мы знаем, что Куник девять лет тому назад получил новое удостоверение личности и сменил свою фамилию на «Куницкий», вписав в бумаги имя отца. Это уже явное беззаконие. Далее. Всем нам известен его процесс о поставке шпал. Тогда, к сожалению, не было доказано, что этих шпал в действительности не существовало. Куницкий добился оправдания с помощью документов, подтвердивших его невиновность, но сомнений нет: эти документы он приобрел нечистым путем... Железнодорожный чиновник, который их выписал, впоследствии бежал и как в воду канул. Всё это можно откопать и снова представить суду. Как вы полагаете?

– Разумеется! – воскликнула Пшеленская.

– Мне тоже так кажется, – вставил Дызма, с недоверием глядя на Кшепицкого.

Вспыхивающие в продолговатых глазах огоньки, постоянная игра мускулов на лице, острый профиль – всё это производило впечатление настороженности, постоянной готовности к контрудару. Кшепицкий облизал кончиком языка верхнюю губу и добавил:

– Самое главное – отобрать у него Коборово. И тут начинаются трудности. Юридически его владелицей является пани Нина, а она на это не пойдет.

– Да, надо думать, не пойдет... – согласился Дызма.

– Поэтому, – продолжал Кшепицкий, – у нас остается единственный выход: Жорж должен подать на Куницкого прокурору жалобу, в которой будет выдвинуто обвинение, что Куницкий заставил его сестру дать ложные показания...

– Гм...

– Выдвинуть такое обвинение Жорж сможет лишь тогда, когда будет признан правоспособным. Поэтому следует добиться от судебных властей разрешения вторично исследовать психическое состояние Жоржа! Я советовался с адвокатом. Тот говорит, что такое переосвидетельствование в принципе допустимо. Надо только, чтобы об этом попросил кто-нибудь из родственников Жоржа.

– Я – ни за что на свете! – запротестовала Пшеленская. – Ни за что! Хватит с меня неприятностей. Только мне не доставало, чтоб мое имя трепали в газетах...

– Прекрасно, пани Фина, – ответил Кшепицкий, которого этот разговор начал раздражать. – Значит, вы считаете, что это сможет сделать Нина?

– Нет, – заявил Дызма, – Нина пальцем не шевельнет.

– А у Жоржа больше нет родственников, – заметил Кшепицкий и поднял вверх указательный палец с непомерно длинным и холеным ногтем.

– Всё равно не буду вмешиваться в это дело... Всё равно...

Лицо у Кшепицкого сделалось злым.

– Ладно, – сказал он сухо. – Значит, не о чем говорить. Тем самым вы поставили крест на тех сорока тысячах, которые Жорж должен вам и мне, и крест на замужестве Бибы Хульчицкой.

Наступило молчание.

– Жаль только, – добавил Кшепицкий, – что нам пришлось побеспокоить пана Дызму.

– Не могу, право, не могу! – упорствовала Пшеленская.

– Не горит! – заявил, подумав, Никодим. – Можно и отложить дело.

– А тем временем найдется какой-нибудь выход, – добавила с облегчением пани Пшеленская.

Кшепицкий вскочил.

– Тем временем, тем временем! А тем временем мне нужны деньги до зарезу!..

– Я постараюсь что-нибудь найти для вас, – промямлила в нерешительности Пшеленская.

– Ах, опять каких-нибудь пятьсот или тысячу злотых! – махнул рукой Кшепицкий.

Пшеленская покраснела.

– Может быть, отложим этот разговор до другого раза. Не думаю, чтоб это интересовало пана Дызму.

– Извините, – буркнул Кшепицкий.

– Разрешите еще кофе?

Разлив по чашкам кофе, Пшеленская заявила:

– Может быть, вы, пан Дызма, сможете повлиять на Нину? Если она терпеть не может мужа... Пан Дызма похож на человека, который умеет одолевать любые преграды, влиять на любой характер...

– Конечно, но какая ему выгода, – не без цинизма заметил Кшепицкий.

– Но, Зызя, – возразила Пшеленская, – пан Дызма – друг Жоржа, не правда ли? А этого, я полагаю, достаточно.

Кшепицкий скривился и хрустнул костяшками пальцев.

– Будем откровенны... Я не верю в платонические комбинации. Извините меня, уважаемый пан Никодим, не верю! Я полагаю, что и вы, как человек... гм... практический... Спрошу прямо: обещал вам Жорж какие-нибудь выгоды?

– То есть как? – не понял Дызма.

– Обещал ли какие-нибудь выгоды?

– Обещал мне заплатить, что ли?

Пшеленская, опасаясь, как бы Дызма не обиделся, стала извиняться, объяснять, что Кшепицкий совсем не то имел в виду, что Дызма не должен истолковывать его слова в худую сторону, и так далее и так далее. Впрочем, сам обидчик внезапно спохватился и пояснил, что имел в виду расходы, которые, быть может, придется сделать Дызме в связи с процессом Жоржа.

Видя, что дело не клеится, Пшеленская предложила отложить окончательный разговор и, узнав, что Дызма пробудет в Варшаве по крайней мере недели две, пригласила его на бридж в ближайший вторник. Дызма отказался, заявив, что в бридж играть не умеет, но согласился прийти, когда его заверили, что играть в карты не обязательно.

– Будет двадцать–тридцать человек, – убеждала его Пшеленская, – среди них вы найдете знакомых: у меня бывают генерал Ружановский, министр Яшунский, председатель Гродзицкий, вице-министр Уляницкий...

– А полковник Вареда? – пришло в голову Дызме.

– Прежде бывал. Вы с ним знакомы?

– Да, это мой друг, – небрежно обронил Никодим.

– В таком случае постараюсь, чтобы и он был. Очень дельный человек, если не ошибаюсь, в прекрасных отношениях с прокурором Важиком. А тот, помнится мне, женат на первой жене Вареды...

– Да, да, – подтвердил со смехом Кшепицкий, – на урожденной Гамельбейн, а Важик в нашем деле может сыграть важную роль.

Дызма стал прощаться с Пшеленской, поднялся и Кшепицкий, заявив, что и ему пора, – его ждет поездка в Мокотов.

– Я довезу вас, – предложил Дызма, – моя машина стоит у ворот.

Пшеленская пыталась удержать Кшепицкого, но тот отказался наотрез.

– Нет, не могу. Приду ужинать. До вечера!

Пани Пшеленская – ваша родственница? – спросил уже на улице Дызма.

– Нет, просто старая знакомая. Я был в дружбе с ее мужем.

– Разве мужа пани Пшеленской нет в живых?

– Живет, – ответил, щуря глаза, Кшепицкий, – живет, только не знаю с кем. Прохлаждается за границей. Ну и автомобильчик! Первый сорт! Много бензина пожирает?

– Тридцать литров с лишним, – ответил с улыбкой шофер и захлопнул дверцы.

– Недурно иметь такую машину, – заметил Кшепицкий.

По дороге Кшепицкий говорил о делах, за которые ему предстоит приняться, если он получит деньги. Из молчания собеседника Кшепицкий заключил, что Дызма – человек хитрый и осторожный.

Когда наконец у Политехнического института он вышел, шофер сказал, повернувшись к Дызме:

– Этого пана я знаю – Кшепицкий. Держал конюшню скаковых лошадей, но ему не повезло.

– Тертый калач, а?

– Ого-го, – покрутил головой шофер.

Глава 7

Это был просторный кабинет в стиле Луи-Филиппа, с высокими окнами от потолка до пола, с темно-зелеными обоями.

За массивным письменным столом, подперев руками голову, сидел министр Яшунский и вот уже почти час прислушивался к тому, что бубнит чиновник, делающий доклад о положении в сельском хозяйстве.

По временам чиновник откладывал в сторону блокнот и, достав из пухлого портфеля газетные вырезки, читал выдержки из статей, где попеременно с цифрами неустанно повторялись слова: «экспорт», «центнер», «пшеница», «катастрофическое положение».

Доклад был, должно быть, не из веселых, потому что на лбу у министра легла глубокая складка. Она не исчезла даже тогда, когда губы сложились в улыбку и он поблагодарил своего подчиненного за ясный, тщательно продуманный доклад.

Вернувшись из-за границы, Яшунский застал дела в угрожающем положении. Трудности, с которыми столкнулось сельское хозяйство, перспективы огромного урожая вызвали бешеные атаки со стороны оппозиционной прессы; даже близкие к правительству газеты стали брюзжать, выражая неудовольствие.

Из разговоров с коллегами Яшунский сделал вывод, что его положение сильно поколебалось и отставка его была бы встречена всеми министрами с облегчением. Прямо ему об этом не сказали, отнюдь нет. Но дали понять, что предстоит найти козла отпущения, которого принесут в жертву в связи с ошибочной экономической политикой правительства. Премьер сделал кислую физиономию и недвусмысленно заявил, что в нынешней ситуации отставка всего кабинета была бы невозможна, надо спасаться частичной реконструкцией.

Сомнений не было – тут поработал Терковский, который имел на премьера немалое влияние.

Развязка близилась, и нужно было принять окончательное решение. Но Яшунский откладывал его, желая предварительно посоветоваться со своим заместителем, вице-министром Уляницким.

Он ждал его с самого утра, звонил даже несколько раз по телефону, но из квартиры ему неизменно отвечали, что хозяин еще не проснулся.

Вот почему, когда около двух часов дня Уляницкий показался наконец в дверях зеленого кабинета, Яшунский накинулся на него:

– Ошалел ты, что ли? Заливаешь по ночам, а тут земля горит под ногами.

– Сперва, пожалуй, не мешает поздороваться, – заметил усач.

– Ну, здравствуй, – буркнул министр.

Уляницкий устроился в кресле и закурил папиросу.

Заложив руки в карманы, Яшунский принялся большими шагами ходить взад и вперед по кабинету.

- Ты подписал договор на выгодных условиях. Поздравляю, – прогудел Уляницкий.
- Не с чем, – сухо ответил министр, – вероятно, это предпоследняя бумага, которую я подписал вообще.
- Почему предпоследняя?
- Потому что последней будет прошение об отставке.
- Никодима Дызму знаешь? – спросил, помолчав, Уляницкий.
- Знаю. Тот самый, который Терковского осадил. Какое это имеет отношение к делу?
- Я пил с ним сегодня всю ночь. Вот уже несколько дней пью с ним.

Яшунский пожал плечами:

- Тем хуже.
- Наоборот, тем лучше.
- Ну, какого черта!.. Говори яснее! Мне сейчас не до шарад!
- Так вот, беседовали мы с ним о кризисе. Я ему сказал, что дело дрянь и ждать улучшения не приходится. Выхода нет, говорю ему. А Никодим на это: «Есть выход – государство должно скупить запасы хлеба».

Уляницкий замолк и посмотрел министру в глаза. Тот плечами только пожал:

- Государство должно скупить хлеб?
- Да, да!
- Вздор! У государства нет денег.
- Постой, постой, я ему то же самое, а он мне: «Деньги? Денег не надо».
- Как так? – удивился Яшунский.
- Слушай. Нечто необыкновенное. Я рот разинул. Счастье, что все были пьяны в дым и никто не слышал.

- Ну, говори же!
- Так слушай! Денег не надо, не в них, говорит, дело. Государство может выпустить облигации. На сто, на двести миллионов злотых. Платить облигациями – и крышка. Четырехпроцентные облигации на шестилетний срок. За шесть лет благоприятная ситуация создастся по крайней мере раз, тогда хлеб продадим у себя дома или за границу – и делу конец.

- Постой, постой, – прервал его министр, – мысль неплохая.
- Неплохая? Гениальная!
- Ну, дальше.
- Башка у Дызмы, скажу тебе, варит здорово. От этого, говорит, огромные выгоды. Во-первых, стабилизация цен, во-вторых, увеличение денежного обращения. Таким путем государство выбрасывает в обращение сто – двести миллионов злотых, потому что облигации будут не именные и тем самым заменят наличные деньги. Понимаешь? Начинаю расспрашивать о подробностях, он говорит: «Я не специалист». Хочет рассказать обо всем тебе.

- Мне?
- Ну да, тебе. Он к тебе питает симпатию.
- Постой-ка, значит, суть дела сводится...

Уляницкий повторил свой разговор с Дызмой, изложил весь план, проиллюстрировал его цифрами. Он так увлекся проектом, что был уже готов позвать машинистку и продиктовать ей заметку для печати. Но более хладнокровный Яшунский удержал его.

- Вопрос надо всесторонне обсудить, продумать, проработать. Ему тоже казалось, что идея замечательная. Но такого дела не сделаешь впопыхах.
- Прежде всего – абсолютная тайна. А во-вторых, надо еще поговорить с этим Дызмой.

- Могу хоть сейчас позвонить ему.
- Он пока что в Варшаве?
- А как же. Остановился в Европейской. Приехал кутнуть.

Министр удивился:

- Что ты говоришь? Не похож на кутилу. Насколько я его помню, это скорей тип сильного человека. У таких людей бывают способности вождя, организатора... Главным образом организатора.
- Золотая башка, – убежденно поддержал приятеля Уляницкий.

– Ну, и свой человек. Ах, если б удалось! Тогда клика Терковского получила бы по рукам. А я? То есть я хочу сказать: а мы? Ты понимаешь, Ясь?

– Еще бы...

Было решено сегодня же вечером устроить совещание с Дызмой. Министр, нацарапав несколько слов на своей визитной карточке, послал за Дызмой в Европейскую. Когда принесли письмо, Никодим только еще проснулся. Времени у него как раз хватило для того, чтоб одеться и не спеша пообедать. До министерства было всего несколько минут ходьбы, и Никодим, глянув на карманные часы, отправился туда пешком. Когда на его звонок открылась дверь, швейцар, хмуро глянув на Дызму, бросил;

– Вам чего? Канцелярия уже закрыта.

– Тише! Тише! – высокомерно прошипел Дызма. – Я к министру Яшунскому.

Швейцар изогнулся в поклоне:

– Покорнейше прошу меня извинить. Министр вместе с паном Уляницким ждут вас в кабинете.

Он заботливо снял с Дызмы пальто.

– Разрешите проводить... Это здесь, во втором этаже.

Никодим не успел еще до конца осознать всей значительности факта: через минуту он будет беседовать с министром; то, что при выезде из Коборова казалось совершенно неправдоподобным, теперь принимало реальные очертания, претворялось в жизнь. Бег событий уносил Дызму с собой, словно поток. Он это ощущал, но суть явлений постичь не мог, не мог объяснить, почему это случилось именно с ним, Никодимом Дызмой.

Получив приглашение, он сразу догадался, что речь пойдет о выпуске хлебных облигаций, о том самом плане Куницкого, который с таким восторгом принял Уляницкий. Больше всего Никодим опасался, что министр станет его расспрашивать о подробностях. Надо быть настороже! Самое главное – придерживаться того метода, который давал до сих пор на практике самые лучшие результаты: говорить поменьше.

Уляницкий и Яшунский радушно встретили Дызму.

Поскольку Дызма и Уляницкий были на ты, сразу создалась дружественная атмосфера. Яшунский начал с комплиментов, напомнил Никодиму банкет 15 июля и инцидент с Терковским.

– Еще тогда я вам так и сказал: будь у нас в стране побольше таких людей, как вы, дела шли бы у нас великолепно. Да, не сомневаюсь, что великолепно.

– Вряд ли я заслужил...

– Никодим, не прикидывайся скромником! – весело прогремел Уляницкий.

Заговорили о хлебных облигациях. Дызма очутился под перекрестным огнем вопросов. Правда, оба сановника предупредили его, что в сельском хозяйстве смыслят мало, тем не менее Дызма был очень осторожен и всё время опасался, как бы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Но его выручила хорошая память: припоминая понемногу, он сумел повторить почти всё, что сказал ему Куницкий. На всякий случай добавил и то, что слышал о «своем» проекте от Уляницкого.

Яшунский был в восторге и потирал руки. Стало уже темно. Зажигая лампу, министр игриво улыбнулся:

– Ну, дорогой пан Дызма, не могу, откровенно говоря, назвать вас златоустом, но голова у вас на месте. Стало быть, всё в порядке. Имейте в виду – строжайшая тайна! На время. Потому что еще много предстоит поработать. Ясь подготовит проект закона, это пойдет в экономический комитет кабинета министров, а я завтра поговорю с премьером. Единственная трудность, которую я предвижу, это вопрос со складами. О постройке новых не может быть и речи. Кредитов мы не получим. Впрочем, главная трудность даже не в этом. Во всяком случае, пан Никодим, реализация вашего замечательного проекта без вас не обойдется, можете быть уверены.

– Разумеется, – прогудел бас Уляницкого.

– Вы не откажетесь сотрудничать с правительством? Можно на вас рассчитывать?

Дызма почесал затылок:

– Почему же, можно...

– Благодарю вас от всего сердца. С моей точки зрения, главное – это кто занят тем или иным делом. Вопрос личности!

Яшунский запер ящики письменного стола. Уляницкий позвонил швейцару.

Никодиму пришлось в голову, что настал подходящий момент исполнить просьбу Куницкого.

– Пан министр, – начал он, – и у меня есть свои заботы.

– Да? К вашим услугам. – И министр с любопытством глянул на Дызму.

– Вот в чем дело... В гродненской дирекции казенных лесов сидит некто Ольшевский. Этот Ольшевский всё время делает пакости коборовской лесопильне... Он ненавидит Куницкого и поэтому всё уменьшает этот... ну, как его... контингент дерева из казенных лесов...

– Правда, – прервал его министр, – припоминаю: были даже какие-то жалобы. Этот Куницкий, вероятно, весьма оригинальная личность. Вас с ним что-нибудь связывает?

– Боже упаси, только дела...

– Никодим – его сосед и уполномоченный жены Куницкого, с которой тот в ссоре, – пояснил Уляницкий.

– Пан Никодим, я буду откровенен, – ответил министр, – мне не хотелось бы отменять распоряжений Ольшевского. Куницкий слывет канальей и мошенником. Но я верю вам безоговорочно. Действительно ли увеличение контингента дерева послужит казне на пользу? Да или нет?

– Да, – и Дызма кивнул головой.

– Верно ли, что Ольшевский без оснований чинит помехи лесопильням пани Куницкой?

– Без оснований.

– Решено. Я считаю, что искусство управления заключается в умении принимать быстрые решения.

Яшунский вынул визитную карточку, написал на ней что-то и, вручив ее Дызме, улыбнулся.

– Пожалуйста! Вот записка Ольшевскому. Независимо от этого я велю завтра утром послать ему соответствующую телефонограмму. Вы когда возвращаетесь в деревню?

– Послезавтра.

– Жаль. Но не буду задерживать. Ждите от меня вестей. Ясь, у тебя есть адрес пана Дызмы?

– Есть. Впрочем, завтра мы встретимся с ним на бридже у пани Пшеленек. Никодим тоже там бывает.

– Прекрасно. Еще раз благодарю, желаю счастливого пути.

И он протянул Никодиму обе руки. Все надели пальто и вышли на улицу. Уляницкий хотел было поужинать с Дызмой, но министр воспротивился.

– Опять напьешься, а момент серьезный – нельзя позволять себе никаких штучек.

Они расстались, выйдя на Краковское предместье, и Никодим отправился в гостиницу. По дороге он остановился у одной из освещенных витрин, вынул из кармана записку министра и прочитал:

«Директору Ольшевскому. Гродно.

Прошу немедленно разрешить в благоприятном смысле претензию Никодима Дызмы по делу коборовского лесопильного завода.

Яшунский».

Никодим старательно спрятал записку в бумажник.

– Ишь ты холера! – сказал он громко.

В этом возгласе прозвучало и удовлетворение, и удивление, и больше всего восхищение самим собой.

Дызма почувствовал почву под ногами. Эти люди из чужой, недостижимой, казалось бы, для него среды нашли что-то в нем, в Дызме... Кто знает, может быть, они и правы...

Да, Дызма был доволен собой.

В гостинице его ждал сюрприз: узкий светло-серый конверт, адресованный на его имя. Из конверта пахло знакомыми духами. Лист почтовой бумаги был убористо исписан изящным ровным почерком, внизу подпись: Нина Куницкая.

Никодим улыбнулся:

– Смотри-ка! Что ж она такое пишет?

Он зажег лампочку у кровати, скинул ботинки и, улегшись поудобнее, стал читать:

«Уважаемый пан Никодим!

Вас удивит мое письмо, а может быть, еще больше – моя просьба. Если я и смею к Вам обращаться, то лишь потому, что проявленное Вами расположение позволяет мне надеяться, что Вы на меня не рассердитесь.

Речь идет о небольшой покупке: мне не удалось достать в Гродно хороших теннисных мячей. Я была бы Вам признательна, если б Вы купили дюжину мячей в Варшаве.

Я могла бы, правда, написать в магазин, но мне хочется, чтоб Вы выбрали сами. Может быть, не стоило отнимать у Вас время, ведь оно имеет особую цену для Вас, пока Вы в Варшаве, где так много дел и развлечений – театры и приемы, ну, и... красивые женщины, которые, как мне нескромно проболталась Кася, так любят посылать кавалерам цветы. В Коборове нет красивых женщин, но цветы красивее, чем в Варшаве...

Когда Вы вернетесь?

Собственно, я злоупотребляю словом «вернетесь». Ведь вернуться можно только к тому, кого считают своим, близким; вернуться можно к чему-то, с чем связывает нас жизнь или чувство...

Коборово сегодня печальное и серое. Вот уже несколько дней как оно кажется мне таким. Да ведь Вы знаете, как я его люблю и как должна бы его ненавидеть. Прошу Вас, не ставьте мне в вину того грустного диссонанса, который я вношу в веселую гармонию Вашего настроения. Что ж, признаюсь: мне недостает Вашего общества, я так одинока.

Коборово ждет Вашего возвращения, пан Никодим, – извините, я снова употребила это слово, – ждет Вашего приезда.

Нина Куницкая»

Дызма дважды перечитал письмо, понюхал конверт и подумал: «Понравился я ей... Что ж, молода еще, а муж старый. Может, воспользоваться?»

Но тут его стали мучить сомнения: не вышвырнет ли его Куницкий вон, как только заподозрит что-то неладное. Однако ему в ту же минуту пришло в голову, что теперь положение резко изменилось.

«Попробуй только, старый хрыч! Теперь я могу взять тебя, за глотку! Известно ли тебе, с кем дело имеешь? С другом министра! Понятно?»

Никодим поднялся с постели и в одних носках подошел к зеркалу. Он зажег все лампы и встал, подбоченясь и закинув голову. Он долго разглядывал себя, пока не пришел к убеждению, что долгое время сам недооценивал своей красоты.

«Смотрит человек на себя с детства, привыкает, а как привыкнешь, так уж и кажется, будто нет ничего особенного...»

Весь вечер не покидало его прекрасное настроение. Он сходил в кино, поужинал в баре. Потом спал до полудня. После завтрака прошелся по магазинам, купил заодно теннисные мячи для Нины. После обильного обеда дремал до самых сумерек. Разбудил его шофер: пора было натягивать фрак. Город сверкал уже тысячами ламп, поблескивал красными змеями неоновых реклам.

На углу Маршалковской и Хмельной пришлось остановиться. Полицейский пропустил вереницу автомобилей и извозчиков с поперечной улицы. Никодим машинально стал рассматривать пешеходов и подумал, как хорошо восседать на мягких подушках шикарного автомобиля и как плохо толкаться на тротуаре.

Вдруг он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Маршалковская в этом месте была освещена слабо, и он разглядел ее не сразу.

Манька!

Никодим весь съезжился. Втянул голову в плечи так, что нижняя часть лица скрылась под воротником пальто. Но было поздно.

Работая локтями, Манька добралась до края тротуара. Вот она уже так близко, что может схватить его за руку. Однако Манька не осмелилась... Сдавленным голосом она пробормотала:

– Никодим! Не узнаешь?

Притворяться больше было нельзя. Никодим боялся, что разыграется сцена, что шофер заметит девушку в платке. И решил прибегнуть к хитрости; он повернулся к ней и, приложив палец к губам, пробормотал:

– Тсс... Приду завтра...

Девушка понимающе кивнула и спросила шепотом:

– Во сколько?

Но ответа так и не дождалась. Жезл полицейского сделал новое движение, и автомобиль рванулся в свободное пространство.

Манька наклонилась вперед и долго стояла так, провожая глазами автомобиль.

«Черт побери! – подумал Дызма. – Смеет еще заговаривать. Образина! Думает, наверно, что я и автомобиль украл».

Он засмеялся про себя, однако решил, что будет избегать по вечерам Маршалковской. Зачем нарываться на неприятную встречу, да еще портить себе настроение воспоминаниями?

Квартиру Пшеленской Дызма видел в третий раз, и каждый раз она производила на него иное впечатление. Сегодня все двери настежь, отовсюду потоки света. В двух–трех комнатах расставлены обтянутые новеньким зеленым сукном карточные столы, покрытые белой скатертью столики с подносами, уставленными пирожными и бутербродами.

Гости еще не собрались. Дызма обошел несколько комнат, сел в гостиную на диван. Из другого конца квартиры до него донеслись отголоски ссоры, которая, видимо, нарастала, так как голоса становились всё громче.

– Так не дашь? Не дашь? – орал мужчина. В ответ ему что-то долго говорила женщина.

Но Никодиму удалось уловить одни только бранные слова, которые произносились с особенным ударением:

– Бездельник... Такого дармоеда... Это шантаж!.. Неблагодарный!

– Последнее слово!.. – загремел мужской голос. – Дашь двести?

– Не дам!

В передней раздался звонок. Ссора утихла, через минуту в гостиную вошла с улыбкой пани Пшеленская. За ней следовал с любезной миной Кшепицкий. Со стороны передней появился старичок с огромной лысиной.

Знакомя между собой гостей, Пшеленская стала жаловаться на непунктуальность теперешних мужчин. Старичок, которого величали профессором, был глуховат, и даже изрядно, потому что хозяйке пришлось повторить свое замечание о непунктуальности раза четыре, и каждый раз профессор переспрашивал:

– Извините, что, что?

Пшеленская была уже в отчаянии, когда на выручку ей пришел Кшепицкий. Он выступил вперед и сказал с улыбкой: Тара-гара бум-цык-цык, старый дурак!

Старичок кивнул головой и сказал убежденно:

– Да, да, вечера уже холодны.

Дызма расхохотался. Ему безумно понравилась шутка Кшепицкого, и, пользуясь тем, что пани Пшеленская вышла встречать новых гостей, он предложил:

– Постойте, я ему тоже что-нибудь скажу.

– Только не слишком громко! – предупредил Кшепицкий.

Никодим обратился к профессору:

– Пес тебе морду лизал, лысое чучело!

– Извините, что, что?

– Лизал!

– Извините, не расслышал. Что, что?

Дызму трясло от смеха. Старик начал уже подозревать неладное. Положение спас Кшепицкий: он рявкнул профессору прямо в ухо:

– Он хотел вам рассказать свежий анекдотец!

– А, слушаю, слушаю.

Меж тем в гостиную вошло еще несколько человек, не успели они со всеми раскланяться, как в дверях появился полковник Вареда. Это избавило Дызму от анекдота.

– Здравствуй, Никусь! Тебя ли я вижу! – воскликнул полковник.

– Как живешь, Вацусь?

– Ну, как? Устроил свои дела у Яшунского?

– Спасибо, всё в порядке.

Гостиная и смежные комнаты наполнились гостями. Пришли почти одни мужчины, было только пять–шесть пожилых дам. Кое-кто сел уже играть в бридж.

Пока Никодим болтал с Варедой, явился Уляницкий. Оказалось, что, несмотря на меры предосторожности, принятые министром, полковник был тоже осведомлен о проекте Дызмы, и Уляницкий стал без стеснения рассказывать о деле, которое, по его словам, двигалось полным ходом. Вареда поздравил Никодима и пожелал ему успешно осуществить свой грандиозный проект.

Подошла пани Пшеленская и осведомилась, не сыграют ли они в бридж. Вареда и Уляницкий охотно согласились.

Поскольку все партии были уже составлены, хозяйка дома предложила себя в партнеры. Дызма играть не умел, и четвертым пригласили какого-то худощавого господина: как выяснил Дызма впоследствии, это был один из высших чинов полиции.

Сперва Никодим наблюдал за игрой, потом это ему наскучило, и он подошел к не участвовавшим в игре мужчинам, среди которых заметил Кшепицкого.

Едва Дызма удалился, полицейский спросил Пшеленскую:

– Кто такой этот пан Дызма?

– Пан Дызма? – удивилась она. – Разве вы его не знаете?

– К сожалению...

– Как? – спросил Уляницкий. – Вы не помните инцидент с Терковским?

– Ах, так. Понятно.

– Пан Дызма, – вставила пани Пшеленская, – очень порядочный человек. Он учился вместе с моим племянником Жоржем Понимирским в Оксфордском университете. С тех пор они в дружбе.

– Помещик?

– Да. Родом из Курляндии. В настоящее время – управляющий в имении моей племянницы.

– Никодим – золотая голова! – отозвался Уляницкий. – Яшунский сказал, что он пойдет дальше, чем мы все полагаем.

– Малый что надо! – добавил Вареда.

– Очень симпатичный человек! – заверила хозяйка дома.

– Действительно, – с убеждением произнес полицейский чин, – он производит солидное впечатление.

– Две трефы, – объявил Уляницкий, поднимая кусты своих бровей.

– Тогда мы скажем: три трефы, – вставила игравшая в паре с Уляницким пани Пшеленская.

Дызма скучал. В глубине души он дивился людям, которых занимала игра. Он съел уже немало бутербродов, пирожных, выпил несколько рюмок коньяку. Среди тех, кто не принимал участия в игре, разговор шел о международной политике, о скачках. К обеим темам Дызма был совершенно равнодушен. Он стал подумывать, как бы уйти. Решив воспользоваться моментом, когда хозяйка встала на минуту из-за стола, он догнал ее в передней и заявил:

– Извините, я должен уйти.

– Как жаль! Это действительно необходимо?

– Да, завтра я уезжаю очень рано, надо выспаться.

– Мне так хотелось бы обстоятельно поговорить с вами об этом деле...

– Еще ничего не потеряно: скоро я буду опять в Варшаве.

В действительности Дызма и не думал ложиться. Он отпустил шофера, велел ему подать машину в семь утра и быть готовым к поездке в Коборово. Никодим пошел пешком.

Близилась полночь, и улицы опустели. Изредка навстречу попадались запоздалые пешеходы. Оживление царило только на Новом свете, где было множество женщин, о профессии которых можно было без труда догадаться по их повадкам.

Дызма долго присматривался, пока не выбрал одну рослую брюнетку. Они быстро договорились.

Брезжил рассвет, когда Никодим вернулся в гостиницу. Он вспомнил Маньку и пожалел, что провел ночь не с нею.

Небо было покрыто свинцовыми тучами. Около семи пошел дождь.

Дызма расплатился по счету. Подъехал автомобиль с поднятым верхом, и Дызма, проклиная погоду, забился в угол машины.

Ехал он в Гродно. Он хотел явиться в Коборово уже с результатами, чтобы тем самым поразить Куницкого эффектом, которым, в сущности, и сам был озадачен. Никодим отлично сознавал, что добился помощи министра благодаря удачному пересказу изложенного Куницким проекта. Стоило только подытожить факты, как без труда напрашивался сам собой вывод: весьма выгодно бывает повторять чужие мысли, выдавая их за свои.

Дызма решил шире применять этот метод, соблюдая, разумеется, необходимую осторожность. Его радовала возможность возвращаться в недоступном ему до сих пор светском

обществе. Теперь он начал верить, что приживется там. Он не сомневался, что Куницкий не только не захочет отделаться от него, но будет и руками и ногами держаться за такого управляющего.

«Тут-то можно будет пожить. Ему, мерзавцу, придется увеличить мне жалованье».

Никодим потерял руки. Он чувствовал, что в его жизни открылась новая страница. Кем она написана и зачем – это его не интересовало. Из разговора с Яшунским он знал, что его, Дызму, не обойдут при реализации хлебного проекта. Он не представлял себе, что имел в виду министр, и готов был думать, что за проект ему дадут премию. Начальник почтовой конторы в Лыскове, пан Бочек, рассказывал как-то, что один из чиновников окружной дирекции почт получил в награду тысячу злотых за изобретение нового способа штемпелевания писем. А ему дадут, пожалуй, больше, потому что хлеб – это вам не письма!

Воспоминание о пане Бочке и о Лыскове вызвало улыбку у Никодима.

«Что бы они сказали, если б узнали, какое я теперь получаю жалованье и с какими особами на ты?! Обалдели бы! Шантрапа!»

Министры, графы... Такая дама, как пани Пшеленская, пригласила его на обед...

Впрочем, это его не радовало. Его мучила мысль, что он зря впутался в дело Понимирского, из которого не выйдет ровно ничего, одни неприятности, если об этом вдруг узнает Куницкий. Пройдоха! Он так богат, что найдет способ отомстить Дызме.

Единственный выход – сказать Понимирскому, что тетка и слышать ни о чем не хочет, а на долге поставила крест.

Этим размышлениям Дызма предавался всю дорогу до Гродно.

Хорошо знавший город шофер сразу нашел кирпичный, похожий на казарму дом, где помещалась дирекция лесов.

Был уже пятый час вечера, и в конторе Дызма застал только дежурного чиновника.

– Я к пану Ольшевскому. Он здесь?

– Нет. Приходите в приемное время, – сухо ответил дежурный.

Тогда Дызма повысил голос:

– Это для вас, молодой человек, существуют присутственные часы – не для меня. И вообще, прошу повежливей, вы еще не знаете, с кем говорите.

– Разве я невежлив? – стал защищаться чиновник. – Откуда мне знать, с кем говорю? Ведь вы даже не назвали своего имени.

– Но, но, без фамильярностей. Дуйте к своему пану Ольшевскому и доложите, что приехал пан Дызма с поручением от министра. Пусть сию же минуту придет, мне некогда.

Не переставая отвешивать поклоны, перепуганный чиновник сообщил Дызме, что не имеет права отлучиться, но может позвонить директору на квартиру.

Он проводил Никодима в кабинет начальника и ничуть не удивился, когда заносчивый посетитель расселся в кресле за директорским столом.

Не прошло и четверти часа, как явился Ольшевский. По-видимому, он только что проснулся. Ольшевский нервничал: на квадратном лице подрагивали мускулы, рот вежливо улыбался, небольшие рыжеватые усики вытянулись в почтительную ниточку. То, что посетитель занял его кресло, обескуражило директора. Но он старался не подавать вида.

– Ольшевский! Очень рад, что...

– Не знаю, рады вы или нет, – ответил Дызма, слегка поднимаясь и протягивая руку.

– Дызма!

– Разумеется, рад... Как раз сегодня утром я получил телефонограмму из министерства.

– Благодарите бога, что не получили отставку.

– Но, пан Дызма, – взволнованно запротестовал Ольшевский, – я этого не заслужил. Я всегда неукоснительно выполнял все уставы, все распоряжения. Никогда ни на буквочку не отступил...

– Ну и что? – с насмешкой спросил Дызма. – Иногда вам эта буквочка велит продавать отечественным фирмам сучки да палки, а остальное за бесценок спускать за границу.

Ссылаясь на даты и параграфы, которые сыпались из его рта, как из рога изобилия, чиновник стал оправдываться. Тогда Дызма вынул записную книжку, где добрая половина страниц была исписана наставлениями Куницкого, и повел на него атаку. Он бурей обрушился на Ольшевского за волокиту; когда тот стал извиняться, объясняя, как трудно иногда принять решение, Никодим без запинки повторил афоризм Яшунского:

– Искусство управления – это умение быстро принять решение, дорогой мой!

Он достал визитную карточку Яшунского и сунул ее чиновнику. Трясущимися руками тот долго искал пенсне, нашел, прочел и стал еще покорнее.

Он стал заверять Дызму в своей опытности, сказав, что всегда придерживался буквы закона, что у него жена и четверо детей, что служащие конторы никуда не годятся, что предписания часто противоречат друг другу и поэтому ему ничего не остается, как выполнять их по-разному, что пан Куницкий сам обострил положение, но что сейчас он не видит препятствий, чтобы отпустить ему новые партии древесины.

Кончилось тем, что в кабинет явилась специально вызванная машинистка, и они приступили к оформлению документов, придерживаясь при этом «буквы» последних указаний Куницкого.

Когда они кончили, стемнело, и Ольшевский пригласил Дызму на обед. Тот, однако, решил, что лучше не расставаться с ореолом друга министра, поблагодарил и отказался. Потрепав чиновника по плечу, он сказал на прощание:

– Ну, всё в порядке. Советую не затевать со мной историй, потому что это для вас, милый мой, добром не кончится.

Глава 8

Ссора началась с того, что Нина надела вечернее платье и дольше обычного укладывала перед зеркалом волосы. Это не ускользнуло от наблюдательной Каси.

– Жаль, что ты не надела бального туалета, – сказала она как бы ненароком.

– Кася!

– Что?

– Твоя язвительность неуместна.

– Для чего ты переделалась?

– Переделалась без всякого повода. Просто так. Давно не надевала этого платья.

– Ты отлично знаешь, – крикнула Кася, – что оно тебе очень идет!

– Знаю, – улыбнулась Нина и окинула Касю томным взглядом.

– Нина!

Нина всё улыбалась.

– Нина! Брось! – Кася отшвырнула книжку, которую только что читала, и принялась ходить по комнате. Потом она встала перед Ниной и со злостью выпалила:

– Я презираю – понимаешь? – презираю тех женщин, которые для того, чтобы понравиться мужчине, строят из себя... – она искала сильного слова, – строят из себя кокеток, – выпалила наконец Кася.

Нина побледнела.

– Кася, ты меня оскорбляешь!

– Женщина, которая старается понравиться мужчине, производит на меня впечатление – прости за слово, но я буду откровенной, – впечатление суки... да, суки!

У Нины на глазах выступили слезы. С минуту смотрела она на Касю широко раскрытыми глазами, затем охватила голову руками и расплакалась. От рыданий судорожно вздымались лопатки, кожа на шее покраснела.

Кася сжала кулаки, но она была слишком возмущена, чтобы сдерживаться.

– Может, ты будешь отрицать, что сегодня с полудня, когда пришла телеграмма, у тебя переменялось настроение? Может, будешь отрицать, что переделалась ради Дызмы? Будешь отрицать, что уже целый час кривляешься перед зеркалом, чтобы его о-ча-ро-вать?

– Боже мой, боже мой! – рыдая, говорила Нина.

– Мне это противно, понимаешь?

Нина вскочила. Во влажных от слез глазах вспыхнул бунт.

– Ну и пусть, ну и пусть! – сказала она свистящим шепотом. – Верно! Ты права! Я хочу его очаровать! Понравиться ему!.. Тебе это противно... Ты только подумай, может быть, мы с тобой еще противнее?

Кася подбоченилась и расхохоталась:

– Тоже предмет нашла!

Она думала, что уничтожит Нину своей иронией, но та вызывающе подняла голову:

– Да, нашла!

– Он же грубая скотина! – гневно бросила Кася. – Олицетворение «грядущего хама»... Горилла!

– Да! да! Ну и что из этого? – принялась кричать раскрасневшаяся, возбужденная Нина. – Он груб? Пусть. Это тип современного мужчины! Это сильный человек! Победитель! Завоеватель жизни!.. Зачем ты мне постоянно внушаешь, что я стопроцентная женщина? Я поверила тебе, и теперь, когда я встретила на своем пути стопроцентного мужчину...

– Самца, – прошипела Кася.

Нина закусила губу и сдержала дыхание.

– Как ты сказала?.. Хорошо. Самца, самца... А я разве не самка?

– Самка хама.

– Неправда! Пан Никодим не хам. У меня достаточно доказательств его чуткости. Если он и бывает резок, то делает это сознательно. Это его стиль. Это я должна жалеть тебя, раз природа тебя обидела и ты не в состоянии почувствовать электризирующее действие этой прекрасной силы, этой власти примитивной мужественности... Да, первобытной... упрощенной природы...

– Ты что-то легко отказываешься от культурных запросов.

– Лжешь, лжешь, нарочно лжешь: сама говорила, что высшее достижение культуры в том, чтобы слиться с природой...

– К чему эти фразы? – с холодной иронией прервала ее Кася. – Скажи просто, что хочешь залучить его к себе в постель, что дрожишь от нетерпения отдать ему свое тело...

Она хотела продолжать, но смолкла, увидев, что Нина прижала к лицу платок и снова расплакалась.

– Какая же ты... бессердечная... какая... бессердечная! – повторяла, рыдая, Нина.

В глазах у Каси зажглись огоньки.

– Я? Бессердечная? И это говоришь мне ты, Нина? Нина!

– Мне осталось только самоубийство... Боже мой, боже мой, как я одинока!..

Кася налила в стакан воды и подала его Нине:

– Выпей, Нина, тебе надо успокоиться, выпей же, дорогая!

– Нет, не хочу, не хочу... Оставь, оставь меня...

– Выпей, Нина.

– Не хочу, уйди, уйди, у тебя нет жалости...

По рукам Нины, между пальцами, текли слезы. Кася, обняв ее, шептала нежные слова. Вдруг Нина вздрогнула. Вдалеке послышался гудок автомобиля.

Через минуту свет от фар яркой полосой ворвался в полумрак комнаты.

– Не плачь, Нина, у тебя будут красные глаза.

– Всё равно не пойду ужинать, – сказала Нина и снова зарыдала.

Кася осыпала поцелуями ее мокрые щеки, глаза, подрагивающие губы, волосы.

– Не плачь, не плачь, Ниночка, я злая, грубая, прости меня, милая...

Она сжала Нину в объятиях, словно силой хотела погасить судороги рыданий.

– Ниночка, дорогая моя Ниночка!

В дверях появилась горничная и доложила, что ужин подан.

– Скажи хозяину, что у хозяйки болит голова... Мы не выйдем к ужину...

Когда горничная ушла, Нина стала уговаривать Касю оставить ее одну и идти вниз, но Кася не хотела об этом и слышать. Нина, всё еще всхлипывая, отирала глаза, когда в дверь снова постучали.

В комнату вбежал Куницкий. Он весь сиял, размахивал руками.

– Идите, идите, – прошепелявил он, – приехал Дызма. Вам и не снилось, с какими результатами он явился! Золотой человек! Он сделал всё, что я хотел! Идите! Я просил его подождать, не рассказывать, пока вы не придете.

В своем увлечения он только сейчас заметил, что произошла ссора.

– Что случилось? Идите же! Оставьте свои...

Он хотел добавить еще что-то, но Кася вскочила и крикнула, указав на дверь:

– Уходи вон!

– Но...

– Уходи сейчас же вон!

Куницкий оцепенел. В маленьких глазках сверкнула ненависть. Грубо выругавшись, он хлопнул дверью и выбежал из комнаты. Поджидавший его в вестибюле Никодим подскочил на диване.

– Что случилось? – спросил он у лакея.

Тот многозначительно улыбнулся и объяснил:

– Вероятно, дочка выставила ясновельможного пана за дверь.

Последние слова лакей договорил шепотом, потому что на лестнице показался Куницкий. Лицо его уже просветлело.

– Какая досада, дорогой пан Никодим! Представьте себе, у жены сильная мигрень, она не сможет выйти к ужину, а Кася не хочет оставлять бедняжку одну. Ничего не поделаешь – хе-хе-хе, – придется нам ужинать без дам.

Он взял Дызму под руку, и они отправились в столовую, где прислуга успела уже убрать два ненужных прибора.

Тут Куницкий принялся в деталях выспрашивать Дызму о его хлопотах в Варшаве и в Гродно. После каждого ответа он подскакивал на стуле, хлопал себя руками по бедрам, осыпая Никодима градом восторженных похвал.

– Знаете, дорогой пан Никодим, – воскликнул он наконец, – это повысит доход Коборова на целых сто – сто сорок тысяч в год. Это означает, что, согласно нашему договору, ваша тантьема перевалила за сорок тысяч в год. Каково? – Окупились хлопоты?

– Пожалуй, да.

– То есть как «пожалуй»?

– У меня были большие расходы, очень большие. Я рассчитывал, что оклад будет увеличен.

– Ладно, – сухо ответил Куницкий, – добавлю пятьсот. Будет ровным счетом три тысячи.

Дызма хотел было сказать спасибо, но, заметив, что Куницкий смотрит на него с беспокойством, покачался на стуле и сказал:

– Этого мало. Три пятьсот.

– Не будет ли слишком?

– Слишком? Вы полагаете? Ну, если для вас три пятьсот слишком, тогда четыре!

Куницкий съежился и хотел было обратить всё в шутку, но Дызма повторил:

– Четыре!

Прикрыв свое отступление комплиментами по поводу умения Дызмы устраивать сложные дела, Куницкий вынужден был наконец согласиться.

– Соглашаюсь тем охотнее, что счастливое начало сулит и счастливое завершение.

– То есть как? – удивился Дызма. – Ведь дело закончено?

– Дело поставки леса. Но я полагаю, пан Никодим, что вам пригодилась бы тантьема в сто – сто пятьдесят тысяч злотых? А?

– Ну?

– Есть для этого средство, вернее говоря, есть для этого средство у вас.

– У меня?

– Разумеется, у вас, дорогой пан Никодим. Правда, это будет стоить стараний и хлопот. Нет ли у вас связей в министерстве путей сообщения?

– Путь сообщения? Гм... Нашлись бы.

– Ну вот, – обрадовался Куницкий. – Не можете ли там получить подряд на большую партию шпал?.. А? Это настоящее дело. Можно заработать!

– Вы уже зарабатывали на шпалах, – сказал Дызма.

Куницкий смутился.

– Ах, вы об этом процессе? Ручаюсь вам, всё было подстроено. От врагов не убережешься... Подстроено! Судьи вынуждены были оправдать меня. У меня в руках были неопровержимые доказательства.

Куницкий пристально следил за Дызмой, но Дызма молчал, и это его беспокоило.

– Вы полагаете, этот процесс может помешать в получении поставок?

– Во всяком случае, не поможет.

– Но вы сумеете хоть что-нибудь сделать? А? Имейте в виду, у меня под рукой документы: в случае надобности я могу вторично доказать...

Долго еще Куницкий распространялся о подробностях этого дела, приводил отрывки из своей речи на суде.

Близилась уже полночь, когда он заметил, что его собеседник клюет носом.

– Вы устали. Пора спать! Очень прошу вас, дорогой пан Никодим, не переутомляйтесь. Конечно, я буду вам благодарен, если вы станете приглядывать за хозяйством: ум хорошо, а два лучше, – но пока я, слава богу, здоров и не вижу нужды перегружать вас работой. Отдыхайте и будьте как дома.

– Спасибо, – сказал Дызма позевывая.

– И еще одно. Если у вас будет желание и время, займитесь, пожалуйста, моими дамами. Кася еще ездит верхом и немножко увлекается спортом, а жена, бедняжка, томится от скуки. Нет общества, оттого и мигрень и меланхолия. Согласитесь сами: бесконечное общение с Касей должно плохо влиять на ее нервную систему. Поэтому я буду вам очень благодарен, если вы уделите им хоть немного времени.

Дызма пообещал развлекать Нину и, ложась в постель, подумал:

«Старый пройдоха – и такая наивность. Женщина и так влюблена в меня, а он со своими предложениями».

Облокотясь на подушки, Дызма сел в постели, вынул из бумажника деньги, наскоро пересчитал; потом на листке бумаги стал вычислять, насколько велик будет его доход. Задумался, какова будет танъема. Вдруг в соседней комнате послышались осторожные шаги. Кто-то шел ощупью впотьмах, зацепляя стулья. Был уже второй час. Заинтересовавшись, Никодим хотел было встать и заглянуть в соседнюю комнату, как вдруг ночной пришелец остановился возле его двери, ручка дрогнула, и дверь медленно стала открываться.

На пороге появилась Кася.

Дызма протер глаза и от удивления разинул рот.

Она была в черной шелковой пижаме с красными отворотами. Из-под опущенных ресниц Кася взглянула на Никодима. Бесшумно затворив дверь, приблизилась к постели. Не уловив и тени смущения, Дызма с возрастающим изумлением глядел на Касю.

– Не помешала? – спросила Кася с независимым видом.

– Мне?.. Да что вы... Нисколько.

– У меня нет папирос, – небрежно бросила она.

– А я думал...

– Что вы думали? – с вызовом спросила Кася.

Никодим смутился.

– Я думал, что... что у вас ко мне какое-нибудь дело.

Закурив, Кася кивнула.

– Есть и дело.

Кася придвинула стул и села, закинув ногу на ногу. Между красной атласной туфелькой и манжетой брюк показалась обтянутая смуглой кожей тоненькая косточка. Никодим ни разу не видел женщины в брюках, и теперь вид Каси казался ему верхом неприличия. Молчание прервал низкий, глубокий альт Каси:

– Я хочу поговорить с вами по-деловому. Какие у вас намерения насчет Нины?

– У меня?

– Не пытайтесь отделаться отговорками. Я считаю, что вы должны ясно и по-мужски ответить на мой вопрос. Ведь вы не станете отрицать, что добиваетесь ее симпатии. С какой целью?

Дызма пожал плечами.

– Я думаю, вы не обольщаете себя надеждой, что ради вас она бросит мужа. Если вы ей приглянулись, то это еще ни о чем не говорит.

– Откуда вы знаете, что приглянулся? – спросил, заинтересовавшись, Никодим.

– Неважно. Я пришла узнать, имею ли я дело с джентльменом или с человеком, который способен воспользоваться слабостью честной женщины и честной жены. Я сочла бы вас негодяем, если бы вы сделали Нину своей любовницей.

Кася была возбуждена, голос дошел почти до хрипа. В глазах разгорелось темное пламя.

– Чего вы ко мне пристали!? – ответил Никодим с возрастающим раздражением. – Разве я сую нос в ваши дела?

– Ах, вот как? Должна я это рассматривать как уведомление о свинстве, которое вы намерены совершить? С каким удовольствием отхлестала бы я вас арапником по вашей квадратной роже!

– Что? – рявкнул Дызма. – Кого? Меня?

– Вас! Вас! – зашипела с ненавистью Кася, сжимая маленькие кулачки.

Дызма разозлился. Что вообразила эта сопливая девчонка! Явилась ночью и...

Внезапно Кася вскочила, схватила его за руку.

– Не трогайте ее! Вы слышите! Не смейте ее трогать!

Губы Каси дрожали. Никодим выдернул свою руку.

– Сделаю как хочу! Понятно? Слушать вас не желаю!

Кася закусил губу и отошла к окну.

– Видали... – бросил ей вслед Дызма.

Он никак не мог понять ситуацию. Правда, его самолюбие приятно щекотало известие о том, что Нина им увлечена, но он не мог понять, почему это до такой степени возмущает Касю, почему она явилась к нему ночью, вместо того чтобы поделиться своими подозрениями с отцом. Он знал, что Кася ненавидит Куницкого, но почему же тогда она с таким рвением заботится о супружеской верности своей мачехи? У важных бар всегда всё вверх тормашками...

Тем временем Кася снова повернулась к нему, и Никодим опять удивился: она кокетливо ему улыбнулась.

– Вы на меня сердитесь? – явно заигрывая, спросила Кася. – Очень сердитесь?

– Конечно, очень.

– Но ведь вы не выгоните меня отсюда? Можно присесть?

– Пора спать, – угрюмо буркнул Никодим.

Кася весело рассмеялась и села на край постели.

– Вы всегда проводите ночи так добродетельно? В одиночестве?

Никодим посмотрел на нее с изумлением. Вот она слегка наклонилась к нему. Раздвинулись темно-вишневые губы, обнажая белоснежные зубы, беспокойно вибрировали ноздри, румянец окрасил потемневшую от загара нежную кожу. Такой привлекательной Никодим до сих пор еще не видел Касю. Только глаза не изменили своего выражения. Холодно и испытующе смотрели они на Никодима из-под тонкой арки сросшихся бровей.

– Вы, наверное, тоскуете по Варшаве, где ночи не обрекают мужчину на одиночество так, как здесь, в Коборове. О, я понимаю вас...

– Что понимаете? – неуверенно спросил Никодим.

– Понимаю, почему вы хотите вскружить Нине голову.

– Я совсем этого не хочу, – честно признался Никодим.

Кася рассмеялась и вдруг, наклонив голову, скользнула щекой по его губам.

«Вот какое дело! – подумал Дызма. – Это она из ревности! И эта в меня влюбилась!»

– Пан Никодим, – игриво начала Кася, – я понимаю, вам и здесь нужна женщина, но почему именно Нина? Разве я вам совсем не нравлюсь?

Одеяло было тонкое, и через него Никодим явственно ощущал тепло ее тела.

– Почему же, и вы мне нравитесь...

– Я моложе Нины... И не хуже ее. Посмотрите-ка! Она вскочила и подбежала к выключателю. Спальню залили потоки света.

– Посмотрите-ка, посмотрите...

Двумя–тремя быстрыми движениями она растегнула пижаму. Черный шелк легко скользнул по стройному телу и упал на пол.

Никодим обалдел вконец. Вытаращив глаза, глядел он на эту странную девушку, которая с таким бесстыдством стояла перед ним совсем нагая. Она была так близко, что он мог рукой дотронуться до ее смуглого тела.

– Ну что? Что? Нравлюсь я вам?

Кася негромко рассмеялась.

Разинув рот, Никодим замер на постели.

– Я хорошенькая. – Кася кокетливо закинула головку. – Может быть, вас интересует, гладкая ли у меня кожа, крепкие ли мускулы? Не стесняйтесь!..

Не переставая смеяться, Кася приблизилась к краю постели.

– Ну!

В ее смехе было что-то пугающее. Никодим сидел не шевелясь.

– Может, вы думаете, я развратна?.. А? Нет, очаровательный пан Никодим, заверяю вас – я сохранила девственность, в чем вы можете убедиться, если я вам больше по вкусу, чем Нина... Ну!.. Смелее!..

Она встала коленями на постель и прижала голову Никодима к грудям. Он почувствовал на лице их холодное упругое прикосновение, в ноздри ударил запах молодого тела, такой острый, возбуждающий, такой дурманящий.

– Ну!..

– Черт побери! – процедил сквозь стиснутые зубы Дызма, сжимая Касю в объятьях.

Кася почувствовала на лице горячее дыхание. Обрамленные жесткой щетиной губы стали настойчиво искать ее губ. Руки Каси коснулись потной волосатой шкуры. От омерзения сдавило горло.

– Пусти, пусти, пусти меня... Мне противно! Уйди!

Гибкое тело отчаянными рывками старалось вырваться из грубых лап.

Напрасно.

Теперь Кася поняла, что переоценила свою любовь к Нине, поняла, что ей не под силу эта жертва, что лучше смерть, чем эти объятия.

Поняла, но поздно.

Когда она трясущимися руками застегивала пижаму, Никодим сказал смеясь:

– Девка ты что надо.

Кася бросила на него взгляд, исполненный ненависти и презрения, но он не понял и добавил:

– Хорошо было, а?

– Скотина! – выругалась сквозь стиснутые зубы Кася и выбежала из комнаты.

Теперь Дызма тем более не мог понять, что надо было этой девушке. Сама пришла, сама захотела, а потом...

Долго он не мог заснуть. Размышляя обо всем этом, пришел к выводу, что Кася испытывает к нему отвращение всерьез и что романа с ней не получится.

«Все они тут с ума посходили», – решил Никодим, вспомнив Понимирского.

На следующий день к завтраку вышла одна Нина. По ее словам, Кася лежала в постели.

Наблюдая за Ниной, он сделал вывод, что о ночном происшествии ей ничего не известно.

Вечером возвратился домой Куницкий и завладел Дызмой до поздней ночи.

Только на следующее утро Никодим встретил Касю по дороге в столовую. На его поклон она ответила надменным кивком. Нина сидела уже за столом. Обе молчали. Надо было как-то начать разговор. Едва Дызма упомянул о хорошей погоде, Кася откликнулась с иронией:

– Ах, так вы, значит, соизволили заметить это необычайное явление?

Когда Никодим привстал, чтобы положить себе на тарелку ветчины и проехался рукавом по маслу, Кася рассмеялась со злорадством:

– Такой чудесный костюм! Какая жалость! Так красиво шит, с таким вкусом. Вам шьют, наверно, в Лондоне?

– Нет, я покупаю готовое, – простодушно ответил Никодим.

Он не понял иронии и удивился про себя, что костюм мог понравиться. Был им не понят и полный упрека взгляд, каким Нина пыталась удержать Касю от колкостей.

– А что, – заметила Нина, – ты получила хороший урок от пана Никодима. Я говорила тебе, что ему, как человеку действия, чужд снобизм.

Кася скомкала салфетку и встала.

– Какое мне до этого дело! До свидания.

– Ты едешь в Крупев?

– Да.

– К обеду вернешься?

– Не знаю. Посмотрим.

Когда она вышла, Дызма осторожно спросил:

– Почему Кася злится? Нина кивнула:

– Вы правы. Именно злится... Может быть... У вас есть свободное время?

– Конечно.

– Хотите покататься на лодке?

– Давайте.

Нина взяла шаль, прихватила еще и зонтик, потому что солнце палило немилосердно.

Узкой тропинкой шли они по жнивью к неподвижной глади озера. Нина была в белом, легком, почти прозрачном платье. Шагая следом за ней, Никодим отчетливо различал очертания ее ног. Чтобы добраться до лодок, надо было перейти по мостику через ров. Нина заколебалась.

- Знаете, лучше обойдем.
- Бойтесь мостика?
- Немножко.
- Не бойтесь. Он прочный.
- У меня закружится голова, я потеряю равновесие.
- Гм... Стоит ли обходить? Я вас перенесу.
- Нельзя, неудобно, – с лукавой улыбкой сказала Нина.

Улыбнулся и Дызма. Нагнувшись, он взял ее на руки. Нина не сопротивлялась и, когда он уже был на мостике, обняла его за шею, крепко прижалась к нему:

- Ой, осторожно...

Дызма нарочно замедлил шаг и опустил ее на землю чуть дальше того места, где кончилась переправа. Хотя Никодим не устал, дыхание у него участилось, и Нина спросила:

- Я тяжелая? Долго вы могли бы нести меня?
- Мог бы мили три... пять миль...

Она быстро пошла вперед, и они больше не разговаривали до самой воды.

– Не истолкуйте в дурную сторону того, что скажу вам, – начала Нина, когда они отплыли далеко от берега. – Но мне кажется, женщина не может быть счастлива, если некому носить ее на руках. Не иносказательно, нет, по-настоящему носить на руках.

Дызма бросил весла. Ему вспомнились маленький толстенький Бочек и его жена. Та весила по меньшей мере кило сто. Бочек, конечно, не носил ее на руках, и всё же они были счастливы. Эти воспоминания вызвали у Дызмы улыбку.

- Не все женщины такие, – возразил он вслух.

– Согласна, но те, которые не такие, лишились какой-то части своей сущности, стали похожи на мужчин, утратили женственность. Например... Кася.

В ее голосе прозвучала нотка неприязни.

- Что, разве вы поссорились с Касей?
- Нет, – ответила Нина, – просто она злится на меня.
- За что же?

Нина заколебалась.

- За что? Трудно сказать... Может быть, за то, что я чувствую к вам симпатию.
- Кася не любит меня?
- Не то.
- Нет, не любит. Сегодня за завтраком она подпускала мне такие шпильки...

– Но ведь вас это нисколько не трогает. Вы ее здорово осадили. Вы умеете двумя-тремя словами поставить человека на место.

Дызма рассмеялся. Он вспомнил рассказ Вареды о шутке Уляницкого.

– Иногда это можно сделать и без слов. Когда я был в мае в Крынице, со мной в пансионе жил один пустомеля. Знаете, такой щеголь, ветерком подбит. За столом сидел напротив меня и всё болтал, всё болтал. О чем он только не говорил! На всех языках! И все слушают, особенно женщины. А он всё обольщает да обольщает.

- Я знаю таких развлекателей, – вставила Нина. – Не переносу их.

– И я тоже. Так вот: однажды я не сдержался. После того, как он проболтал без перерыва добрых полчаса, я наклонился к нему да как гаркну: «У-у-у-у!...»

Нина расхохоталась.

- А он что? – спросила она.
- Сразу замолк. С тех пор только его и видели. Наверное, уехал.

Нина воскликнула:

– Ах, это замечательно! Как раз в вашем вкусе. Даже если б вы мне не сказали, что это сделали вы, я бы всё равно отгадала, кто это был. Замечательно!

Дызма был доволен произведенным эффектом.

– Знаете, – продолжала Нина. – Я нигде не встречала таких мужчин, как вы. У меня такое чувство, будто мы с вами уже век знакомы, мне кажется, я наперед знаю, что вы сделаете в том или ином случае, что скажете. Но поразительнее всего то, что тем не менее я каждый раз открываю в вас новые качества. А между тем вы монолит.

– Кто?

– Монолит. Структура вашего характера математически последовательна. Взять хотя бы вашу манеру обращаться с женщинами! Вы очаровываете простотой. Правда, вы несколько суровы, я бы даже сказала – грубы. Но в этом чувствуется глубина мысли. Только человек дела, подлинный интеллектуал может позволить себе такое поведение, может начисто отрешиться от вертеровских настроений, проявлений лиризма, от самоприкрашивания и мишуры. О, вы не принадлежите к людям, которые напоминают мне магазин, потому что все свои достоинства выставляют в витринах. Простите эту метафору. Вы, наверное, не выносите метафор?

Никодим не понимал, что значит это слово, но предусмотрительно ответил:

– Почему... напротив.

– Вы учтивы. Но это не в вашем духе. У вас нет ничего от барокко. Верно ли я определила?

Дызма стал внутренне раздражаться. Он не представлял себе, что можно слушать родную речь и не понимать ни слова.

– Конечно, – буркнул он.

– Ах, вы не любите говорить о себе!

– Нет. Да и не о чем.

С минуту он молчал, потом спросил уже иным тоном:

– Может, поплывем вон к тому лесочку? – и указал на далекий берег, где виднелись сосны.

– Хорошо. Но теперь грести буду я, а вы сядете за руль.

– А вы не устанете?

– Нет. Немного гимнастики не помешает.

Лодка была узкая и вертлявая; когда они менялись местами, пришлось поддержать друг друга, чтобы не потерять равновесия.

– Вы умеете плавать? – спросила она.

– Как топор, – ответил Дызма и рассмеялся.

– Я тоже не умею. Поэтому надо быть осторожнее.

Они подплывали к лесу. Воздух был насыщен запахом нагретой на солнце хвои.

– Выйдем? – спросила она.

– Можно. Посидим немного в тени.

– Да, жара страшная.

Лодка скользнула носом по песчаному берегу. Выше, где начинались деревья, земля была покрыта густым волнистым мхом.

– Красиво тут, правда? – спросила Нина.

– Ничего.

Уселись на мху, и Никодим закурил.

– Вас очень удивило мое письмо?

– Отчего же? Оно очень меня обрадовало, – ответил Дызма, вынимая узкий конверт из кармана. – Ношу на сердце.

Нина стала просить, чтоб он уничтожил письмо: ведь оно может попасть в чужие руки.

– Не забывайте, я замужем. Прошу вас.

– Ни за что, – запротестовал Дызма.

– Не подозревайте меня в трусости. Мне просто хочется избежать неприятностей.

Нина протянула руку, но Никодим поднял письмо над головой, и ей было не достать его.

– Прошу вас, отдайте.

– Не отдам, – ответил Никодим и рассмеялся.

Видя, что Дызма шутит, Нина тоже улыбнулась, и, улучив момент, попыталась вырвать письмо. При этом ей пришлось опереться о его плечо. Никодим обнял ее и стал целовать. Сперва она пробовала было сопротивляться, но это продолжалось только мгновение.

Издали, с противоположного берега озера, долетал едва уловимый стук – это работали лесопильни Куницкого.

*

Дызма положил руки под голову, вытянулся на мху. Нина сидела рядом съездившись. Наклонясь к нему, она зашептала:

– Зачем, зачем ты сделал это? Теперь я тебя никогда не забуду... Я буду в сто раз несчастней, чем была до сих пор... О боже, боже!.. Теперь я уже не смогу жить этой страшной жизнью... Не смогу жить без тебя...

– Ты не будешь жить без меня!

– Не говори так, не говори! Я не вынесу роли жены, обманывающей старого мужа.

Это отвратительно...

– Ведь ты его не любишь...

– Ненавижу, ненавижу!

– Ну так что же?

– Ты притворяешься, будто не понимаешь. Я не могу жить с вечной ложью в душе.

Это выше моих сил. Это отравит мне каждую минуту, проведенную с тобой... Боже, боже! Если б я могла сбросить эти цепи!..

– Чего ж тут трудного? – Дызма пожал плечами. – Люди так часто разводятся.

Нина закусила губы.

– Я подлая, глупая. Ты будешь прав, если осудишь меня, но я не могу обойтись без роскоши, без богатства. Я стыжусь этого... Если б ты был богат!

– Может, еще и буду! Кто знает!

– Милый! – Она сложила руки, точно молилась. – Милый! Ведь ты такой сильный, такой умный. Если б ты только захотел, ты бы достиг всего! Правда?

– Правда, – отозвался Никодим неуверенно.

– Видишь, видишь! Вырви меня отсюда! Спаси меня! И Нина заплакала.

Дызма обнял ее и прижал к себе. Он не знал, как ее утешить, и потому молчал.

– Какой ты добрый, какой хороший! Если б ты знал только, как я тебя люблю, и... я не хочу, не могу скрывать от тебя... Можешь презирать меня, но я признаюсь тебе во всем. Обещай, что простишь! Обещай! Видишь, я такая несчастная, такая слабая. По правде сказать, я не могла сопротивляться. У нее просто гипнотическое влияние...

– У кого?

– Да у Каси. Но клянусь тебе, это больше не повторится, клянусь! Веришь?

Никодим так и не понял, к чему она клонит, он кивнул головой, сделав знак, что верит.

Нина схватила его руку и прильнула к ней губами.

– Какой добрый! Какой добрый!.. Впрочем, Кася уедет в Швейцарию.

– Когда?

– На следующей неделе. На целый год.

– На год? Дорогонько же обойдется это твоему мужу.

– Это ничего не будет ему стоить, она не взяла бы от него ни гроша.

– На какие же средства она будет жить?

– У нее есть от матери капитал в банке.

– Да? Не знал. Пан Куницкий ничего мне об этом не говорил.

– Ах, зачем ты вспоминаешь о нем! Поговорим о нас с тобой.

Нина была взволнованна и расстроена.

Возвращались молча.

На террасе им встретился Куницкий. Улыбаясь по всегдашней своей привычке, старик потирал крохотные ручки. Казалось, он нарочно демонстрировал перед ними свою веселость, расспрашивая о настроении, о прогулке. Речь его лилась непрерывным потоком, и, пожелай они ему ответить, всё равно им не удалось бы вставить ни слова.

– Ну, что слышно в высших сферах?

– То есть в Варшаве? Ничего особенного. Мы беседовали с Яшунским и Уляницким о моем проекте скупки хлеба.

– Что вы говорите! Ну и как? Каковы результаты? Дело движется?

– Кажется, да. Только предупреждаю: строжайшая тайна!

Куницкий приложил палец к губам и прошептал:

– Понимаю! Тсс... Жена сейчас подойдет, может быть, вы расскажете после обеда. Умираю от любопытства.

– Можно и сейчас, – ответил Никодим, – ведь пани Нина никому не проговорится.

При ней рассказать можно.

– О чем? – не глядя на них, спросила Нина.

– Нина, имей в виду, – предупредил Куницкий, – это государственная тайна. Пан Дызма вместе с правительством готовит план спасения страны от экономического кризиса. Это проект пана Дызмы, за который они должны его озолотить! Ну, так что же, дорогой пан Никодим?

Дызма кратко рассказал обо всем, что касалось хлебных облигаций. Потирая свои маленькие ручки, Куницкий неустанно повторял:

– Гениально! Гениально!

Расширенными зрачками, вне себя от изумления, глядела Нина на гениального автора проекта.

– Есть одно только затруднение, – закончил Дызма. – Негде складывать скупленный хлеб. Нет денег на постройку складов.

– И в самом деле – препятствие! – воскликнул Куницкий. – Погодите-ка... Пан Никодим, а что бы вы сказали о таком выходе: казна скупает хлеб, но с условием, что продающий хранит его у себя. Не у каждого, конечно, есть место для хранения, но помещику выгоднее построить амбар для проданного уже хлеба, чем гноить у себя хлеб непроданный и разоряться. Мне это кажется реальным. Как вы находите?

Дызма просто оцепенел.

«Ну и башка у старого прохвоста!» – подумал он с изумлением и сделал вид, будто откашливается.

– Говорили мы и об этом, – ответил он предусмотрительно. – Может, так и сделаем.

Куницкий стал развивать свою мысль, а Никодим жадно слушал, стараясь не пропустить ни слова. Появился лакей.

– Ясновельможного пана просят к телефону. На новой лесопилке соскочил приводной ремень, случилось какое-то несчастье.

– Что? Что ты говоришь? Скорей автомобиль! Извините!

И Куницкий выбежал из комнаты. Обед кончали вдвоем.

– Вы видный экономист, – сказала Нина, не поднимая глаз. – Вы за границей учились?

– Да, в Оксфорде, – не замедлил с ответом Дызма.

На лице у Нины выступил румянец.

– В Оксфорде? Вы... вы... не были знакомы с Понимирским?

Только теперь Никодим понял, какую он сделал глупость: ведь она могла в любую минуту осведомиться у брата, и ложь тотчас выйдет наружу. Но выхода не было. Надо было идти дальше.

– Разумеется, знал. Это был мой хороший товарищ.

Нина молчала.

Вы знаете, какое несчастье с ним случилось? – спросила она, помолчав.

– Нет.

– Что-то очень серьезное с нервами. Он вел ужасный образ жизни: пил, кутил, скандалил и наконец дошел до умопомешательства. Бедный Жорж!.. Два года был он в сумасшедшем доме. Немного подлечили. Теперь у него уже не бывает припадков, но о полном излечении, увы, не может быть и речи... Бедный Жорж. Вы не можете себе представить, как я страдала из-за него... Тем более что с обострением болезни у него появилась неприязнь ко мне. Прежде мы очень любили друг друга. Вы знаете, Жорж здесь, в Коборове...

– Да?

– Живет в павильоне, в парке. При нем санитар. Вы не встречаете его потому, что врачи запретили ему общение с людьми: это плохо на нем сказывается. Но кто знает, может, встреча со старым другом и не повредит. – У вас были хорошие отношения?

– Разумеется.

Нину это обрадовало. Она ухватилась за мысль устроить им свидание и, попросив Дызму держать всё в тайне от Куницкого, заявила, что после обеда они отправятся в павильон. Никодим пробовал было выкрутиться, но из боязни возбудить подозрения вынужден был согласиться.

В парке, среди деревьев, Нина, обвив руками его шею, прижалась к нему всем телом. Никодим неохотно поцеловал ее раза два. Он всё боялся, что влипнет при свидании с молодым графом.

Нина взяла Никодима под руку.

– Мне так хорошо с вами, – заговорила она. – Я так спокойна... Женщина как плющ. Будет виться по земле, прозябать, пока не найдет крепкого ствола, по которому можно подняться к солнцу...

Дызма подумал, что это очень меткое сравнение и стоит его запомнить.

Павильон был маленькой виллой в стиле Возрождения. Он весь зарос диким виноградом, сквозь который кое-где просвечивали белые стены. На подстриженном газоне перед виллой стоял шезлонг, в шезлонге, не двигаясь, полулежал граф.

Их встретил похожий на кашель безудержный лай появившейся откуда-то собачонки.

Понимирский лениво повернул голову и, шуря от солнца глаза, смотрел некоторое время на подходившую пару. Вдруг он вскочил, оправил костюм, вставил в глаз монокль.

– Добрый день, Жорж, – протянула ему руку Нина. – Я привела к тебе твоего старого коллегу по Оксфорду. Узнаешь?

Понимирский с недоверием глянул на обоих. Не торопясь, поцеловал сестре руку. По выражению лица было видно, что он опасается – не раскрыт ли его заговор. Хмуро посмотрев на Дызму, он подал ему руку:

– Разумеется, узнаю. Я рад, коллега, что вы пришли проведать меня.

Потом резко повернулся к сестре.

– Извини, пожалуйста, не оставишь ли ты нас одних? После долгой разлуки есть о чем поговорить. Может быть, ты посидишь тут, а мы пройдемся?

Нина не стала возражать. Она многозначительно посмотрела на Никодима и вошла в павильон.

Озираясь по сторонам, Понимирский повел Дызму в ближайшую аллею.

– Что это значит? – сердито спросил он, приставив указательный палец к его груди. – Негодяй, ты выдал меня Нине? Может быть, ты рассказал всё прохвосту Кунику?

– Боже сохрани, я не сказал никому ни слова.

– Твое счастье. Откуда же ей известно, что я представил тебя тетке Пшеленской как своего коллегу по Оксфордскому университету?

– Этого она не знает. Что касается Оксфорда, то я сам сказал, что там учился. К слову пришлось, в разговоре.

– Ты не только аферист, но еще и дурак: ведь ты ни бельмеса не знаешь по-английски?

– Не знаю.

Понимирский сел на скамью и рассмеялся, чем страшно заинтересовал собаку, которая внимательно стала смотреть ему в лицо.

– Ну, а как там тетка Пшеленская и этот ее Кшепицкий? Не выставили они вас за дверь?

Дызма хотел было сесть рядом с Понимирским, но тот жестом остановил его:

– Не терплю, когда люди вашего положения сидят в моем присутствии. Рассказывайте кратко, ясно и без вранья.

Никодим знал, что с ним говорит сумасшедший, и всё же чувствовал такую робость, какой не ощущал ни перед министром, ни перед генералами, ни перед иными важными персонами в Варшаве.

Он стал рассказывать, что Пшеленская приняла его хорошо, но что она и Кшепицкий утверждают, будто сейчас ничего нельзя предпринять: дело надо отложить на несколько лет.

Когда Дызма кончил, Понимирский прошипел:

– Черт побери! А вы не врете?

– Нет.

– Знаете, за всю свою жизнь я не слышал, чтобы так глупо и бесцветно рассказывали. Вы кончили хоть какую-нибудь школу?

Дызма молчал.

– Что касается дела, то я не такой болван, чтоб от него отказаться. В скором времени я напишу другое письмо, и вы поедете с ним в Варшаву. До свидания. Можете идти! Брут, ко мне!

– А как же пани Нина? – робко напомнил Дызма.

– Нина?... Ах, правда. Я забыл о ней. Тогда идем вместе. Заберите ее с собой. Она действует мне на нервы.

Нина встретила их на повороте аллеи.

– Ну, что же, вы предавались приятным воспоминаниям? – спросила она с улыбкой.

– Конечно, – ответил Дызма.

– Моя дорогая, – поправляя монокль, выдал из себя Понимирский, – воспоминания о той поре, когда мы были очень молоды и богаты, всегда останутся приятными. Не правда ли, дорогой коллега?

Последние слова он произнес с особым ударением и расхохотался.

– Разумеется, коллега, – неуверенно поддакнул Дызма, что еще больше развеселило Понимирского.

– Мы говорили исключительно об Оксфорде и Лондоне, где мы так чудесно развлекались, – сказал он, не переставая смеяться. – Ты не можешь представить себе, моя дорогая, как мне было приятно услышать наконец чистую английскую речь, которой я не слышал столько лет...

Он потрепал Никодима кончиком пальцев по плечу и спросил:

– Isn't it, old boy?²³

У Дызмы жилы напряглись на висках. Он напряг память и – о счастье! – вымолвил слово, одно-единственное английское слово, какое время от времени употреблял в избранном лысковском обществе сын нотариуса Виндера:

– Yes.²⁴

Этот ответ еще больше развеселил Понимирского. Между тем Нина, заметив замешательство Никодима, заявила, что им уже пора возвращаться. Ей казалось, что Никодим подавлен увиденным. К ее радости, брат не обнаружил желания продлить свое свидание с Дызмой и попрощался без новых чудачеств.

– Бедный Жорж! Он сильно изменился? – спросила Нина в аллее.

– Нет, не очень. Может быть, это у него пройдет...

– Увы... Я заметила, какое неприятное впечатление произвела на вас его болезнь.

Пожалуй, я напрасно привела вас к нему.

– Почему?

– Знаете, пан Никодим, лучше не посещайте его: может быть, это ему во вред...

Врачи говорят, общение с людьми действует на него возбуждающе, и советуют избегать волнений.

– Как хотите.

– Я ничего не хочу, – прижалась Нина к его плечу, – я только вам сказала. А вы, я уверена, поступите так, как будет благоразумнее и лучше.

И она заговорила о весне, расцветшей в ее душе, о том, что на настоящее нужно закрыть глаза и считать его мимолетным сном, который скоро пройдет. И она потребовала от Дызмы, чтобы тот с нею согласился. Он сделал это без особых усилий.

Глава 9

Один за другим проносились однообразные дни. Обосновавшись в Коборове, Дызма чувствовал себя здесь как дома. Правда, он был немного зол на Нину за то упорство, с каким она решила сохранять супружескую верность вплоть до развода. Однако он не страдал от этого. Натуре Никодима чужды были сильные желания, тем более страсти.

Хороший аппетит и сон не покидали его. Он проводил время в безделье и чувствовал себя замечательно, потолстел и загорел; часто совершал прогулки по окрестностям. Сначала ездил верхом, но потом решил, что верховая езда – сплошная тряска, и стал ходить пешком. Он еще раз осмотрел хозяйство: лесопильный завод, бумажную фабрику, мельницу. Обо всем, что его интересовало, расспрашивал служащих; те при виде Дызмы снимали шапки: они знали, что имеют дело не с мелкой сошкой.

Дызму окружала атмосфера уважения и восхищения.

Единственными облаками на горизонте его благополучия были столкновения с Касей.

---

²³ Не правда ли, старина? (англ.).

²⁴ Да (англ.).

Правда, сцены, которые она устраивала, были рассчитаны скорее на Нину, чем на Никодима. Однажды за завтраком, когда она его особенно допекала, высмеивая немилосердно каждое его слово, Дызма проворчал:

– Вы забываете, с кем имеете дело!

– Меня это не интересует, – пожалала плечами Кася. – Ведь вы не персидский шах. Или, может быть, вас мучает *mania grandiosa*²⁵?

Дызма не понял сказанного, но по выражению лица Нины заключил, что это оскорбление. Побагровев, он со всей силы хватил кулаком по столу.

– Молчать, девчонка! – гаркнул он.

На столе со звоном подпрыгнула посуда, обе дамы оцепенели.

Мгновение спустя бледная как полотно Кася вскочила и выбежала из комнаты. Нина не сказала ни слова, но ее лицо выражало одновременно и страх и одобрение.

Применение этого радикального средства возымело действие, но только на время. С этого дня Кася больше не изводила Никодима, но в ее глазах постоянно сверкала ненависть, нарастая, она должна была в конце концов как-то прорваться.

В одно из воскресений, утром, совсем неожиданно для обоих произошел взрыв.

Куницкий работал в своем кабинете, Нина уехала в костел. Никодим устроился в ее будуаре и принялся рассматривать альбом с фотографиями.

В будуар вошла Кася.

Ей достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться: в руках у Никодима альбом со снимками, которые она, Кася, делала специально для Нины.

– Отдайте, это мои фотографии! – крикнула она и попыталась вырвать альбом.

– Нельзя ли повежливее?! – огрызнулся Дызма.

Кася хотела было уже уйти, но тон Никодима ее остановил. Она повернулась и с минуту молчала; вид у нее был такой, что Никодим застыл в ожидании – вот-вот посыпятся удары, он собирался уже прикрыть руками лицо. И в то же время явилось желание – схватить ее в объятия, прижать ее, маленькую, трепещущую, к своей груди, целовать горящие глаза, подрагивающие губы. Но вот из этих губ вырвались наконец хлесткие, как бич, слова:

– Это подлость, подлость! Вы негодяй! Вы ее обесчестили! Вы вторглись в семью моего отца, чтобы соблазнить его жену. Если вы не уберетесь отсюда немедленно, я отстегаю вас арапником, как собаку. Мне наплевать на ваше положение в обществе, на ваши связи! Поняли? Моему отцу, может быть, это нравится, но не мне! Советую добром: убирайтесь отсюда, – да поскорее!

Кася кричала всё громче. Двери по всей анфиладе были открыты, и ее голос дошел, должно быть, до ушей Куницкого. Разбушевавшаяся Кася не услышала его быстрых мелких шажков, не услышала их и Никодим, застигнутый врасплох неожиданной вспышкой ярости у этой спокойной на вид девушки.

С перекошенным от бешенства лицом Куницкий застыл на пороге.

– Кася, выйди, пожалуйста, – сказал он тихо.

Кася не шевельнулась.

– Выйди, – повторил он еще тише, – пройди ко мне в кабинет и подожди меня.

Говорил он спокойно, но в словах была какая-то неотразимая сила. Кася пожалала плечами, но подчинилась.

– Что случилось? – спросил Куницкий у Дызмы.

– Что случилось? – отозвался, как эхо, Дызма. – Ваша дочь велела мне убираться из вашего дома и изругала меня последними словами. Один дьявол знает, чего она от меня хочет, но если меня гонят, я уйду и возвращаться не стану. А на эти ваши... партии леса и шпалы... можете поставить на них крест, потому что я...

Куницкий схватил его за руку.

– Пан Никодим, простите за дочь. Забудьте обо всем. Сегодня же Кася уедет за границу. Достаточно вам этого?

– Достаточно ли... А вся ее брань – это что?

– Даю вам слово, дорогой пан Никодим, сегодня же я выгоню ее из дома.

И чем больше росло раздражение в душе старика, тем спокойнее становился он внешне. Куницкий протянул Дызме руку и спросил:

²⁵ Мания величия (лат.).

– Так, значит, мир?

Никодим ответил ему рукопожатием.

В тот же вечер Кася уехала. Никто в доме не знал, о чем говорили отец с дочерью, запершись в кабинете. Ни он, ни она никому ничего об этом не сказали. Кася уехала, не простившись даже с Ниной. Единственным человеком, с которым она разговаривала перед отъездом из Коборова, была Иренка – молоденькая горничная, ведавшая дамским гардеробом. Но и она могла только сообщить, что Кася была очень разгневана и обещала ее, Иренку, выписать к себе в Швейцарию.

После этого бурного и чреватого последствиями воскресенья ни одна тучка не омрачала горизонта Никодима Дызмы. Куницкий лез из кожи вон, проявляя любезность. Нина ни словом не вспомнила о Касе, ей самой было теперь легче и спокойнее.

Вместе с Никодимом они совершали продолжительные прогулки на автомобиле. Катались на лодке. Однако упорство Нины не ослабевало, и их роман состоял только в беседах, вернее – в ее монологах, да в мимолетных поцелуях. Никакие уговоры Никодима успеха не имели.

Он не мог постичь причины этого упрямства, в особенности когда узнал от прислуги, что Нина чуть ли не со дня свадьбы каждую ночь запирает свою комнату на ключ. Сообщивший об этом лакей позволил себе даже подтрунивать над хозяином, который, по-видимому, только для того и женился на графине, чтобы сделать сюрприз дочери. Всё это казалось Дызме весьма и весьма загадочным. Он решил как-нибудь припереть Нину к стене и заставить ее выложить правду. А пока этот момент не наступил, понемногу выпытывал у нее разные сведения.

Когда речь заходила о делах мужа, Нина обнаруживала полную неосведомленность.

– Меня это, впрочем, не касается, – твердила она, – это мужское дело.

Одно только знала она: ей здесь ничего не принадлежит, и неустанно повторяла Дызме, что их будущее зависит теперь от него. Это причиняло ему немало беспокойства, так как у него не было ни малейшей надежды добыть состояние, достаточное для удовлетворения запросов Нины.

Откровенно говоря, он не так уж и стремился к женитьбе. Разумеется, Нина ему очень нравилась, она была настоящей дамой, не кем-нибудь, а графиней Понимирской... Но в этот брак он не верил, как не верил в свое дальнейшее процветание.

Зато в чувствах Нины он не сомневался. Каждым жестом, каждым взглядом и наконец почти каждым словом проявляла она свою любовь.

Куницкий, по наблюдениям Дызмы, слишком был поглощен делами и слишком мало общался с женой, для того чтобы догадаться об этом. Впрочем, он сам советовал им гулять вдвоем.

Однажды после такой прогулки Никодиму подали в вестибюле телеграмму. Он был уверен, что это весточка от Яшунского. Но ему была уготована неожиданность: под кратким текстом стояла подпись «Терковский».

Никодим читал, а Нина глядела через его плечо.

Телеграмма гласила:

«Председатель Совета министров просит вас завтра, в пятницу, в 7 часов вечера, явиться на заседание экономического комитета Совета министров в связи с известным вам делом.

Терковский».

Подошел Куницкий, Дызма подал ему телеграмму, В одно мгновение старик пробежал ее глазами и в неподдельном изумлении воскликнул:

– Здорово! Это о хлебе?

– Да, – подтвердил Никодим.

– Значит, дело движется?

– Как видите.

– Боже милосердный, – Куницкий всплеснул руками – боже милосердный! Сколько можно сделать людям добра при ваших-то связях, дорогой пан Никодим!

– Да, – улыбнулась Нина, – если влияние используется на благо общества и если правильно учтены его потребности.

– Извини, пожалуйста, – возразил Куницкий, – не только обществу... Разве частным лицам нельзя помогать? Хе-хе... Наверняка в экономический комитет входит министр путей сообщения. У вас будет возможность поговорить с ним при случае о шпалах, А?

Никодим сунул руки в карманы и сделал недовольное лицо.

– Я предпочел бы в другой раз: неудобно.

– Ну что ж!.. Я не настаиваю. На ваше усмотрение. Я только мимоходом напомнил, потому что поставка шпал – это дело, о котором забывать не стоит, хе-хе!

Тотчас после обеда Куницкий затащил Никодима в свой кабинет и стал читать ему длиннейшую лекцию о деталях предполагаемого предприятия. Когда Никодим снова напомнил ему о процессе, старик, вскочив, вытащил из кармана ключи.

– Сейчас покажу документы. Мне думается, этого достаточно, чтобы доказать мою невиновность.

Он отодвинул тяжелый бархатный занавес, и Дызма увидел большой несгораемый шкаф. Куницкий торопливо открыл дверцу, достал зеленую папку, вытащил оттуда вороха квитанций, бланков, писанных на машинке листов. Кое-что он читал вслух, кое-что давал Дызме, и тот делал вид, будто знакомится с документами всерьез.

Вырваться от Куницкого удалось только вечером. Нина ждала его на террасе. Они пошли гулять. Нина была печальна и задумчива. Непредвиденный отъезд Никодима, так неожиданно нарушивший их идиллию, был для нее настоящим горем. В тени деревьев Нина, прильнув к нему, прошептала:

– Милый, ты не надолго уезжаешь в Варшаву? Нина без тебя будет очень скучать. Что делать – я так привыкла, здесь я могу видеть тебя ежедневно, могу с тобой разговаривать, смотреть в глаза...

Никодим стал уверять ее, что скоро вернется, через день-другой, больше его не задержат.

За ужином Нина была оживлена: Куницкий предложил ей вдвоем проводить дорогого пана Никодима на станцию. На этот раз Дызме предстояло ехать по железной дороге, потому что автомобиль нуждался в ремонте.

Нина вся трепетала от волнения. Правда, она не могла попрощаться с Никодимом так, как ей хотелось, но ее взгляд говорил больше, чем самые горячие поцелуи.

В купе первого класса Дызма ехал один; сунув проводнику на чай, Куницкий велел в это купе никого больше не пускать: нечего, дескать, беспокоить пана Дызму, важного человека, личного друга министров.

*

Попойка была дикая. Никодима привезли в гостиницу вдребезги пьяным и на руках внесли в номер.

Да и пили-то не без причины. Даже теперь, полностью очнувшись, он не мог прийти в себя от изумления после вчерашнего дня, который запечатлелся в его мозгу сплошным хаосом событий.

Например, заседание в высоком зале, где он, Дызма, сидел за одним столом с премьер-министром, с министрами как равный с равными, запанибрата.

Читали какие-то отчеты, приводили цифры. А потом – что за минута! – все стали пожимать ему руку, благодарить его за то, что он повторил всё, что говорил ему Куницкий насчет скупки зерна!.. Как они это назвали? Ага, ломбард! Смешно. До сих пор он считал, что ломбард – это сдать под залог часы или костюм... А потом вопрос премьера:

– Уважаемый пан Дызма, не согласитесь ли вы взять на себя руководство хлебной политикой в государстве?

Сперва он тянул с ответом, затем начал отказываться, уверяя, что ему, пожалуй, не справиться, но все сообща так на него надели, что Никодим вынужден был согласиться.

Он расхохотался:

– Вот дьявол! Чего достиг человек! Председатель Государственного хлебного банка! Председатель!

Затем ему вспомнились засыпавшие его вопросами журналисты, ослепляющий блеск магния. Ага, надо посмотреть, что напечатали.

Он позвонил и велел коридорному купить все газеты. Начал одеваться. Когда принесли газеты, он схватил первую попавшуюся, глянул – и кровь бросилась в лицо.

На первой странице красовалась его фотография.

Он стоял, заложив руку в карман, с задумчивым выражением на лице. Выглядело это вполне солидно. Вполне. Под фотографией было написано: «Д-р Никодим Дызма, инициатор новой аграрной политики, получил поручение учредить Государственный хлебный банк; он назначен председателем правления этого банка».

Рядом, под сенсационным заголовком, в длинной статье приводилось официальное правительственное сообщение, биография Дызмы и интервью.

В сообщении говорилось о том, что Совет Министров, по предложению Яшунского, постановил начать борьбу с экономическим кризисом путем энергичных действий на хлебном рынке. Далее подробно излагался проект и следовала информация о соответствующих распоряжениях, которые вступят в силу после того, как закон будет принят сеймом.

Биография для Дызмы была сюрпризом. Из нее он узнал, что родился в поместье своих родителей в Курляндии, гимназию окончил в Риге, а высший курс экономических наук в Оксфорде; затем в качестве кавалерийского офицера доблестно сражался против большевиков, был ранен и награжден орденом «Virtuti Militari» и Крестом Отважных, в последнее время ушел с политической сцены и занялся сельским хозяйством в Белостоцком воеводстве.

Биография пестрела такими эпитетами, как «светлый», «знаменитый», «творческий»... В конце было отмечено, что председатель Никодим Дызма пользуется репутацией человека с сильной волей, твердым характером, известен своими организаторскими способностями.

Но больше всего изумило Никодима интервью. Он читал и глазам не верил. Правда, в тот вечер он налился до бесчувствия, но ведь беседовал с корреспондентами он еще до ужина. Из того, что здесь написали, ему, Никодиму, не принадлежит ни единого слова. Тут были фразы, которые он, несмотря на все усилия, понять не мог, тут были высказаны мнения по вопросам, о которых он не имел ни малейшего представления.

Никодим беззлобно выругался. А может, стоило и порадоваться: вероятно, тот, кто прочтет такое интервью, будет считать папа Дызму, председателя правления банка, человеком недюжинного ума.

Почти все газеты поместили примерно один и тот же текст и его снимки в различных позах. Больше всего ему понравился тот, где он сидит на диване между премьером и министром Яшунским. Была неплоха и та фотография, где он, нахлобучив шляпу, спускается по лестнице, а за ним следом со шляпой в руке идет пожилой господин с седыми усами. Подпись под снимком гласила:

«Никодим Дызма покидает дворец Совета Министров в сопровождении своего будущего сотрудника, вновь назначенного директора хлебного банка Владислава Вандрышевского, бывшего вице-министра финансов».

«Вот, – подумал Дызма, – теперь вся Польша меня знает». И вдруг перепугался. Ему пришло в голову, что газеты дойдут и до Лыскова – и пан Бочек, и Юрчак, и все те, кто его так хорошо знает, догадаются без труда, что Курляндия, гимназия и Оксфорд – всё это басни! Вот черт!

Вдруг кому-нибудь из них придет в голову написать в газету и выложить всю правду?

По спине забегали мурашки. Никодим, чертыхаясь, принялся шагать взад и вперед по комнате, потом снова начал рассматривать газеты и наконец пришел к выводу, что разоблачение со стороны прежних знакомых маловероятно: его пост, его связи лишат их смелости. Разве что анонимку напишут... Но к анонимкам нет серьезного отношения. Дызма почти успокоился. Зато, перечитывая перечень своих талантов, вдруг спохватился: справится ли? Ну, положим, бóльшая часть работы достанется на долю этого Вандрышевского, но ведь и он должен будет что-то делать: говорить, решать, подписывать... Заниматься делами, которых не понимает! Есть только один выход: найти кого-нибудь посмекалистей... Вот если бы Куницкий согласился! Не захочет... Придется оставить должность управляющего в Коборове. Дызме стало грустно при мысли о разлуке с Ниной, но он тут же утешил себя:

«Ничего не поделаешь: надо так надо. Не одна она на свете».

Труднее всего разыскать человека, который будет работать за него... Можно бы сделать его секретарем... И вдруг Никодим хлопнул себя по лбу:

– Кшепицкий!

И даже подскочил от радости: Кшепицкий – пройдоха, огонь, воду и медные трубы прошел, этот знает, где раки зимуют. Его на пушку не возьмешь, к тому же свой человек. Договориться с ним – будет шевелить мозгами за двоих.

Эта мысль до того обрадовала Дызму, что он решил немедленно разыскать Кшепицкого.

Никодим спешно оделся. Через четверть часа он уже звонил у дверей пани Пшеленской. В доме в это время обед приближался к концу. Дызма застал у нее Кшепицкого и познакомился с хилой, веснушчатой девицей, панной Хульчинской.

Никодима встретили шумными поздравлениями. Пани Пшеленская назвала его спасителем помещиков, Кшепицкий – Наполеоном сельского хозяйства, а панна Хульчинская глядела ему в рот.

Завязался разговор о Коборове, и все ужасно огорчились, узнав, что у Дызмы не будет теперь времени заниматься делом Жоржа Понимирского.

– Впрочем, – заметил он, – в голове у него так всё перепуталось, что всё равно ничего не удастся сделать.

Зызя выругался, веснушчатая девица погрузилась, а пани Пшеленская заявила, что не следует терять надежды.

Кульминационным моментом визита была минута, когда Никодим, отхлебнув кофе, заявил: – А я к вам с предложением. Пан Кшепицкий, вы сейчас занимаете какую-нибудь должность?

– Нет.

– А хотели бы?

– Конечно! – всплеснула пухлыми ручками Пшеленская.

– Видите, в чем дело, – продолжал Никодим, – мне необходим секретарь. Секретарь председателя правления банка – дело не шуточное. Это должен быть умный, толковый человек. Он должен отвечать за дело. Понимаете?

Кшепицкий облизал губы и напустил на себя равнодушные.

– Благодарю вас, пан председатель, не знаю, справлюсь ли я. Затем... гм... скажу откровенно: в чиновники я, пожалуй, не гожусь. Определенные часы работы, изо дня в день рано вставать... Вы уж меня извините.

Дызма хлопнул Кшепицкого по коленке:

– Ничего! Не бойтесь. Будете сидеть на работе в те же часы, что и я. А ведь вы, наверно, не думаете, что председатель будет торчать всё время на одном месте? На то у нас есть директор. Мы будем заниматься только главными вопросами, самыми главными. Ну, руку!

Пшеленская пришла в восторг. От волнения она стала говорить Кшепицкому «ты» и умоляла его согласиться.

Кшепицкий улыбнулся и подал Дызме руку.

– Благодарю вас, пан председатель. Но хотелось бы узнать, какой оклад вы мне назначите?

Никодима приятно пощекотало «пан председатель». Упершись руками в бедра, он спросил:

– Ну, а сколько вы хотите?

– Трудно сказать...

– Ну, смелее.

– Я полагаюсь на вас, пан председатель.

Дызма добродушно улыбнулся.

– Пан председатель считает, что пан секретарь сам должен назначить сумму.

Все вежливо рассмеялись.

– Боже мой, мне кажется, каких-нибудь тысячу злотых... – начала Пшеленская.

– Тысячу двести! – торопливо вставил Кшепицкий.

– Что? Тысячу двести? Ну, так я дам вам тысячу пятьсот.

И Дызма торжествующим взглядом обвел присутствующих. Кшепицкий под восторженные аханья Пшеленской вскочил со стула и, расшаркавшись, стал благодарить пана председателя.

Пшеленская объявила, что назначение следует обмыть, и велела лакею принести бутылку шампанского.

Ну, Кшепицкий, – сказал Дызма, поднимая бокал, – только одно-единственное условие: круговая порука. Понятно? Круговая порука. Это значит, мы стоим друг за друга. Никому не выбалтывать, о чем шла речь на наших с вами совещаниях.

– Понимаю, пан председатель.

– А я, в свою очередь, обещаю: если буду вами доволен, к каждому празднику две-три тысячи наградных.

Кшепицкий проводил Дызму до гостиницы. По дороге говорили о банке, и Никодим обещал на следующий же день познакомить Кшепицкого с Вандрышевским.

– Времени у меня в обрез – необходимо устроить еще кое-какие дела, поэтому уговоримся: организацией займется Вандрышевский, отчитываться он будет не мне, а вам.

Понимаете? А вы будете докладывать мне, совещаться со мной и передавать мои распоряжения директору.

– Так будет лучше всего, – поспешно согласился Кшепицкий.

– Искусство управления, пан Кшепицкий, запомните это, зиждется на умении быстро решать дела.

В гостинице Дызма застал Уляницкого. Тот шумно его приветствовал.

– Знаешь, Никусь, у меня всё еще гудит в голове от вчерашней попойки. Ну как? Сделал уже визиты?

– Какие визиты?

– Те, которые полагается. Премьеру, Яшунскому, Брожинскому и еще кое-кому... К Терковскому ты, верно, не поедешь? Хотя, кажется, он на тебя не сердится.

– По-твоему, это необходимо?

– А то как же!

– Гм... – в растерянности пробормотал Дызма. – Знаешь ли, одному... Вот если бы ты со мной поехал...

– Что ж, давай.

Условились, что визиты нанесут завтра, так как сегодня вечером обоим предстоит участвовать в заседании, где будет назначен срок открытия банка и обсуждены другие формальности.

*

Не прошло и двух недель, а предварительные работы шли полным ходом. Банку предоставили новое здание на Вспульной улице, в двух его этажах разместился сам банк и восьмикомнатная квартира председателя.

Закон, правда, разрабатывался еще в комиссиях сейма, но не подлежало сомнению, что обе палаты примут правительственный проект без существенных поправок.

Всё это мало беспокоило Дызму, потому что все дела устраивали Вандрышевский и Кшепицкий.

Последний был незаменим. Он с жаром принялся за работу и, как человек сообразительный, всегда умел добиться того, чего ему хотелось. Во всех случаях он прикрывался одним и тем же – он произносил безапелляционным тоном:

– Так хочет пан председатель.

Сначала Вандрышевский, да и другие чиновники, недовольные тем, что Кшепицкий всюду сует нос, спрашивали у Дызмы, действительно ли таково его мнение, и Дызма, который часто не понимал, о чем идет речь, повторял каждый раз всё ту же фразу:

– Раз Кшепицкий говорит, значит, я так решил – не о чем и спрашивать.

Поэтому вскоре пришлось примириться с назойливостью Кшепицкого. Впрочем, он стал вскоре личным другом председателя. В ежедневном общении он быстро обнаружил уязвимые места своего патрона: умело играя на его слабостях, он сделал так, что Дызма не мог теперь без него обходиться. Тем не менее Никодим был с Кшепицким всегда начеку. Влияние возрастало, связи укреплялись, Кшепицкий, побаиваясь Дызмы, считал, что тот обладает какой-то магической силой, необыкновенным складом ума.

Правда, Кшепицкий дивился тому, что на Никодима часто находило умопомрачение, и он не мог разобраться в самых простых вопросах. Но потом секретарь решил, что председатель нарочно прикидывается простачком, чтобы тем легче накрыть подчиненных на каких-нибудь махинациях. Впрочем, он понимал, что его судьба в руках Дызмы, что с уходом последнего он останется на мели и поэтому в его интересах укрепить престиж начальника. И он делал всё, чтобы окружить Дызму ореолом олимпийского величия и недосягаемости. А это, в свою очередь, вполне отвечало намерениям Никодима.

Выпавшие ему на долю редкие почести и в самом деле укрепили его в убеждении, что до сих пор он недооценивал свои возможности. Однако осторожность его ничуть не уменьшалась. Он сознавал, что умственный багаж его скуден, что держаться на людях он не умеет, что в его образовании немало пробелов. Свободнее всего чувствовал себя Никодим с Кшепицким, но и в его обществе напугал на себя некую таинственность.

Вскоре он прослыл самым молчаливым человеком в Польше. Одни приписывали это усвоенной у англичан манере поведения, другие вспоминали, что как-то на приеме у премьера, когда дамы пытались вызвать его на разговор, он сказал:

– Говорить мне не о чем.

Ясно, что тот, кто много думает, редко открывает рот для разговора.

Хотя Никодим и вида не подавал, его часто доводило до отчаяния то, что он не знал светских обычаев, не понимал многих слов. Поэтому он решил пополнить запас своих познаний.

С этой целью он зашел как-то в один из книжных магазинов на Свентокшиской улице и купил три книги: «Словарик иностранных слов», «Энциклопедию» и «Бонтон».

Особенно большую помощь оказал ему «Бонтон». В первый же день с его помощью он разгадал, почему Уляницкий велел ему бросить в почтовый ящик премьера не одну, а две визитные карточки.

Что касается «Словарика», то Никодим пользовался им регулярно. Каждое слово, которое он не понимал, он старался запомнить и затем по словарю искал объяснение.

«Энциклопедию» Никодим принялся штудировать систематически. Он начал читать ее с самого начала и к отъезду успел дойти до буквы «Д». Чтение не увлекало его, но, заметив его благотворные результаты, он решил одолеть всю книгу. Это было, пожалуй, единственным занятием Никодима, если не считать чтения писем от Нины. Ежедневно он получал от нее по крайней мере одно письмо. Письма были пространные, и Дызма, не переставая признавать, что написаны они прекрасно, в конце концов потерял терпение и перестал читать их. Он обычно заглядывал только в конец, где сообщались свежие новости. Он узнал, что Куницкий не намерен отказаться от гениального управителя и считает, что Никодим сумеет совместить пост председателя с должностью полномочного представителя коборовского имения – ведь ему предоставляют полную свободу и не требуют исполнения каких-либо обязанностей.

Нину это очень радовало, и она умоляла Дызму согласиться. Никодим долго размышлял и принял предложение только тогда, когда Кшепицкий с убеждением заявил, что от избытка денег никому еще худо не приходилось.

Он не написал об этом Нине, так как, по ее просьбе, вообще не писал ей писем. В Коборове вся корреспонденция проходила через руки Куницкого, и Нина боялась, что он вскрыет предназначенный ей конверт, как это случилось два года тому назад с письмом Каси.

Устройством председательской квартиры занялся Кшепицкий. Он действовал с такой энергией, что в две недели всё было кончено, и Никодим переехал из гостиницы к себе на Вспульную.

На другой день он отправился в Коборово, намереваясь забрать вещи и переговорить заодно с Куницким. Было воскресенье. Дать телеграмму он забыл, лошадей ему не выслали, и пришлось километра два идти пешком. Утро выдалось замечательное, и эта прогулка доставила даже удовольствие Никодиму.

Недалеко от лесопильни ему повстречался старший мастер бумажной фабрики. Он почтительно поклонился Дызме.

– Ну, что слышно у вас в Коборове? – спросил, остановившись, Дызма.

– Слава богу, ничего нового, пан управляющий.

– Я уже не управляющий, а председатель банка. Газет не читали?

– Еще бы, читали... выпала нам честь...

– Читали? Значит, надо меня называть паном председателем. Понял?

– Понял, пан председатель!

Дызма сунул руки в карманы, кивнул головой и зашагал дальше. Сделав два шага, он обернулся и крикнул:

– Эй, человек!

– Слушаю, пан председатель.

– Пан Куницкий дома?

– Нет, пан председатель, он сейчас наверняка в Сивом Борку. Там сегодня закладывают узкоколейку.

– Но ведь сегодня воскресенье, праздник.

– О, у пана помещика праздник только тогда, когда нет работы, пан председатель, – ответил мастер не без иронии.

Дызма нахмурился.

– Так и должно быть. Работа – главное. А ваш брат вечно бы праздновал. Такой уж вы народ.

Он заложил руки за спину и двинулся к дому.

Парадный вход был заперт, и Дызме пришлось долго звонить, прежде чем явился лакей и открыл двери. При виде сердитой физиономии Никодима лакей оробел.

– Что за дьявол, повымирили вы, что ли? Дозвониться нельзя.

– Прошу покорнейше извинить, я был в буфетной...

– Ну и что из того, что в буфетной? Болван! Я полчаса жду, а он в буфетной. Рыло немьютое! А ну, снимай пальто! Что смотришь как баран на новые ворота? Где хозяйка?

– Ее нет дома, пан управляющий. Хозяйка поехала в костел.

– Во-первых, я тебе не пан управляющий, а пан председатель. А во-вторых, какое вы имеете право бездельничать, когда хозяев нет дома? Дармоеды! Сегодня не праздник! Праздник только тогда, когда нет работы. Понял? В ежовых рукавицах вас надо держать. Ну, чего стал?

Лакей поклонился и шмыгнул в вестибюль.

– Надо держать в ежовых рукавицах эту шваль, – ворчал про себя Дызма, – иначе на шею сядут.

Сунув руки в карманы, он принялся расхаживать по дому. Все комнаты были уже убраны. Только в спальне Куницкого кто-то из слуг, подметая пол, забыл щетку. Дызма позвонил и молча указал на нее лакею.

– Ишь, сволочь! – буркнул он, когда тот исчез за дверьми.

Дызма обошел первый этаж и поднялся наверх. В будуаре Нины окна были открыты настежь. Никодим попал сюда впервые и с любопытством принялся разглядывать мебель, картины, фотографии.

Больше всего было их на бюро. Никодим уселся в маленьком креслице и устался на них. Машинально попробовал выдвинуть крайний ящик, но тот был заперт, попробовал средний – поддался.

«Что тут у нее?» – подумал Никодим, выдвинув ящик до половины.

В ящике был тот же образцовый порядок, что и на бюро. Перевязанные голубыми и зелеными ленточками, громоздились пачки писем, большей частью от подруг Нины по монастырскому пансиону; он стал их просматривать, некоторые были написаны по-французски.

Тут же лежала книжка в полотняном переплете. Он заглянул в нее: рукопись, почерк Нины. Больше половины листов еще не исписано.

«Дневник», – сообразил Никодим и заинтересовался.

Он взял книжку в руки и уселся на подоконнике, чтобы не прозевать экипажа.

На первой странице афоризм:

«Понять – значит простить».

На обороте начинался дневник.

«Сегодня я принимаюсь за то, что было жестоко осмеяно многими, – начинаю вести дневник.

Нет, это не будет моим дневником. Питигрилли говорит, что человек, пишущий дневник, похож на того, кто, высморкавшись, разглядывает носовой платок. Он неправ – разве дело в том, чтобы записать события? Или хотя бы впечатления? Я, например, буду вести дневник только для того, чтоб увидеть свои мысли в их конкретном выражении. Мне кажется, мысль, не выраженная устно или письменно, не является мыслью сформулированной, осуществленной.

И еще одна ложь о дневнике: кажется, Оскар Уайльд утверждал, будто пишущий дневник ведет его для того, чтоб написанное мог впоследствии прочитать кто-то другой. Делает он это намеренно, в лучшем случае – подсознательно.

Боже мой! Ему, очевидно, не пришло в голову, что может существовать человек, у которого нет никого на свете, никого в ужасающем значении этого слова!

Для кого мне писать? Для мужа? Да ведь он равноценен той страшной пустоте, которая меня окружает, пустоте, которую нельзя заполнить. Для детей? У меня их нет и, увы, никогда не будет. Для родных, которые отвернулись от меня, или для сумасшедшего Жоржа?

Кася?... Никогда. Мы на разных полюсах, она никогда меня не поймет. Что из того, что она так меня любит? Разве можно вообще любить не понимая? Думаю, что нет. Впрочем, разве это любовь? Если даже и любовь, то она находится на примитивном уровне. Не раз приходило мне в голову: окажись я в силу какой-нибудь случайности обезображенной... Кася... Кем, собственно, она приходится мне? Почему я днем проклинаю минувшую ночь и не в силах защититься от наступающей ночи, иначе говоря – спастись от собственной слабости?..»

Никодим пожал плечами.

– Вот еще! Скулит и скулит. Что она этим хочет сказать?

Перевернул еще несколько страниц.

Дневник был без дат. На одной из страниц Никодим нашел короткую запись о поездке за границу, дальше размышления о музыке, потом речь пошла о каких-то Билитис и Мназидике: вероятно, кузины или подруги.

Никодим хотел найти что-нибудь о себе. И действительно, просмотрев еще страниц десять, обнаружил свое имя.

«Ну, посмотрим», – и он с интересом углубился в чтение.

«Я познакомилась сегодня с новым человеком. У него странное имя: Никодим Дызма. В этом имени есть что-то таинственное и волнующее. У него репутация сильного человека. По-моему, не без оснований... Он был бы хорош с бичом нищезанского сверхчеловека в руках. Он излучает мужскую силу. Быть может, грубую, первобытную, но такую могучую, что не покориться ей невозможно. Кася находит, что он груб, резок и банален. В первом она права. Что касается второго, то я еще не составила своего мнения. Мне он нравится».

Никодим улыбнулся, достал блокнот и выписал непонятные слова.

– Ну, а дальше?

Дальше было несколько страниц с описанием сна и ссоры с Касей. Никодим прочитал то место, где было снова упомянуто его имя:

«Она этого не понимает. Ненавидит Никодима, потому что у нее патологическое отношение к жизни. Что я собой представляю, если отбросить мою женственность? Ведь в ней мое существо. Мой интеллект, мои эстетические навыки – всё служит моей женственности, а не наоборот. Что же тут удивительного, если присутствие мужчины действует на меня не только психически, но и физически. Кто знает, будь это другой, такой же здоровый, нормальный мужчина, и он с той же силой воздействовал бы на меня».

– Ишь какая! – мотнул головой Никодим. – Лишь бы брюки. И уже ей достаточно.

Посмотрев в окно, он убедился, что можно продолжать чтение без опаски. Дальше шло несколько свежих записей – чернила еще не потемнели:

«Сегодня он уехал в Варшаву по вызову премьер-министра. Какое странное чувство – тоска. Она губит душевный покой. Будет ли он там изменять мне? Трудно сказать, я его еще мало знаю. Когда думаю о нем, у меня крепнет убеждение, что в основе его существа лежит какая-то тайна, в которой он замкнулся, как в раковине. Кто знает, раскроется ли когда-нибудь эта раковина от всепобеждающего тепла лучей? И, раскрывшись, не устроит ли меня?»

Не знаю, собственно говоря, ничего не знаю о нем, одно мне известно: я жажду его каждым своим нервом, каждой мыслью. Он говорит так мало, так мало и просто, что можно бы его заподозрить в ограниченности, если б не приходилось ежедневно убеждаться, что под этим низким лбом кипит неустанная работа могучего интеллекта. Кася утверждает, будто он некультурен. Неправда. Возможно, ему не хватает внешнего лоска, возможно, у него есть пробелы в воспитании, пробелы, которые, признаюсь, ставят в тупик, если вспомнить, что он учился в Оксфордском университете. Но, с другой стороны, может быть, это делается намеренно. Он демонстрирует презрение к условностям жизни только для того, чтобы тем самым подчеркнуть то, что относится к ее существу. То же чувствуется и в манере одеваться. Он, без сомнения, хорошо сложен, и только костюм делает его неуклюжим. Я задумывалась, красив ли он? Скорее нет. Но разве мне нужна красота? Он гипнотизирует меня своей мужской сутью. Мне хотелось бы, чтоб у него были более красивые руки. Сегодня я послала ему пространное письмо. Мне очень недостает его».

Следующая страница начиналась французской фразой, потом было написано:

«Произошло несчастье. Я думала, что лишусь чувств, когда прочла газеты. Я дрожу при одном лишь предположении, что он может не вернуться в Коборово».

– Вот влопалась баба! – пробурчал Дызма и подумал, что хоть это и приятно для самолюбия, но со временем может доставить много хлопот.

«Леон послал ему поздравительную телеграмму. Боже, если бы он принял предложение Леона и остался здесь! Я мечтаю переехать в Варшаву.

Нет, это невозможно. Я буду бояться выйти на улицу, чтобы не встретить тети Пшеленской или кого-нибудь из знакомых.

Я не могу смотреть им в глаза, и в то же время у меня нет сил отказаться видеть его».

Запись на следующей странице была еще короче.

«Я не спала всю ночь. Господи! Возможно, он будет богат!!!

Любит ли он меня?

Когда я его спросила, он коротко ответил: «Да». А это может означать или очень много, или ничего».

Никодим перевернул страницу и посмотрел в окно. В конце аллеи показался автомобиль. Это возвращался Куницкий.

Дызма торопливо поднялся, сунул дневник на старое место, стараясь не шуметь, вышел в коридор и спустился бегом по лестнице. Было уже самое время – распахнулись парадные двери, появился Куницкий, протянул к нему руки. Дызма упал в его объятия.

– Дорогой пан Никодим! Наконец-то! Сердечно поздравляю! Получили мою телеграмму? Ну и что? Вы организуете всё с размахом. В газетах вас так хвалят... Поздравляю от всего сердца. Впрочем, вы и сами знаете, я желаю вам только удачи.

– Благодарю вас.

– Садитесь же, дорогой пан Никодим, дорогой пан председатель. Я должен сделать вам одно предложение.

Он усадил Дызму в кресло, затем вдруг спохватился:

– Может, хотите отдохнуть?

– Нет, я не устал.

– Ну слава богу. Тогда, пожалуйста, выслушайте меня. Прошу ответа мне сразу не давать, если ответ отрицательный. Хорошо?

Никодим улыбнулся и прищурился:

– А если я угадаю, что вы хотите предложить, а?

– Возможно ли? – удивился Куницкий.

– Вы хотите, чтоб я остался у вас управляющим? Не так ли?

Бросившись к Никодиму, Куницкий снова заключил его в объятия. Он пустился приводить разные доводы и вскоре доказал как дважды два четыре, что Никодим должен остаться.

– Ведь председатель правления банка, дорогой пан Никодим, не государственный чиновник, он глава предприятия, он может располагать своим временем как угодно.

Никодим притворился, будто колеблется, но вскоре согласился, поставив условие: Куницкий не будет никому сообщать, что председатель хлебного банка состоит у него в управляющих.

Это условие было, разумеется, принято.

Тем временем вернулась Нина. Она не ответила на поклон Никодима, но широко открытые глаза говорили так много, что, будь Куницкий наблюдательней, он бы уже обо всем догадался.

Возможно, впрочем, что радость, вызванная согласием Никодима, ослабила его восприимчивость. Он шумно принялся объяснять жене, как он рад, что пан Никодим не оставит Коборова на произвол судьбы, будет заботиться о его интересах, часто наносить визиты.

– И я очень рада, – добавила Нина и, извинившись, пошла переодеться, так как обед по воскресеньям подавали в два часа.

К явному неудовольствию Нины день провели втроем. Куницкий живо интересовался банком, сроком его открытия, разглагольствовал об общем кризисе, рассуждал об обременительности налогов и расходов на социальные нужды, но уже не жаловался на то, что урожай удался на славу.

После ужина решили покататься на автомобиле. Вечер был на редкость хороший. Ехали лесом. Сияла луна, и облитая серебром дорога источала таинственное очарование. Вся отдавшись мечтам, Нина откинулась на подушки автомобиля. Даже Никодим чувствовал что-то необычайное в этой прогулке. Один только Куницкий говорил без умолку.

В одиннадцатом часу были дома. Нина сразу убежала наверх, а Куницкий, проводив Дызму до дверей его комнаты, пожелал ему спокойной ночи.

Никодим стал раздеваться.

Только сейчас появилась у него возможность поразмыслить над дневником Нины. Трудно было составить себе определенное мнение, в одном только сомнений не было: влюбившись в него без памяти, она питает надежду, что он на ней женится.

Больше всего его утешило то, что Нина верит в его оксфордское образование и в его ум. Видимо, избранная им система была верна. Но что касается женитьбы...

Собственно говоря, он впервые серьезно задумался над этим. Нина, конечно, ему нравилась, да и на графине жениться – это вам не баран чихнул: никто из знакомых ему сановников не женат на аристократке... Но, с другой стороны, вступить в брак с женщиной, у которой ни гроша за душой, да еще такие потребности... Одних этих платьев! Три раза в день переодевается, ездит за границу, меняет кольца и браслеты. Ведь Куницкий в случае развода ломаного гроша ей не даст...

Правда, оклад в банке большой, но и его не хватит. Наконец, кто знает, могут ведь выгнать из председателей – что он будет тогда делать с бабой на шее?... Вот если бы Куницкий, несмотря на развод, оставил его управляющим!.. Но об этом не могло быть и речи.

И еще одно затруднение: куда девать сумасшедшего брата? И этот оболтус еще будет сидеть на шее...

Никодим потушил свет, натянул одеяло до подбородка. Мысль о Понимирском окончательно решила вопрос.

«Дураков нет», – сказал сам себе Никодим и повернулся на бок.

Он уже стал засыпать, как вдруг по гравию аллеи закрипели чьи-то шаги.

«Что за черт шляется тут ночью?» – Никодим приподнял голову.

И вдруг ему стало страшно.

Среди бледных пятен лунного света, чередовавшихся с фантастическими тенями древесной кроны, у стеклянной двери в парк он различил чью-то фигуру...

«Вор!..» – промелькнуло в голове.

Фигура замерла на мгновение. Потом подняла руку – и послышался стук в дверь.

У Никодима мурашки забегали по спине. Внезапно блеснула мысль:

«Понимирский! Совсем уже рехнулся и пришел меня убить!»

Постучали громче. Дызма не двигался, ему было страшно пошевелиться. Успокоился он лишь тогда, когда увидел, что ручка поворачивается, а дверь не поддается – значит, заперта.

Это его ободрило. Он вскочил, пробираясь вдоль стены приблизился к двери. Осторожно, так, чтобы его не могли заметить, высунул голову.

И от удивления чуть не вскрикнул.

За дверью стояла Нина.

Никодим натянул брюки от пижамы и отворил дверь. Нина скользнула в комнату, обвила руками его шею.

Он потащил ее к постели.

– Нет, нет, – запротестовала она, – умоляю тебя... Не это... Сядем вот здесь... Я так тебя люблю за то, что ты можешь меня понять даже в этом отношении... Ты любишь меня?

– Люблю.

– Мой бесценный...

Начался рассказ о тоске, о надеждах, о радости, прерываемый частыми поцелуями.

– Знаешь, я не могла не прийти: я не заснула бы, если б еще сегодня не обняла тебя, не сказала тебе, как мне хорошо и спокойно, когда ты со мной, когда я уверена, что никакая другая женщина не отнимет тебя у меня. Скажи, ты изменял мне?

– Нет.

– В самом деле? Правда?

– До сих пор – нет.

– Скажи, – настаивала Нина, – у тебя нет в Варшаве любовницы?

Никодим заверил ее, что нет, и в награду был расцелован.

Он был зол на себя, что проявил так мало настойчивости, опасался даже, как бы Нина, выйдя от него, не назвала его рохлей за то, что он слюнятьничает с женщиной.

Тем временем Нина заговорила о его новом назначении и о том, что теперь они, пожалуй, могут пожениться.

Надо было пустить в ход дипломатию. Никодим задумался и ответил, что пока надо подождать – заработок его еще недостаточен.

– Во-вторых, ты сама говорила, что не хочешь жить в Варшаве, а ведь мне-то приходится жить там.

Нина опечалилась. Правда... Разве что поселиться где-нибудь под Варшавой. Никодим будет ездить в автомобиле... Она стала строить планы на будущее.

Никодима клонило ко сну. Чтобы не задремать, он закурил папиросу.

– Ах, – заговорила Нина, – у нас будут дети. Какое это наслаждение, какое счастье иметь детей! Скажи, милый, ты любишь детей?

Дызма не выносил детей, но ответил:

– Очень.

– Ах, это чудесно! У нас будет много детей...

– Слушай, – прервал ее Никодим, – а муж не заметил, что ты вышла из спальни?

Нина встревожилась. Действительно, она засиделась. В конце концов для нее это значения не имеет, но всё же лучше избежать скандала.

Они нежно простились, и Нина ушла.

Дызма лёг в кровать, натянул на голову одеяло и проворчал:

– К черту с такой любовью!

Глава 10

Государственный хлебный банк процветал. Экономический эксперимент удался сверх всяких ожиданий. На Польшу обратили серьезное внимание другие европейские государства, и пресса, особенно в аграрных странах, добивалась от своих правительств применения метода председателя Дызмы.

Сам председатель стал личностью, признанной правительственными кругами, и даже оппозиция относилась к нему с почтением, время от времени награждая его комплиментами. И в этом не было ничего удивительного.

Благодаря его твердой руке о государственном хлебном банке говорили как о хорошо организованном предприятии, где разумное хозяйствование сочетается с широким размахом.

Председатель Дызма прославился трудолюбием: да, да, этот человек отличался не только поразительной предприимчивостью, но и редкой работоспособностью. Его кабинет был недоступным святилищем, куда редко допускались клиенты. Только секретарь Кшепицкий имел туда неограниченный доступ. Он передавал ежедневно председателю доклады начальников отделов, просматривал корреспонденцию, прессу и был в курсе всех текущих дел. Ежедневно в одиннадцать утра к председателю являлся на совещание директор Вандрышевский. Совещание состояло в том, что директор излагал наиболее сложные вопросы, требующие как будто бы долгого размышления, но председатель всякий раз незамедлительно принимал решение:

– Это предложение отклонить.

Или же:

– Решить в благоприятном смысле.

Сначала это заронило у директора серьезные сомнения, но с течением времени, к своему собственному изумлению, он убедился, что решение председателя бывает всегда удачным. Разумеется, он не предполагал, что важную роль тут играют беседы председателя с секретарем Кшепицким.

Меж тем ваза для визитных карточек в квартире председателя стала наполняться. Приезжали не только политические и финансовые деятели, но и аристократы. Всякий раз, когда карточку князя Томаша Ростоцкого прикрывали другие карточки, Никодим вынимал ее снизу и клал на самый верх.

Визитеров он принимал редко и неохотно, отговариваясь делами. Тем не менее отдавал визиты всем, строго придерживаясь предписаний из книжки «Бонтон».

Знакомство его с пани Пшеленской и магическое слово «Оксфорд» отворили перед Никодимом двери всех плутократических и аристократических салонов. Князь Томаш называл его при всех современным Вокульским,²⁶ а multimиллионер Збигнев Шварцнагель – Неккером²⁷ двадцатого века.

Поэтому; когда возник острый конфликт между правительством и нефтяными магнатами, обе стороны охотно обратились к председателю Дызме с просьбой об арбитраже. Дызма рассудил как Соломон: сначала тянул с решением, чем снискал себе благодарность магнатов,

²⁶ В.Э.: Герой в романе «Кукла» Болеслава Пруса (1847–1912).

²⁷ В.Э.: Жак Неккер (1732–1804) французский банкир и политический деятель.

затем заявил, что экспортные премии за ввоз нефти применять нецелесообразно, и это удовлетворило правительство.

В связи с арбитражем пресса снова поместила портрет Никодима, чему бы тот вовсе не радовался, если бы мог предвидеть, к каким последствиям приведет в скором времени эта популярность.

Однажды, когда он сидел в своем кабинете, поглощенный чтением уголовной хроники в бульварных газетах, из смежной комнаты, где был кабинет Кшепицкого, донеслись вдруг громкие голоса. Было ясно, что кто-то добивается приема у председателя и, вопреки протестам Кшепицкого, пытается даже скандалить.

Это взорвало Дызму. Он вскочил и распахнул дверь:

– Что за галдеж, черт побери?!

Защищавший дверь Кшепицкий доложил:

– Пан председатель, тут какой-то Бончек или Бочек пытается к вам прорваться...

Не успел он кончить, как толстый, низенький человечек выскочил вперед и заорал:

– Привет, пан Никодим, это я!

Дызма покраснел. Перед ним с протянутой пятерней стоял пан Бочек – начальник почтовой конторы в Лыскове. Надо было немедленно взять себя в руки.

– Добрый день, прошу...

Никодим закрыл дверь, но, опасаясь, что Кшепицкий станет подслушивать, провел Бочека в отдаленный угол комнаты и, развалившись на диване, указал гостю стул.

– Чего вы хотите, пан Бочек?

Только теперь Бочек почувствовал робость.

– Да я так, по старому знакомству, пан Никодим.

– Пан Бочек, – прервал его Дызма, – председатель Совета министров называет меня «пан Никодим», а вы можете сделать небольшое усилие и, обращаясь ко мне, говорить «пан председатель».

– Прошу прощения, это вырвалось у меня по-старому, по-товарищески... пан председатель.

– Об этом забудьте. Чего ты хочешь, Бочек?

– Да так, решил обратиться к вам с покорнейшей просьбой, пан председатель, вроде как по старому знакомству.

– Хорошо, хорошо, в чем же дело?

– Заступитесь за меня, пожалуйста, Вот уже месяц, как я без работы. Жена, дети...

– Выгнали?

– Уволили, э-э-э... пан Ник... пан председатель. Враги подослали комиссию, был в ней такой Скворонек из окружного управления – собака, не человек, – так он отыскал какие-то непорядки в книге ценных посылок, в той самой, которую когда-то вели вы...

– Тише, черт тебя побери, чего орешь!

Бочек от изумления вытаращил маленькие, прикрытые жирными складками глазки. А ведь он вовсе не кричал... Уж не боится ли его прежний подчиненный, как бы кто не услышал, что... Бочек был достаточно сообразителен.

– Ну, так чего ты хочешь?

– Я хотел попросить у вас места, потому что...

– Нет у меня никаких мест. Всё занято.

– Шутите, пан председатель. Стоит вам только шевельнуть пальцем...

– Я не собираюсь шевелить пальцем, понимаешь, Бочек? Не думаю! Для чего мне шевелить, а? С какой-то стати? Когда я был твоим подчиненным, дорогой мой, ты мной помыкал, орал на меня, а теперь... Ты у меня запоешь еще не ту песенку... Фига с маком, вот что!

Бочек сидел насупившись.

– Шиш, а не место! Смотри-ка! Такую цацу из себя корчил, а теперь спину гнет!

Никодим в возбуждении встал, топнул ногой.

– Ты знаешь, с кем имеешь дело?! С председателем, с другом министров! Болван!

Встать, раз я стою.

Бочек поднялся не спеша.

– Прикажу – тебя в три шеи с лестницы спустят! И никто слова мне не скажет. Убирайся подобру-поздорову и держи язык за зубами, понял? Ни слова никому о своей с...й почте и о том, что меня знаешь. Ни звука! Пошел вон!

Бочек не двигался с места и, глядя в пол, произнес:

– Хорошо, я уйду. Только насчет лестницы – это не так уж просто... Есть еще справедливость на свете... А если в газете напишут, что пан председатель своего бывшего начальника...

– Что? – рявкнул Дызма.

– Чего вы кричите, пан председатель? Рот заткнуть мне хотите? Сегодня ваша взяла, но мы еще посмотрим... Я ухожу... До свидания...

Бочек поклонился и направился к выходу.

– Постой! – окликнул его Дызма.

Бочек остановился и посмотрел исподлобья.

– Стою.

– Что ты собираешься делать?

– Что собираюсь...

– У-у... гадина! – Никодим плюнул на ковер. Растер плевков ногой и, сев за письменный стол, взял телефонную трубку, попросил какой-то номер и начал разговор.

– Говорит председатель правления хлебного банка. Добрый день, пан директор . . . . .
. . . . . Благодарю. Так себе. Не можете ли вы пристроить к себе на фабрику одного человечка? . .
. . . . . Да, ничего, способный... да... Бочек, Юзеф Бочек . . . . . Значит, решено? Большое спасибо... Да, понадобилось... До свидания.

Дызма повернулся к улыбающемуся Бочеку.

– Ну, нелегкая тебя побери. Даю место.

– Покорнейше благодарю, пан председатель.

– Только имей в виду, Бочек, – Дызма поднес увесистый кулак к самому носу своего бывшего начальника, – имей в виду: держать язык за зубами.

– Еще бы, пан председатель, молчок! – И Бочек расшаркался, клюнув носом в кулак Дызмы.

Никодим сел за письменный стол, на листке блокнота написал адрес.

– Пойдешь туда завтра в час дня.

– Спасибо, пан председатель.

Бочек хотел было попрощаться, но Никодим сунул руки в карманы.

Бочек поклонился еще раз и вышел.

– Сволочь! – буркнул Дызма.

Он заметил в глазах Бочека ненависть и, хотя был уверен, что тот его теперь не «продаст», решил всё же что-то придумать для предотвращения возможной опасности.

Между тем вошел с письмами Кшепицкий, он принес с собой свежую сплетню: один из бухгалтеров пишет любовные, записки машинистке из отдела писем.

– Это которой? – осведомился Никодим.

– Такая хорошенькая брюнетка, у окна сидит.

– А что директор?

– Ни о чем не знает.

– Не выгнать ли бухгалтера?

Кшепицкий пожал плечами.

– Стоит ли? Жена, детишки...

– Вот свинья! Скажите ему, что я всё знаю, пусть покончит со своими интрижками.

Кшепицкий кивнул и, перебирая бумаги, заговорил о делах.

Никодим слушал рассеянно, наконец спросил:

– А она хорошенькая?

– Кто?

– Да та брюнетка.

– Очень хорошенькая.

Дызма широко улыбнулся.

– А насчет этого?..

Кшепицкий присел на краешек стола.

– Пан председатель, разве можно о какой-нибудь женщине сказать что-то наверняка?
Хе-хе-хе!

Никодим хлопнул его по колену.

– Ишь фрукт! Если б вы только знали, с какой женщиной у меня были встречи, вы бы изумились до обалдения.

– Не с пани Яшунской?

– Тьфу, жаба!

– А я знаю эту женщину?

– Знаете. Точнее сказать – знали, когда она была девушкой. Ну?..

– Понятия не имею.

Никодим поднял палец и с ударением произнес:

– Пани Куницкая.

– Нина?.. Нина?! Не может быть...

– Честное слово.

– Не может быть...

Дызма потер руки.

– Первостатейная баба! Доложу вам – конфетка!

– Не сердитесь, пан председатель, но я никогда не поверю, чтобы Нина могла спутаться со всяким...

– А кто вам сказал, что со всяким? Со мной – не со всяким.

– А хоть бы и с вами, – не унимался Кшепицкий, – я в свое время пробовал – ничего!

А теперь, когда у нее муж...

– Идите-ка вы с этим мужем... – разозлился Никодим. – Старый хрыч, развалина, ни рыба ни мясо! А меня она любит, понимаете? Влюбилась с первого взгляда!

Кшепицкий недоверчиво поглядел на начальника. Он знал утонченную натуру Нины и не мог себе представить, что она...

– Ну что, не верите?

– Верю: от женщин можно всего ждать.

Кшепицкий подумал, что, в сущности, этот факт – лишнее доказательство того, что Дызма обладает какой-то магнетической силой, о которой он, Кшепицкий, не имеет и представления, но с которой сталкивается ежедневно.

– За меня в огонь и в воду! – хорохорился Дызма.

– Не собираетесь ли вы на ней жениться?

Тот пожал плечами.

– На голой-то?

– А Коборово? У нее там, наверно, есть какая-нибудь часть.

– На бумаге всё Коборово ее. Но только на бумаге.

– Постойте, постойте... Я что-то не припомню...

Дызма коротко объяснил положение дел. Кшепицкий покачал головой:

– Гм... любопытно...

Зазвонил телефон, и разговор оборвался. Директор Вандрышевский просил Кшепицкого зайти к нему на минуту по срочному делу.

В тот же самый вечер Дызма был на приеме в доме князя Ростокского. Первый салон не только столицы, но и всей Польши. Желая быть как можно элегантнее, Никодим хотел даже натянуть фрак. Но ввиду того, что «Бонтон» рекомендовал смокинг, Никодим позвонил Кшепицкому и, по его совету, отказался от фрака.

Курьер Игнатий, который одновременно был и лакеем председателя, отпирая двери, сказал:

– Пан председатель выглядит точь-в-точь как Валентино.

– Здорово, а?

– Все бабы – труп! – И Игнатий ударил себя в грудь.

Это придало Дызме уверенности. По правде сказать, он трусил. Одно дело – министры или там пани Пшеленская, другое дело – настоящая аристократия. Когда-то давно, еще в Лыскове, он воображал себе князей и графов такими, какими они описаны в самой замечательной на свете повести – в «Прокаженной»²⁸. Один раз ему даже приснилось, что он – владелец роскошного поместья Михоровский и что он пытается завоевать сердце младшей панны Бочек, дочери этого

²⁸ «Прокаженная» – модный в те годы бульварный роман Елены Мнишек.

мерзавца Бочека. Но, познакомившись в Коборове с полусумасшедшим графом, Дызма проникся страхом, что вся знать будет обращаться с ним на манер Понимирского.

Это долго удерживало его от посещения тех аристократических домов, куда его приглашали. Он ограничивался тем, что посылал, визитные карточки, и только сегодня вечером решился на дебют.

Никодим утешал себя мыслью, что в салоне князя Ростоцкого он найдет поддержку в Яшунском и Варедо. Действительно, уже в передней встретился он с Варедой. Тот отдавал лакею пальто.

Поздоровавшись, они рука об руку поднялись по широкой мраморной лестнице во второй этаж, где было уже человек двадцать гостей.

Тут же у двери князь Томаш, стройный черноволосый, уже седеющий мужчина, беседовал по-немецки с двумя гостями.

– Обрати внимание, Никусь, – сообщил Вареда, – этот шустрый коротышка – барон Рейниц, берлинский дипломат, знаменитый гонщик, слышал?

– Ага... А другой?

– Граф Иероним Конецпольский. Похож на бурлака; говорят, его мать...

Не успел он кончить, как князь Томаш, заметив Дызму, извинился перед собеседниками и подошел к вновь прибывшим. Никодим и Вареда прошли вслед за хозяином в гостиную.

– Здравствуйте, здравствуйте. Наконец-то пан председатель почтил нас посещением. Когда же, полковник, мы увидим вас в генеральских эполетах? Знакомьтесь, пожалуйста, – сказал он, представляя Дызму двум своим собеседникам. Полковник был с ними уже давно знаком.

Заговорили по-немецки. Князь превозносил до небес хозяйственный гений Дызмы, то и дело называя его Наполеоном экономики. Дипломат вежливо кивал, граф Конецпольский усердно поддакивал.

Вдруг с дивана поднялась высокая, до невероятия тощая дама.

– Позвольте вас представить моей жене. Она давно хотела с вами познакомиться, – сказал князь и повел Дызму навстречу худой даме, которой с равным основанием можно было дать и двадцать пять лет и сорок. Она заулыбалась издалека и, прежде чем князь успел назвать фамилию гостя, воскликнула:

– Знаю, знаю, мне уже сказали. Здравствуйте, пан председатель. Как я рада, что могу наконец пожать руку человеку, который спас основу нации – вступился за помещиков!

И она протянула Дызме свою некрасивую, массивную руку, украшенную маленьким перстеньком.

– Землевладельцев, землевладельцев! – мягко поправил князь.

– Разве это не синонимы? – улыбнулась княгиня Никодиму.

– Извините, долг хозяина, – сказал князь, поклонившись, и покинул их общество.

– Не желаете ли познакомиться с графиней Конецпольской? Ваша поклонница.

Правда, она получила воспитание в Вене и плохо говорит по-польски, но живо интересуется нашими делами. А *groros*,²⁹ как вы предпочитаете говорить: по-немецки или по-английски?

– По-польски.

– Ах, это очень патриотично! Я вас понимаю. Можно учиться языкам, чтобы читать иностранную литературу, но родной язык выше всего. Например, Жан Огинский... Вы знакомы с Жаном Огинским?

– Очень мало.

– Должна вам сказать, он немного чудаковат, но кто знает, может быть, применение такого метода – заслуга перед отечеством? Он бросил лозунг: говорить с иностранцами только по-польски! Это прекрасно, не правда ли? Почему, в самом деле, в Париже или в Лондоне мы говорим на их языке? Пусть они, когда бывают у нас, говорят на нашем.

– Это верно, но они не умеют...

– Да, да, понимаю, теория неосуществима на практике. Вы правы. Я же говорила: Жан Огинский – чудаки.

В дальнем конце гостиной человек восемь гостей, главным образом дамы, оживленно беседовали о чем-то.

---

²⁹ Кстати (франц.).

– Позвольте представить вам председателя Дызму, – обратилась к ним графиня по-французски.

Мужчины встали, представившись, крепко пожали Никодиму руку. Ляля Конецпольская зашебетала что-то по-немецки, чопорный старик с моноклем, неторопливо цедя слова, произнес английскую фразу. Из всего этого Дызма только уловил дважды свое имя.

Он растерялся, собрался было обратиться в бегство, но княгиня уже исчезла; ему пододвинули стул.

Дызма сел – другого выхода не было. Улыбнулся беспомощно. Водворилась тишина, и Никодим понял: надо что-то сказать. В мозгу зияла страшная пустота. Появилась злоба – почему это в его присутствии говорят на трех непонятных ему языках? Он хотел ответить что-нибудь – и не мог.

Положение спас лысый толстяк, сосед графини Конецпольской.

– Итак, – начал он, – мы имеем возможность убедиться, что слух о неразговорчивости пана председателя не легенда.

– Наконец-то по-польски! – не выдержал Никодим. Он до того был подавлен безнадежностью положения, что у него невольно вырвалось то, что он думал, то, что, казалось, должно было погубить его окончательно.

Все рассмеялись, и Дызма, к своему изумлению, обнаружил, что не только не попал впросак, но даже сказал что-то остроумное.

– Вы против иностранных языков? – спросила юная особа с крохотным ротиком и бритыми ниточками-бровями.

– Вовсе нет! Я только полагаю, что Огинский прав. – Никодим пришел уже в себя. – Надо знать иностранные языки для литературы и для поездки за границу, а говорить по-польски.

– Ах! А ешли кто не умеет? – спросила графиня Конецпольская.

Дызма задумался на мгновение и ответил:

– Пусть научится.

– Bravo, bravo! – раздались голоса.

– Так разрубают гордиев узел, – с убеждением сказал дородный брюнет в очках с золотой оправой, – это связано с престижем нашего государства.

Чопорный старик с моноклем наклонился к седеющей даме и почти вслух произнес:

– Камергер его святейшества опять угостит нас рассуждениями о державе. Будущий гетман коронный!

Все улыбнулись, а брюнет принялся возражать:

– Шутки в сторону, ординат.³⁰ Я всегда говорил и буду говорить, что есть два пути превращения нашей страны в великую державу: поднять наш престиж и заключить брачные связи с аристократическими домами Европы. Поэтому я рад, что сегодня в нашем кругу находится государственный муж и человек дела, который принял мою сторону. Ибо...

Он продолжал, а Никодим, воспользовавшись тем, что старик с моноклем угостил его папирсой, спросил:

– Почему вы сказали о нем, что это будущий гетман?..

– Как! Вы не знаете? Это ж депутат Лясковницкий, помещик из-под Кракова. Воплощение безобидного снобизма... Считает себя магнатом, так как женат на баронессе фон Лидемарк.

– ...Идея государственности... – не унимался Лясковницкий, – веками вынашивалась в нашем сословии. Не будем забывать, что Чарнецкий переплыл море, Жулкевский занял Москву, а Ян Варненчик завоевал Вену...³¹

– Что верно, то верно, – перебил его толстяк, – но, дорогой мой, теперь иные времена.

³⁰ Ординат – владелец майората, имения, переходящего по наследству к старшему сыну.

³¹ В ноябре 1658 года, в период войны со шведами, Чарнецкий, вплавь перебравшись на остров Альсен, захватил его. В 1683 году польский король Ян Собеский (1624–1696), разгромив турок, взял Вену. Видимо, герой соединяет воедино Яна Собеского и другого польского короля, Владислава Варненчика (1425–1444). **В.Э.:** Ну, а гетман Стефан Жулкевский в 1609 году возглавлял польский интервенционный корпус, вмешавшийся в гражданскую войну «Смутного времени» в России, на два года занял Москву и пленил братьев Шуйских – в том числе краткосрочного царя Василия IV Шуйского.

– Ну и что же? Прежде польские дворяне проливали свою голубую кровь на рубежах, а сегодня мы внутри нашего отечества по наследству являемся поборниками государственной идеи, ее оплотом, если хотите – ее сокровищницей.

– Кажется, в нашей сокровищнице, – сказала почти беззвучным голосом седеющая дама, – только и есть, что одна эта мысль!

Старик с моноклем, которого только что величали ординатом, ответил с полупоклоном в сторону Никодима:

– Будем надеяться, что вскоре эта сокровищница пополнится более конкретным содержанием.

Графиня Концепольская с очаровательной улыбкой обратилась к Дызме:

– Ach, sagen Sie, bitte, Herr Präsident...³² Ach, pardon...³³

Графиня перешла на польский язык, безжалостно коверкая слова:

– Мошет, ви мне скажете, как делается такая заметшательная мисль?

– Какая мысль?

– Ну та гениальная мисль, с той хлебной облигацией? Я никогда не видела людей, ну... ну...

– Изобретательных? – пришел ей на выручку ординат.

– Mais non,³⁴ людей в *Ökonomie*³⁵ таких, как, par exemple,³⁶ в музыке Стравинский...

– Ага, – пояснил лысый толстяк, – пани Ляля хочет сказать: создателей новых течений.

– Да, да, – подтвердила она, – я любопытна, как это видумивается...

Никодим пожал плечами.

– Совсем просто: человек садится, думает и придумывает.

Для иллюстрации он подпер рукой голову. Это вызвало всеобщий смех. Дама в пепельном платье, молча наблюдавшая Дызму в лорнет, кивнула головой.

– Пан председатель, вы неподражаемы. Такого рода юмор напоминает мне Бестера Китона: бесстрастное лицо подчеркивает остроумие выходки.

– Ви злой, – с обиженной гримаской сказала Ляля. – Я спрашиваль, трудно ли видумивать такую мисль?

– Ничуть, – ответил Дызма, – совсем легко. Надо только иметь немного...

Он никак не мог вспомнить, как называлось это в словаре иностранных слов – то ли интуицией, то ли инфляцией, – и закончил наугад:

– ...Интуиции.

Снова раздался смех. Заметив хозяйку, седеющая дама воскликнула:

– Жанетта! Твой председатель очарователен!

– Что за *esprit d'à propos*³⁷ – добавила девица с оскальпированными бровями.

Княгиня была в восторге. Правда, Дызма не произвел такого фурора, как привезенный на последний раут подлинный, по заверению устроителей, кузен Аллена Шербо, но и сегодня все были довольны «звездой вечера». Кружок гостей, обступивших Дызму, всё увеличивался. Никодим поздоровался с худощавой баронессой Леснер – дамой, которую встречал на бридже у Пшеленской. У той, видимо, не было тайн от баронессы, потому что она немедленно осведомилась у Никодима, не известно ли ему, как поживает «этот бедный Жорж Понимирский».

– Благодарю вас, неплохо.

– Так вы знакомы с Понимирским? – заинтересовалась безбровая девица.

– Как же! – ответил Никодим. – Мой коллега по Оксфорду.

Завязался разговор о семье Понимирских, которую здесь все хорошо знали. Улучив момент, вставил в разговор слово и депутат Лясковницкий:

– Какая страшная трагедия в этой семье! Выдали дочь за ростовщика. Как его фамилия?

– Куницкий, – подсказал Никодим.

– Неравные браки, – продолжал депутат, – могут обескровить наше сословие и...

³² Ах, скажите, пожалуйста, господин председатель... (нем.).

³³ Ах, простите (франц.).

³⁴ Да нет же! (франц.).

³⁵ Экономике (нем.).

³⁶ Например (франц.).

³⁷ Находчивость (франц.).

– Пан депутат, – прервала его княгиня, – извините, что перебила вас, но я хотела спросить...

И, когда он подошел к ней, зашептала:

– Имейте в виду: председатель, кажется, в родстве с Понимирскими.

Речь между тем зашла о Пшеленской. Баронесса утверждала, что пани Пшеленской перевалило за пятьдесят, а ординат спорил, что не будет и сорока пяти. Никодим счел уместным информировать общество:

– Пани Пшеленской тридцать два года.

Все посмотрели на него с изумлением, а лысый толстяк спросил:

– Откуда это вам известно, пан председатель? Может быть, чуть побольше?

– Ну вот еще, – решительно заявил Дызма, – я это точно знаю: мне сообщила сама пани Пшеленская.

Он сказал это с полной убежденностью и был поражен, услышав в ответ раскаты хохота. Конецпольская чуть не десятый раз повторила, что он злой.

Хотя Дызма и успел освоиться с обществом, всё же, увидев Яшунского, он ощутил немалое облегчение. Извинившись, Дызма направился к нему. Оба стали у окна, и Яшунский начал рассказывать какой-то анекдот.

– Необыкновенный человек, – заметил депутат Лясковницкий.

– С кем это он разговаривает? – заинтересовалась седеющая дама.

– Да... Председатель Дызма... Чувствуется, что даже в светской беседе он думает о важных делах. Удивительно интересный человек.

– Тип государственного мужа, – с убеждением заявил депутат.

– Очень интересный, – отозвалась безбровая девица.

– Он действительно из курляндских баронов? – спросила седеющая дама.

– О да, – подтвердил Лясковницкий, считавший себя знатоком геральдики. – Несомненно.

– Вполне *comme il faut*,³⁸ – решила княгиня.

Никодим рано вернулся домой и, поразмыслив над своим успехом у князя Ростоцкого, завалился спать.

Итак, он познакомился с высшей знатью, и она отнеслась к нему с почтением. Он получил несколько приглашений на различные дни. Никодим занес даты в записную книжку, он решил посещать как можно больше домов: вреда от этого не будет, а пользу принести может.

В сущности, он был невысокого мнения об аристократах.

«Дураки, – подумал Никодим, – только скажи что-нибудь, они уже в восторге, точно ты Америку открыл».

Но это не означало, что он решил изменить своей тактике, благодаря которой прослыл великим молчальником.

Сон прошел. Ворочаясь с боку на бок, Никодим курил папиросы одну за другой, наконец встал, зажег свет.

Ему пришло в голову: не прочитать ли письма Нины?.. Их набралось три большие пачки, почти все нераспечатанные. Он снова лег, стал читать. Всюду повторялось одно и то же: любовь, тоска, надежды, просьбы приехать, ну и, конечно, рассуждения.

Это было так скучно, что Дызма через четверть часа швырнул письма на пол и потушил свет.

Он стал вспоминать женщин, которые попадались ему в жизни. Было их не много, и, надо признать, ни одна из них не отняла у него столько времени, не заставила столько думать о себе, как Нина. Вспомнил он Маньку с Луцкой улицы. Наверно, совсем опустилась и дошла до билета. В сущности, жаль девчонку... Что бы она сказала, если б узнала, что их бывший жилец стал такой большой шишкой... Вот ахнула бы...

А чего стоят все эти бабы, которых он встретил в салоне князя Ростоцкого...

«И эти тоже зарились на меня, но, по совести сказать, я и понятия не имею, что с такими делать... Впрочем, все одинаковы. Если ты здоровый мужик, то уж сообразишь, что делать...»

³⁸ Порядочный (франц.).

Глава 11

Заседание наблюдательного совета открыл председатель Дызма, после чего секретарь Кшепицкий объявил порядок дня, затем слово взял директор Вандрышевский.

Собравшихся было человек пятнадцать, и все сосредоточенно слушали отчет. Было ясно, что первый период деятельности хлебного банка оправдал возложенные на него надежды; доказательством тому служило оживление в сельском хозяйстве, массовые закупки искусственных удобрений, сельскохозяйственных машин, оборудования для маслобоен. Рост цен на хлеб, как это явствовало из анализа ситуации, решительным образом повлиял на подъем экономической жизни страны, которая теперь вплотную приблизилась к ликвидации кризиса, что следует приписать гениальному эксперименту нашего уважаемого председателя Никодима Дызмы и его гибкому руководству сельскохозяйственной политикой.

Послышались крики «браво», и председатель, поднявшись с места, стал кланяться налево и направо членам наблюдательного совета.

Приступили уже к мелким отчетам, когда вошедший на цыпочках курьер вызвал Кшепицкого.

Через минуту тот вернулся и, наклонившись к уху председателя, прошептал:

– Пан председатель, приехала графиня Конецпольская.

– Конецпольская? Чего надо?

– Хочет вам что-то сказать. Хорошенькая бабенка. Попросите, пусть начальник департамента Марчевский заменит вас – выйдете к ней.

– Удобно ли?

– Удобно. Важного всё равно ничего уже не будет, предложения примут без обсуждения.

– Ладно. Что им сказать?

– Можете сказать, что должны принять иностранца.

– Кого?

– Неважно, спрашивать не будут – иностранца.

Никодим жестом остановил чиновника, читавшего доклад.

– Я очень извиняюсь, ко мне приехал по важному делу иностранец. Может быть, вы, пан Марчевский, замените меня?

– Пожалуйста!

Дызма поклонился и вышел.

Толстяк в темных очках придвинулся к соседям, вполголоса проговорил:

– Соображает же этот Дызма. Министерская голова!

– Неиссякаемая энергия.

В небольшой гостиной, которая служила одновременно приемной, Дызму ждала графиня Конецпольская. Брезентовый комбинезон, кожаный шлем, на котором сверкали очки, делали ее неузнаваемой. Не без шика поздоровавшись с Дызмой и немилосердно коверкая слова, графиня заявила, что приехала только затем, чтоб забрать его в деревню.

Дызма удивился до крайности. Он не имел ни малейшего желания куда-либо ехать, тем более что договорился встретиться вечером с Варедой. Но Ляля не принадлежала к числу уступчивых. Она посулила ему сюрприз; когда и это не возымело действия, состроила глазки и заявила напрямик, что муж уехал за границу.

Отговориться возможности не было. Пришлось пойти переодеться и, согласно инструкции, взять с собой пижаму. Велев Игнатию оповестить Кшепицкого о его отъезде, Дызма спустился с лестницы.

Конецпольская сидела уже за рулем двухместного спортивного автомобиля без дверец. Последнее обстоятельство не очень-то обрадовало Дызму, когда он подумал о предстоящем путешествии.

Ляля помчалась с головокружительной скоростью, чуть не сшибла полицейского на перекрестке и, с улыбкой глянув на струхнувшего пассажира, еще прибавила газу. Через несколько минут они были уже у заставы. Тут начиналось прямое как стрела, недавно асфальтированное шоссе, и Ляля увеличила скорость километров до ста двадцати.

– Приятно?

– Нет, – откровенно признался Дызма.

– Почему?

– Слишком быстро, трудно дышать...

Ляля поехала медленней.

– Вы не любите шкорость?

– Не люблю.

Ляля рассмеялась.

– А я безумно... В прошлый год в Мюнхене на автомобильных гонках я взяла за шкорость второй премия, я тогда добилась...

Ее слова перекрыл оглушительный треск. Ляля нажала на тормоз, и машина остановилась на обочине.

– Что случилось?

– Кишка лопнула! – Смеясь, она выскочила из автомобиля. – Помогать, помогать!

Никодим помог снять запасное колесо. Едва они тронулись в путь, Ляля заверещала:

– Шорт возьми! Бровь в глаз попала!

Никодим расхохотался.

– Ресница?

Ляля сердито фыркнула.

– А ну вас! Всё равно. Прошу посмотреть и поправить, у меня руки грязный.

Никодим глянул. Действительно, одна из ее длинных ресничек загнулась и попала под веко.

Он собрался было уже помочь, но Ляля хлопнула его по руке:

– Зачем руками, у вас тоже грязный...

– Так чем же? – спросил Никодим с изумлением.

– Ах, такой умный шеловек и такой дурашок! Губами!

Никодим рассмеялся.

– Ну, тем лучше.

Он провел несколько раз губами по дрожащему веку.

– Всё в порядке?

Ляля кивнула.

– Тот глаз хороший, теперь другой.

– Как! И в другой тоже попало?

– Еще нет, но, может быть, потом. – И она снова подставила ему лицо. Дызма наклонился к ней, и они стали целоваться.

– Приятно?

– Да.

– Ну так ехать!

Одним прыжком Ляля очутилась в машине.

– Садитесь! Садитесь!

Автомобиль рванулся с места.

«Вот бес! – подумал Дызма. – Эти бабы готовы живьем слопать человека...»

Выехав из рощицы, они нагнали другую машину. Ляля крикнула что-то по-французски. Две молодые девушки весело ей ответили. Некоторое время оба автомобиля шли вровень, девушки и Дызма разглядывали друг друга. Обе были, по-видимому, хорошенькие; впрочем, об этом нельзя было сказать наверняка – шоферские очки закрывали чуть ли не пол-лица.

– Кто это? – спросил он у Ляли.

– Панна Икс и панна Игрек, – засмеялась та в ответ.

– Не понимаю.

– И не надо. Зашем всё понимать? Увидите сами.

– Они тоже к вам?

– Ага!

– Так, значит, там будет много народу?

– О нет! Какой любопытный. Увидите. Говорила вам – сюрприз.

Дызма почувствовал досаду и насторожился. До этого он был уверен, что Конецпольская везет его в имение только потому, что она одна, без мужа: это, казалось бы, подтверждала история с ресницей. А теперь, оказывается, там будет кто-то еще...

И действительно, когда они свернули с шоссе на дорогу, окаймленную низко подстриженной живой изгородью, в конце дороги, у дома, Дызма заметил несколько автомобилей.

На террасе в плетеных креслах сидели дамы. Как только автомобиль остановился, все гурьбой сбежали с лестницы, приветствуя хозяйку дома, и с любопытством стали рассматривать Дызму. А тот, очутившись в таком многолюдном женском обществе, растерялся.

– Так вот он, сильный человек! – патетически воскликнула крашенная блондинка с подведенными глазами.

Дызма нахохлился и молча поклонился. Хозяйка извинилась перед гостями и побежала переодеваться. Дамы окружили Никодима.

– Пан Никодим, вы приверженец Западного Обряда? – деловым тоном осведомилась коренастая брюнетка.

Удивленный Дызма вопросительно глянул на нее.

– Не понимаю, что вы хотите сказать?

– Отвечайте смело, – успокоила его чахлая девица с мечтательными глазами, – здесь только посвященные.

«Дело дрянь, – подумал Дызма, – они надо мной смеются».

– Мы только не знаем, – заметила брюнетка, – принадлежите вы к белой или к черной церкви.

– Я католик, – заявил Дызма после минутного колебания.

Всеобщий смех ошарашил его еще больше. В душе он проклинал себя за то, что поддался уговорам и поехал.

– Ах, пан председатель, – воскликнула дама с крашеными волосами, – вы бесподобны! Неужели каждый сильный человек считает, что женщины неспособны на серьезный разговор о вещах высшего порядка?

– Вы скрытный человек.

– Вовсе нет, я только не понимаю, что вы имеете в виду.

– Ну хорошо, – смирилась брюнетка, – выскажите свое мнение, может ли панна Рена, – и она показала на бледную девушку, – может ли панна Рена быть хорошим проводником астральных флюидов?

Никодим посмотрел на панну Рену и пожал плечами.

– Откуда мне знать?

– Я понимаю, но все-таки?

– Если хорошо дорогу знает, то может.

Водворилось молчание. Дамы задумались.

– Вы имеете в виду эзотерическую дорогу? – спросила брюнетка.

– Да, – ответил наобум Никодим, решив тотчас по возвращении заглянуть в словарь, чтобы узнать, куда, собственно, ведет эта эзотерическая дорога.

Тем временем появился автомобиль с девушками, который они обогнали на шоссе.

Снова посыпались приветствия. Никодим выяснил, что старшую зовут Ивонной, младшую – Мариеттой, фамилия – Чарские. Обе тотчас пошли переодеваться.

– Славные девушки, – заметила крашенная дама. – Мне кажется, Мариетта была бы прекрасным медиумом. Ее утонченность в сочетании со спокойствием создают необычайно чувствительную амальгаму. Не правда ли, пан председатель?

– Конечно, почему бы нет.

– Прodelайте, пожалуйста, с ней эксперимент, – продолжала крашенная дама свою атаку. – У меня такое впечатление, что ваша воля легко сломит спиральную реакцию самопознания. Императив внушения способен воздействовать даже на такие прослойки высших сил, о существовании которых до сих пор у самого субъекта или объекта – это уж как хотите – не было даже проявлений четвертой степени. Именно интуиция...

К счастью, вернулась Концепольская, и Дызма отер со лба пот.

– Внимание, друзья мои! – воскликнула она, став в дверях. – Наш гость не любит, когда говорили на иностранных языках! Ах, ви здесь! Здравствуйте, здравствуйте.

Через минуту явился лакей и доложил, что завтрак подан.

К счастью для Дызмы, оживленная общая беседа избавила его от мучительных ответов. Он только издавал по временам неопределенное мычание. Говорили больше всего о моде, о планах на осень. И лишь деловитая брюнетка то и дело возвращалась к странным темам, которые показались сперва Дызме мистификацией. В конце концов он решил, что всё это должно иметь какую-то связь с вертящимися столами.

В четыре кончили обедать. Дамы выпили много вина и коньяку, оживление почти граничило с фривольностью. На этом легкомысленном фоне Дызма по-прежнему сохранял достоинство и серьезность.

Опять перешли на террасу. Стоявшие возле дома машины исчезли – их, вероятно, убрали в гараж. Гости разбрелись по дому и парку. Хозяйка взяла Дызму под руку и, окликнув брюнетку, которую звали Стеллой, повела их и гостиную. Никодим понял, что теперь наконец выяснится цель приезда.

Действительно, Концепольская сделала серьезное лицо и села, закинув ногу на ногу. Стелла с деловым видом закурила. Затем Ляля начала говорить, безжалостно калеча родную речь и не скупясь на иностранные выражения.

Она говорила о каком-то откровении, согласно которому необходимо устроить в Польше ложу, потому что во многих странах такие ложи есть, а здесь ее до сих пор не было. Ложа должна быть рассчитана на двенадцать женщин и одного мужчину. Женщины будут называться паломницами Троесветной Звезды, а мужчина – Великим Тринадцатым. Он будет владыкой над тремя законами: жизни, любви и смерти. В каком театре должна быть устроена эта ложа, Концепольская так и не сказала. Затем слово взяла Стелла. Она изъяснялась так темно, что Дызма почти ничего не понял. То ему казалось, что это будет монастырь, то шайка торговцев живым товаром, потому что речь шла о «вовлечении молодых девушек путем обмана», о «спиритическом насилии», об «извечном законе рабства».

Одно только было ясно: сама графиня во всем этом деле мало что значит, тут больше Стелла.

Снова заговорила Концепольская. Она заявила, что они решили обратиться к Никодиму с просьбой, чтоб он стал Великим Тринадцатым. Они пришли к убеждению, что он, человек непреклонной воли и глубокого ума, более всех достоин власти. Лишь он один сможет справедливо владеть в ложе законами жизни, любви и смерти – теми тремя лучами, которые составляют тайну Всеобщего Ордена Счастья.

Дызма был взбешен. Он сидел, сунув руки в карманы, насупившись. Про себя он поклялся, что не будет участвовать в этом деле. На кой черт ему это? Для того ли он занял такой пост и огребает теперь уйму денег, чтоб угодить в тюрьму? Ну нет! И когда обе дамы поднялись и Стелла замогильным голосом спросила: «Учитель, согласен ли ты взять на себя власть Великого Тринадцатого?» – Дызма сухо ответил: «Нет. Несогласен».

На лицах дам выразились печаль и изумление.

– Почему же?

– Не могу.

– Может быть, есть какие-нибудь препятствия герметического характера? – таинственно осведомилась брюнетка.

– У меня есть свои причины.

Концепольская заломила руки.

– Учитель! Скажи нам, может, это какой-нибудь глупость?

– Э-э, да что там, – махнул рукой Никодим. – Я в этих вещах не смыслю.

Брюнетку это взорвало.

– Не разбираетесь? Прошу вас, учитель, не смейтесь над нами! У Ляли было откровение, что только вы можете стать Великим Тринадцатым.

– У меня нет времени! – не унимался Дызма.

– Учитель, это отнимет у вас так мало времени. Мистерии будут происходить только раз в месяц.

– Не хочу.

Обе дамы посмотрели друг на друга в отчаянии.

Брюнетка воздела руки к небу и трагическим шепотом произнесла:

– Именем всемогущего ордена заклинаю тебя: отвори сердце для Трех Вечных Лучей!

Ляля, скрестив руки на своей высокой груди, набожно склонила головку.

Никодим струхнул. Он не был суеверным, но чем черт не шутит! А что, если существуют женщины с дурным глазом, которые могут напустить порчу на человека? Во всяком случае следует считаться с такой возможностью.

У низкорослой Стеллы были такие жуткие глаза и она так сверлила Никодима взглядом, что ему стало не по себе. Он почесал в затылке.

– Сразу сказать трудно... Подумать надо...

Брюнетка торжествующе посмотрела на Лялю и воскликнула:

– Разумеется. Приказывайте, учитель. Впрочем, мы все знаем от Терковского, который уже посвящен, что вы обладаете таинственной силой, и поэтому...

– При чем тут Терковский, – перебил ее Дызма. – Я сам не знаю, в чем, собственно, дело и чего вы от меня ждете?

– Сию минуту, учитель! – И брюнетка полезла в сумочку. – Сейчас я вам дам устав ложи и вероучение Трех Канонов Знания.

Она достала брошюру и несколько листов машинописного текста. Сунула всё это Никодиму.

– Превосходно! Будьте добры, почитайте это, учитель. Двух часов хватит. Правда, Ляля? До свидания! Мы оставим вас здесь одного. В семь, перед обедом, мы придем сюда, чтобы услышать из ваших уст окончательное решение. Да направит мудрость Звезды пути мыслей твоих!

Обе поклонились и вышли.

– Спятило бабье! Палки на них нет! – проворчал Дызма и с размаху швырнул бумаги в угол.

Им овладела тревога. Всё это свалилось на него так неожиданно... Дело пахло не то крупным мошенничеством, не то вызовом духов с того света.

– Лезут же в башку такие вещи. И деньги у них и положение в обществе, так поди ж ты, мало этого: еще что-то выдумали! Белены объелись...

Никодим был зол на себя за то, что так доверчиво сам полез в ловушку. Будь это в Варшаве, ушел бы домой – и точка...

Как-никак надо посмотреть, что там в бумагах.

Никодим раскрыл брошюру и выругался: она была написана по-французски. Хотел снова швырнуть ее в угол, но его заинтересовала виньетка, точнее – рисунок.

На нем был изображен зал без окон. Посредине на троне, закрыв глаза, восседал тощий малый с черной бородой. Над его головой сияла звезда с тремя лучами и три факела. Вокруг на полу лежали, распластавшись, голые женщины.

Дызма сосчитал их спичкой.

– Двенадцать!.. Так это, значит, паломницы... А тот малый, стало быть, я... Что за черт!

Никодим стал перелистывать страницы. В конце тоже был рисунок. При виде его Дызма содрогнулся: козел с двенадцатью рогами и с человеческим лицом. Теперь сомнений не оставалось.

– Дьявол!

Он не принадлежал ни к верующим, ни к тем, кто соблюдает религиозные обряды, но всё же счел за благо перекреститься, да еще на всякий случай схватился за пуговицу.

– Фу, свиньи!

Затем взял листы, отпечатанные на машинке, и с облегчением вздохнул: они были написаны по-польски.

Никодим читал медленно, некоторые места – по два–три раза, и всё же многого понять не мог, главным образом потому, что не знал значения некоторых слов.

Из прочитанного он уяснил себе, что речь идет о создании сообщества сестер. Цель его – приближение к идеалу трех законов: жизни, любви и смерти. Высшая мудрость достигается в наслаждении духа, тела и ума. Для этого двенадцать паломниц должны постичь благодать рабства и выбрать деву-заступницу, которая отыщет Владыку Воли, Учителя Звезды, Светоча Разума, который и будет Великим Тринадцатым.

Тут же он выяснил, что избранник должен отличаться исключительными талантами, быть человеком мудрым, творчески одаренным, плодовитым и, самое главное, – обладать нескгибаемой волей и быть в расцвете физических сил.

Великий Тринадцатый исполняет свои обязанности в продолжение трех лет, после чего выбирают другого. В этом же параграфе было сказано, что Великому Тринадцатому принадлежит неограниченное право повелевать паломницами и карать их заслушание. Разглашение тайн ложи грозит смертью.

Затем следовали описания обрядов, где упоминалось о слиянии духом и телом, об употреблении вина, о молитвах и о беседе с умершим.

В конце было оговорено, что не следует смешивать орден с культами черной и белой магии.

Никодим сложил листы и задумался.

Несомненно, что всё это было каким-то сообществом, где не обходится без дьявола. Дорого дал был он за то, чтобы знать это всё до выезда из Варшавы. Хо-хо! Тогда бы и десяти графиням не удалось затащить его сюда, а сейчас...

Кто знает, что с ним сделают эти «паломницы», если он откажется... Они уже посвятили его в свои тайны и теперь из опасения, как бы он их не выдал, придумают какую угодно пакость. Тут черным по белому написано, что тот, кто не сохранит тайны, должен поплатиться жизнью.

– Привязались, стервы!

Никодим сунул руки в карманы и принялся ходить взад и вперед по комнате. Затем ему пришло в голову, что, может быть, дело не так уж скверно. Ведь он будет главным, все приказания будут исходить от него. Может, попробовать?

Во всяком случае, это лучше, чем быть отравленным или пострадать от нечистой силы.

Он уже был склонен принять их странное предложение. Известную роль играло в этом желание узнать, что дальше. Он не опасался, что не справится с обязанностями Тринадцатого, – в одном месте было написано, что учитель является только духовным вождем ложи, а формальное руководство и отправление обрядов возложено на сестру-заступницу.

Когда пробило семь и раздался стук в дверь, решение уже созрело.

Явилась одна лишь Стелла, и это несколько обеспокоило Никодима. Присутствие живой, шумной графини с ее смеющимися глазами сообщало всей этой истории более житейский характер. В брюнетке было что-то демоническое, к тому же она была, по-видимому, женщиной умной и суровой.

Она заперла за собой двери, и Никодим почувствовал то же, что испытывает человек, встретивший в закоулке бандита с дубиной в руках.

– Уже семь, – произнесла она почти баритоном.

– Семь? – Дызма улыбнулся. – Действительно, как летит время!..

– Каково же решение? Надеюсь, против откровения не пойдете?

– Не пойду.

– Значит, я стою перед Великим Тринадцатым, перед моим владыкой и повелителем.

Она низко поклонилась, так низко, что ее ягодицы всей своей пышной округлостью поднялись вверх, напоминая византийские купола.

Затем она выпрямилась и с пафосом спросила о чем-то у Дызмы по-латыни. Устремила на него взгляд в ожидании ответа.

Никодим, опять струхнув, подумал с отчаянием:

«Ишь пристала, идиотка!»

Панна Стелла подождала минуту и повторила свой латинский вопрос. Выхода не было: надо было хоть что-то ответить. Мысль Никодима заметалась в поисках латыни, слышанной в гимназии и в костеле. Внезапно он вздохнул с облегчением:

– Terra est rotunda.³⁹

Он уже не помнил, что это значит, и, уж конечно, не представлял себе, имеет ли это связь с заданным вопросом. На лбу у Никодима выступил холодный пот, однако он был доволен, что сумел ответить по-латыни, по-видимому даже не без успеха, потому что брюнетка снова низко поклонилась и, скрестив руки па груди, прогудела:

– Да будет воля твоя, учитель.

Затем, открыв дверь, обычным своим голосом сообщила, что обед подан.

Обед был вкусным и обильным. Дызму удивило только то, что к столу не подали вина. Когда одна из графинь Чарских капризно потребовала глотка чего-нибудь покрепче, для поднятия духа, Конецпольская улыбнулась, но тут же отказала:

– Нет, мое золотко, не сейчас. Не спеши.

Настроение, впрочем, было серьезное. На лицах выступил румянец, некоторые дамы от волнения ничего не ели. В устремленных на Дызму взглядах вспыхивали огоньки беспокойства.

Когда перешли в будуар пить кофе и лакеи удалились, Конецпольская, заглянув в соседнюю комнату и удостоверившись, что их никто не слышит, подала знак брюнетке. Та встала и среди воцарившегося молчания произнесла:

---

³⁹ Земля круглая (лат.).

– Уважаемые гости, прежде чем я назову вас сестрами, я прошу вас всех, прошу и тебя, господин, – тут она низко поклонилась Дызме, – разойтись по своим комнатам и предаться самосозерцанию, чтобы телом и духом подготовиться к великой мистерии, которая начнется ровно в полночь. Вы должны в одиночестве очистить ваши помыслы от житейской суеты, снять обычную одежду и надеть белые облачения, которые вас уже ожидают. Подготовившись, вы должны ждать меня, я зайду за каждой из вас. Разойдитесь и бодрствуйте.

С этими словами она направилась к выходу, у дверей поклонилась Дызме и исчезла. Точно так же сделали и остальные. Концепольская проводила Дызму в предназначенную для него комнату и попрощалась кивком головы.

«Вот еще напасть! Духов будут, наверно, вызывать», – подумал Никодим и стал озираться по сторонам. Он думал, что найдет в этой комнате что-то неожиданное, но ошибся: обстановка была заурядная – всё необычное заключалось только в небольшом черном чемодане на письменном столе.

После сытного обеда мысль работала лениво, и Никодим растянулся на кушетке, чтобы обдумать положение.

Его не покидал страх перед ночной церемонией. Он не представлял себе, какую роль придется ему играть во всем этом. Что заставят его делать? Правда, он будет там главной персоной, но чего от главной персоны потребуют эти бабы?.. В конце концов, возможно всё: а ну, как прикажут вызвать дьявола?

– Тьфу! – сплюнул он на ковер.

И тут ему пришло в голову, что можно выпутаться из всего этого, сославшись на болезнь. Например, ревматизм. Один раз, в Коборове, он уже оказал ему незаменимую услугу.

Воспоминание о Коборове растрогало его. Какая там тишина, покой, жратва хорошая, никакой работы... Ну и Нина... Как она любит целоваться!

Никодим решил, что в Коборове было лучше всего, особенно после отъезда Каси. И угораздило же Куницкого подсунуть ему проект, из-за которого он сделался председателем банка...

«Ну, брат, не сетуй. По совести, и сетовать-то не на что», – усмехнулся про себя Никодим.

Мысль работала всё медленнее. Обильный обед сделал свое. Никодим уснул.

Спал он так крепко, что не слышал ни стука в дверь, ни шагов Стеллы, ни шелканья замка в чемодане. И только когда Стелла тряхнула его за плечо, Никодим открыл глаза.

Он сразу всё вспомнил. Стелла протянула что-то вроде белого шелкового халата на красной подкладке. Никодим вскочил и протер глаза.

– Пора, учитель! – прошептала Стелла.

– Пора?

– Да. Все уже ждут. Наденьте скорее облачение.

– Как, при вас? – удивился Никодим.

– Нет, я выйду. Снимите с себя всё, наденьте рясу и сандалии.

Она подсунула ему мягкие красные туфли с золотой звездой на носках и бесшумно удалилась из комнаты.

Дызма выругался, но медлить не стал. Через две–три минуты он был уже готов. Шлафрок и туфли оказались великоваты. Холодное прикосновение шелка к голой коже освежало тело.

Никодим глянул в зеркало и не мог удержаться от улыбки. Халат доходил до пят, рукава с разрезами и глубокий вырез производили странное впечатление.

Брюнетка появилась снова. Взяв Никодима за руку, она молча повела его по темному коридору. Было тихо. Они долго шли по коридору, по лестнице, затем спустились и снова попали в коридор. В конце его Стелла остановилась и трижды постучала. Открылась дверь. Они вошли в темную комнату. Дверь закрылась за ними сама собой. Щелкнул в замке ключ, и раздался голос Концепольской:

– Всё в порядке. Двери на запоре. Прислуге я велела раньше, чем в полдень, в дом не возвращаться.

– Хорошо, – не выпуская руки Никодима, сказала брюнетка, – войди и займи свое место.

Дызма заметил, что Ляля была тоже в белом халате. Она отодвинула на мгновение тяжелую портьеру, из-за которой упала полоса багрового света, и вышла из комнаты. Велев Никодиму подождать, Стелла тоже исчезла за портьерой.

Из соседней комнаты донеслись голоса. Время тянулось томительно, и Никодим собрался было заглянуть за портьеру, как вдруг она раздвинулась, и на пороге в долгом поклоне замерла Стелла.

За портьерой был зал без мебели. Пол устлан коврами, на коврах – горы пестрых подушек. Посередине – большое позолоченное кресло, обитое красным атласом. Над ним горят три свечи.

С потолка, заливая комнату багровым светом, свешивается светильник.

По обеим сторонам кресла – женщины в белых халатах. Сзади, на стене, – простыня с изображением звезды в три луча. Внизу на простыне вырезанные из красной бумаги буквы: «Terra est rotunda».

– Взойди, владыка! – воскликнула Стелла и подвела Никодима к его трону.

Стоило ему сесть, как женщины расположились полукругом, и, выступив вперед, Стелла начала:

– Посвященные в тайну! Вы, Паломницы Троесветной Звезды, и ты, учитель, на чьей груди сейчас засверкает символ знания, власти и счастья, я, ваша сестра-заступница, недостойными устами возвещаю вам открытие тридцать третьей ложи Ордена Троесветной Звезды, путеводным словом которой по воле Великого Тринадцатого будет исполненное великого смысла изречение: «Terra est rotunda». В нем – вера, что орден наш овладеет всей землей, надежда, что наша ложа станет одним из звеньев огромной цепи, и повеление нам, живущим, замкнуть эту цепь. Напомню, что, по закону ордена, каждый из нас должен выполнить наказ другого, едва тот произнесет святое слово, коснувшись левой рукой чела, сердца и лона. Прежде чем приступить к обряду, напомню вам каноны посвященных...

Дызма перестал слушать. Его так поразила неожиданная обстановка, что он не мог сосредоточить внимание на чем-то одном. Он глядел на молодых женщин. Некоторые из них были очень соблазнительны в этих странных халатах. Голые плечи точно выплывали из белых волн блестящего шелка, декольте с глубоким вырезом... Сознание того, что среди них он – единственный мужчина, возбуждающе подействовало на Дызму.

Он уже не думал, как и почему, – думал одно: неужели? когда?

Тем временем Стелла кончила свою речь и вынула из красной коробочки маленькую золотую звезду на золотой цепочке. Среди торжественного молчания она подошла к Никодиму, повесила ему на шею звезду, отступила на три шага и упала ничком на ковер. Остальные женщины сделали то же. Только Ляля подошла к двери и повернула выключатель.

Лампа погасла. Никодим вздрогнул. Погруженная в полумрак комната, три слабых огонька восковых свечей над его головой, лежащие ничком белые фигуры – всё это всколыхнуло в его душе страх и волнение.

Внезапно Стелла завопила загробным голосом:

– Привет тебе, привет, владыка жизни, любви и смерти!

– Привет... привет! – по нескольку раз повторили дрожащие голоса.

– Привет, привет, источник воли!

– Привет... привет! – повторили опять голоса.

– Привет тебе, хранитель знания!

– Привет... привет!..

– Привет тебе, учитель жизни!

– Привет... привет!..

– Привет тебе, творец наслаждения!

– Привет... привет!..

Дызма слушал эту литанию и думал:

«Спятели бабы!..»

Потом Стелла, покончив с воплями, устремилась к Дызме, и не успел он опомниться, как она прильнула к его губам. К изумлению Никодима то же самое проделала пани Ляля, затем – обе графини Чарские и остальные дамы.

– Теперь зажгите кадила, – приказала Стелла.

Из углов комнаты поплыли синеватые дымки, источающие странный, упоительно сладкий запах.

Женщины опять окружили Дызму.

По знаку Стеллы они взяли за руки, образовав полукруг, сама Стелла подняла руки и завопила:

– Приди, Владыка!

- Приди... – повторили все.
- Яви нам свою милость! – воскликнула Стелла.
- Яви...
- Стань меж нас!
- Стань!..
- Вступи в душу своего посланца!
- Вступи...
- Вступи в тело учителя!..
- Вступи...
- Зажги его пламенем!
- Зажги!..
- Воспламени его неистощимой силой!
- Воспламени...
- Проникни его жаром своего дыхания!..
- Проникни...

Никодиму стало не по себе.

- Кого вы зовете? – спросил он не своим, каким-то сдавленным голосом.

Ему ответили крики ужаса. Кто-то кричал так пронзительно, что застыла кровь в жилах.

- Промолвил!.. Явился!.. Это Он!.. – отозвались голоса.

- Кто?.. – спросил Дызма, трясаясь от страха. – Кого вы зовете?

И тотчас где-то позади услышал громкое рычание. Он хотел вскочить, но сил не было. Среди одуряющего дыма он увидел разноцветные мигающие огоньки.

– Падайте ниц, – завыл кто-то. – Он прибыл! Хвала тебе, хвала, владыка любви, жизни и смерти! Хвала тебе, Князь мрака!..

Младшая из сестер. Чарских истерически захохотала, одна из женщин вскочила и, прижимаясь к Стелле, закричала:

- Вижу его, вижу!
- Кого? – с отчаянием завопил Дызма.
- Его, его, Сатану...

Никодиму показалось, что чьи-то холодные руки сжимают ему горло. Из рта вырвался истошный крик, и, обмякнув, он упал в кресло.

Великий Тринадцатый лишился чувств.

Первое, что он ощутил, придя в себя, была растекающаяся во рту сладость. Никодим открыл глаза. У самого его носа маячили черные зрачки Стеллы. Не успел он совсем очнуться, как ее губы прильнули к его губам, и он снова почувствовал на языке сладкую жидкость с терпким запахом. Вино! Никодим хотел глотнуть воздуха и оттолкнул Стеллу. Среди дыма маячили белые фигуры. Из соседней комнаты женщины приносили столики, ставили на них бутылки и рюмки. Конецпольская с крохотным флаконом в руках отмеривала по каплям в рюмки какую-то жидкость, потом туда наливали вино.

Каждая взяла в руки по рюмке. Стелла подала Дызме бокал.

В комнате раздался приглушенный гул голосов. Никодим глотнул вина и чмокнул:

- Вкусно...
- Насладимся же благоденственным пэйотлем! – с пафосом воскликнула Стелла.

Рюмки были выпиты и наполнены снова.

- Что такое в вине?

Очувтившаяся рядом с Никодимом одна на сестер Чарских села на ручку кресла и, касаясь губами уха, мечтательно зашелестела:

– Божественный яд пэйотля,⁴⁰ божественный... Чувствуешь, как он кипит в жилах, владыка?.. Правда? Какое пение, сколько красок!.. Правда?

- Правда, – согласился Никодим и выпил бокал до дна.

Он почувствовал, что с ним творится что-то необычайное. Сердцем овладела неожиданная радость, всё кругом стало прекрасным, многоцветным, даже низкорослая Стелла сделалась привлекательной.

---

⁴⁰ В.Э.: Пэйотль – мексиканский кактус, содержащий целый букет алкалоидов, среди которых главный – мескалин: сильный галлюциногенный наркотик. В Европе известен со времен походов Кортеса.

Общее настроение тоже изменилось самым удивительным образом. Женщины смеясь окружили Никодима, воздух наполнился вскриками, фривольными песенками. Одна из женщинхватила бокалом о стену и с криком «Эвоэ!» сдернула с себя белый халат и принялась плясать.

– Bravo! Bravo! – закричали остальные.

Ковер быстро покрылся белыми пятнами атласа. Из маленького флакона в рюмки лились светло-зеленые капли волшебного сока.

Упал задетый кем-то подсвечник, комнату охватил мрак, душный алый мрак, полный страстного шепота, истерического смеха...

.....
.....

Глава 12

Сквозь щели тяжелых гардин красной полосой ворвался в комнату отблеск заходящего солнца. Отяжелевшей рукой Никодим нащупал часы.

Было шесть.

Странно. Он не ощущал ни головной боли, ни металлического привкуса во рту, как это обычно бывает после попоек.

Ощущал только страшную слабость.

Сделать какое-либо движение, даже поднять веки стоило большого труда.

Однако пора вставать. Надо ехать в Варшаву. Что подумают в банке...

Никодим позвонил.

Явился чопорный лакей и доложил, что ванна готова.

Дызма лениво натянул на себя пижаму, пошел в ванную. Там, взглянув на себя в зеркало, не на шутку испугался: лицо бледное как мел, под глазами широкие синие круги.

– Черт побери, вот удружили!..

Никодим оделся и, с трудом передвигая ноги, сошел вниз.

Там ожидала его Ляля Конецпольская. В ответ на приветствие вяло протянула руку.

– Вы голодны?

– Нет, благодарю вас.

Он посмотрел на нее искоса и, встретив ее игривый, как всегда, взгляд, покраснел до самых ушей.

«Вот черт! – подумал Никодим. – Нисколько не стыдно... Ведь не могла же она всего забыть?»

– Я хочу ехать, – заявил Никодим после непродолжительного молчания.

– Пожалуйста, автомобиль в вашем распоряжении. Попрощались самым обычным образом, и это еще больше смутило Никодима. Когда машина была уже на шоссе, он оглянулся.

– Свины! – промолвил с убеждением Никодим.

– Слушаю вас, – обернулся к нему шофер.

– Поезжайте, поезжайте, я говорю не с вами.

– Извините.

Дызма стал думать о минувшей ночи. Его мучил страх. Мысль о том, что не обошлось без дьявола, угнетала его больше всего. Зато он порадовался своему открытию: оказывается, в высших сферах у него те же права, что у графа или у князя. Даже, пожалуй, больше. Его должны слушаться; стоит ему любую из них поманить пальцем, и она пойдет к нему, как простая уличная девка.

А ведь он представлял их совсем иными, этих надменных элегантных дам.

Никодим рассмеялся не без самодовольства. Верно говорит Кшепицкий: все девки одинаковы.

Стал накрапывать дождь. Когда автомобиль остановился около банка, лило уже как из ведра.

Дызма быстро перебежал тротуар и вошел в ворота. Труднее было подняться по лестнице: он шел с таким усилием, словно тащил большой груз.

– Довели, ведьмы!

Игнатий встретил своего хозяина сообщением, что за вчерашний и сегодняшний день было около десятка посетителей, несколько раз приходил секретарь, а потом еще раз двадцать звонил, чтоб узнать, не вернулся ли пан председатель. Но хуже всех один нахал. Он ругался и во что бы то ни стало хотел проникнуть в квартиру, никак не хотел поверить, что пана председателя нет дома. Всё уверял, будто пан председатель прячется от него...

– Какой он на вид?

– Да такой низенький, толстый...

– Назвал себя по фамилии?

– Назвал. Бончек или что-то вроде этого...

– Вот черт, – выругался председатель. – Что этой сволочи от меня надо?!

– Если еще придет, могу его с лестницы спустить, – предложил Игнатий.

– Не стоит.

Зазвонил телефон. Это был Кшепицкий. Есть очень важные дела, нельзя ли ему сейчас приехать?

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего особенного.

– Жду.

Никодим велел Игнатию приготовить черный кофе, прилег на диван.

Он задумался... Стоит ли рассказывать Кшепицкому всё, что с ним было у графини Концепольской?.. Потом решил, что это могут счесть предательством, потому не стоит подвергать себя риску.

Игнатий принес письма. Это была частная корреспонденция, которой секретарь не распечатывал. Состояла она из трех писем от Нины и непомерно длинной телеграммы от Куницкого. Тот просил Дызму спешно заняться делом о железнодорожных поставках, так как этот вопрос стал теперь особенно актуален.

Не кончил Дызма читать телеграмму, как в комнату вошел Кшепицкий. Он начал с шуточек на тему о поездке с графиней Концепольской, рассказал несколько анекдотов, мимоходом заметил, что в банке всё в порядке, и невзначай спросил:

– Кто же, пан председатель, этот Бочек?

Никодим смутился.

– Бочек?

– Да, да, такой толстяк. Он каждый день нахально является в банк, и так, словно заранее уверен, что вы его примете. Это ваш знакомый?

– Да, вроде...

– Мне показалось, что он сумасшедший.

– Почему?

– Когда я ему сказал, что вы принимаете по пятницам, он стал скандалить: «Какие там, говорит, пятницы! Пусть по пятницам ваш пан председатель принимает кого угодно, вам он еще шею намылит за то, что вы меня не пускаете... Этот ваш председатель не такая уж важная шишка...»

Дызма сидел красный как рак.

– Что он еще говорил?

Кшепицкий закурил и пожал плечами.

– Скандалист и грубиян... Он даже позволил себе какие-то дурацкие угрозы по вашему адресу... Дескать, он еще вам покажет, ну и в таком роде...

Никодим насупился и проворчал:

– М-да... Пан Кшепицкий, если он опять придет, пропустите его... Это такой сумасброд... Он всегда был таким.

– Хорошо, пан председатель.

Кшепицкий сказал это своим обычным тоном, но Дызма уже не сомневался: либо что-то пронюхал, либо собирается выяснять кое-какие обстоятельства. Никодим решил во что бы то ни стало заставить Бочка замолчать.

Кшепицкий поужинал у Дызмы. Разговор шел о Коборове.

– Как приятно жить в деревне, в тишине, в покое, – со вздохом заметил Дызма.

– У вас, я вижу, сохранились хорошие воспоминания о Коборове, – заметил Кшепицкий. – Да, славное именице! Что ж, добейтесь развода да и женитесь на Нине.

– Если б Коборово принадлежало ей, тогда – пожалуйста.

- Но ведь формально владелица она?
- Ну и что же? У Куницкого неограниченные полномочия.
- Полномочия можно аннулировать.

Никодим пожал плечами.

- Но векселей аннулировать нельзя.

Кшепицкий задумался и стал что-то насвистывать.

- Вот тут-то и закавыка! – заметил Дызма.

Кшепицкий насвистывал, не унимаясь.

- Что у нас завтра? – спросил Никодим.

– Завтра?.. Ничего особенного. Ах да, есть приглашение в цирк. Большая сенсация: приехал чемпион мира по борьбе – забыл его фамилию, – он будет бороться с чемпионом Польши Велягой. Вы любите французскую борьбу?

- Конечно. Значит, идем? В котором часу?
- В восемь.

Попрощавшись с секретарем, Дызма отправился спать. Надевая пижаму, заметил на шее золотую звезду. Поскорей сиял ее, спрятал в спичечный коробок и сунул в письменный стол. Потом погасил свет и на всякий случай перекрестился.

На следующий день худшие опасения оправдались. В час явился Бочек. Вел он себя крайне самоуверенно. От него разило водкой.

Дызма изменил тактику.

Подал Бочеку руку, придвинул стул, вежливо осведомился, чем может быть ему полезен. И тут уж Бочек ни в словах, ни в жестах стесняться не стал. Дошел даже до такой фамильярности, что хлопнул председателя по плечу.

Это было уже слишком. Дызма вскочил со стула и рявкнул:

- Вон! Сволочь! Вон!

Бочек поглядел на него с насмешкой и поднялся.

- Попомнишь еще меня, ишь ты, шишка какая!
- Чего тебе от меня надо? Денег, мерзавец, хочешь? – кипятился Дызма.

Бочек пожал плечами.

- Деньги тоже пригодятся.
- У-у... Сволочь!..

Никодим достал двадцать злотых, подумав, добавил еще двадцать.

– Чего вы горячитесь, пан Никодим, – примирительно начал Бочек, – я вам никакого зла не делаю...

- Не делаю, не делаю... А чего язык распускаешь при секретаре?

Бочек сел.

– Пан Никодим, не лучше ли жить в мире? Вы мне поможете, а я вам вредить не буду...

- Разве не устроил я тебя на работу?

– Какая это работа, – пожал плечами Бочек, – восемь часов маешься из-за каких-то несчастных четырехсот злотых. Да еще грохот такой, что нервы сдают. Нет, это не для меня.

- Может, тебя министром назначить, а? – ухмыльнулся Дызма.
- Не смейтесь, паи Никодим, – разве вас не сделали председателем правления?
- Потому что у меня есть голова на плечах, понимаешь – голова!

– У каждого своя голова. А я так думаю: если вы председатель, то мне, вашему бывшему начальнику, просто неудобно получать меньше, чем восемьсот злотых.

- Ошалел, Бочек? Восемьсот злотых... Да кто ж это тебе даст?
- Бросьте вилять! Захотите – найдутся такие, что предложат.

В глазах Дызмы сверкнула ненависть. Он принял решение.

– Ну ладно, пан Бочек, я вижу, что мне придется... гм... вижу, что смогу устроить вас заместителем директора государственных винных складов... Хотите?

– Так-то, пожалуй, лучше. Может, и квартиру дадут. Ведь семью придется выписать.

– Конечно, и квартиру дадут. Хорошая квартира, четыре комнаты с кухней, отопление и освещение бесплатные.

- А жалованье?
- Жалованье около тысячи злотых.

Бочек растрогался. Встал, обнял Дызму.

– Эх, пан Никодим, мы с вами земляки, из одних краев, значит должны помогать друг другу.

– Конечно...

– Я вам всегда был другом. Кое-кто сторонился, говорили, дескать, внебрачный ребенок, подкидыш...

– Перестань, черт тебя возьми!

– Так я же говорю: кое-кто... да что там, весь Лысков был против вас, а я вас даже в своем доме принимал...

– Велика честь, подумаешь, – и Дызма презрительно хмыкнул.

– Когда-то велика была, – флегматично заметил Бочек, – чего спорить?

Никодим нахмурился и помрачнел. Напоминание о том, что он подкидыш, было большее всего. И вдруг он с ужасающей ясностью понял, что им обоим, ему и Бочеку, в Варшаве тесно... Да и не только в Варшаве.

Ах, если бы мог Бочек прочесть мысли своего прежнего помощника! Радость исчезла бы с его лица.

– Вот что, пан Бочек, – начал Дызма, – приходите завтра и приносите документы, все, какие есть, потому что выхлопотать вам такую должность – дело нешуточное. Немало придется похлопотать, прежде чем докажешь, что вы годитесь в заместители директора.

– Большое спасибо, вы не пожалеете об этом, пан Никодим.

– Знаю, что не пожалею, – буркнул Никодим. – Теперь еще одно: никому об этом ни слова, а то на это место набегит сто желающих. Поняли?

– Конечно, понял.

– Ну, тогда всё. Завтра в одиннадцать.

В дверь постучали, и на пороге показался Кшепицкий. Бочек лукаво подмигнул Дызме и поклонился так низко, как только позволила ему его туша.

– Мое почтение, пан председатель. Всё будет выполнено.

– До свидания, можете идти.

От Никодима не ускользнуло, что Кшепицкий, делая вид, будто просматривает принесенные с собой бумаги, незаметно наблюдает за Бочекком.

– Ну, как там, пан Кшепицкий?

– Всё в порядке. Вот приглашение в цирк.

– Ах, да. Стало быть, едем.

– Звонила еще графиня Чарская, но я сказал ей, что вы заняты.

– Жаль.

– Хе-хе-хе... Понимаю. Эти девицы Чарские – девочки будь здоров... В прошлом году...

Он не кончил, потому что в кабинет, не закрыв за собой дверь, вихрем влетел Вареда.

– Привет, Никусь! Где тебя черти носят?

– Как поживаешь, Вацусь?

Кшепицкий поклонился и вышел.

– Знаешь, я завернул к тебе, потому что подумал – не пойдешь ли ты сегодня в цирк: приехал этот Тракко – самый сильный человек на свете, будет бороться с нашим чемпионом Велягой.

– Я тоже собирался идти.

– Красота! – и Вареда хлопнул Дызму по колену. – Будет целая компания: Ущицкий, Уляницкий, Романович с женой...

Зазвонил телефон.

– Алло!

Кшепицкий сообщил, что опять звонит графиня Чарская, не соединить ли?

– Давайте... Алло!.. Да, это я, добрый день. Никодим, прикрыв рукой трубку, шепнул Вареде:

– Графиня Чарская!

– Фю-фю... – покрутил тот головой.

– Нет, что вы, нисколько не мешаете. Напротив, очень приятно...

Придерживая трубку плечом, закурил поданную Варедой папиросу.

– Простите, в литературе я профан... Честное слово... А когда?.. Ну, хорошо, хорошо... Как здоровье сестрички?.. Гм... Знаете, и я тоже, но об этом по телефону лучше не

говорить... Что, в театр?.. Э-э-э... Не хотите ли со мной в цирк? Нет, сегодня будет бороться самый сильный человек на свете... Как?.. Вацек, как его зовут? Итальянец Тракко... Нет, у меня сидит мой друг Вареда...

– Никусь, скажи ей – целую ручки.

– Целует ваши ручки... Будет, а как же... Ну, значит, всё прекрасно сложилось... Я заеду за вами на своей машине... До свидания.

Никодим положил трубку и улыбнулся.

– Ах, эти бабы, эти бабы...

– Пойдут? – спросил полковник.

– Еще бы!

– Ну, так собирайся, едем обедать.

– Возьмем и Кшепицкого.

– Как хочешь, – согласился Вареда.

В ресторане они встретили Уляницкого, и веселье закипело.

– Анекдот о бульдоге и пинчере знаете?

– Смотри! – предостерег его Вареда. – Кто расскажет старый анекдот, ставит бутылку коньяку.

– Не заносись, Вацусь, – не теряя серьезности, заявил Уляницкий. – Ликургом, который установил этот закон, был я сам, своей собственной персоной. Слушайте. Сидит на углу Маршалковской легавая.

– Ты сказал – бульдог...

– Не морочь голову. Сидит легавая, а тут из Саксонского сада мчится бульдог, громаднейший бульдог...

Дызма, встав, пробормотал:

– Прошу прощения...

– Ты знаешь анекдот? – спросил Вареда.

Никодим не знал, но ответил:

– Знаю.

Он второпях накинул плащ, через распахнутую швейцаром дверь выбежал на улицу.

Шофер нажал на стартер, отворил дверцу.

– Можете ехать домой, – сказал Дызма.

С минуту постояв на тротуаре и дождавшись, когда уедет машина, Дызма пошел по направлению к Белинской улице и сел в такси.

– Угол Карольковой и Вольской.

В те времена, когда Никодим играл на мандолине в баре «У слона», он часто заглядывал в эти края и со своими товарищами и со случайными знакомыми. Посетители бара в приливе щедрости забирали к себе домой и оркестр.

На длинной, узкой Карольковой улице таких баров было несколько.

Когда автомобиль остановился, Никодим расплатился и, подождав, пока шофер не уедет, свернул на Карольковую.

По обеим сторонам улицы громоздились похожие друг на друга кирпичные корпуса – фабрики. Кое-где высился дощатый забор, торчал деревянный домик, в окнах которого мерцали из-за желтых занавесок тусклые лампочки. Это пивные для рабочих. Они так похожи друг на друга, что различить их невозможно.

Никодим уверенно шел знакомой дорогой, толкнул ногой узкую дверь. В ноздри ударил запах пива и квашеной капусты. Широкая, похожая на витрину, стойка с белыми занавесками занимала полкомнаты. Каменный пол усыпан свежими опилками. Из-за зеленого занавеса слышны громкие звуки гармоники и скрипки. За стойкой – хмурый мужчина с красным лицом и две пожилые женщины. В зале занято только два столика.

Никодим подошел к стойке.

– Большую? – спросил хозяин.

– Давайте, – ответил Дызма.

Выпил, потянулся за кусочком селедки.

– Ну что, пан Малиновский, как дела?

– Да так, помаленьку.

– Играет у вас Амброзьяк, гармонист Амброзьяк?

– А что? – насторожился хозяин.

– Еще налейте, – сказал Дызма и выпил.

Закусил грибком.

– Разве вы меня не помните, пан Малиновский?

– Столько народу бывает... – равнодушно отозвался хозяин.

– Меня зовут Пыздрай. Я играл «У слона» на Панской.

– На Панской?

– Да. Мандолинист. Меня зовут Пыздрай.

Не дожидаясь заказа, хозяин налил еще.

– А, да, помню... Ну, как жизнь?

– Так, ничего...

Дызма выпил.

– Амброзак там? – спросил он, мотнув головой в сторону занавеса. – Это мой товарищ.

– Там, – лаконично пояснил хозяин.

Никодим сунул в рот зубочистку и, сделав несколько шагов, отдернул зеленый ситцевый занавес.

За занавесом народу было больше, и оркестр играл долго, видно по заказу.

Однако гармонист заметил Дызму и, когда кончили танго, подошел к нему.

– Добрый вечер, Пыздрай!

– Добрый вечер! – отозвался весело Дызма. – По этому случаю две большие кружки пива, пан Малиновский.

– Раз уж встретились с приятелем, дайте нам еще по рюмке лекарства, – добавил гармонист.

Выпили.

– Дело есть? – спросил Амброзак.

Никодим кивнул.

– Где вы сейчас работаете?

– В провинции, – ответил, подумав, Дызма.

– Жить можно?

– Можно.

– Ну, раз дело есть, сядем в сторонке.

Оба взяли кружки и отошли к окну.

– Амброзак, – начал Дызма, – вы должны помочь мне по знакомству.

– Помочь?..

– Надо мне трех–четырёх парней – таких, которые не сдрейфят и чисто сработают.

– Мокрая работа? – спросил, понизив голос, гармонист.

Никодим покачался на стуле.

– Один тип сделал мне пакость.

– Фигура? – поинтересовался Амброзак.

– Где там... Мелкая сошка.

– Что? Пристукнуть?

Никодим почесал плечо.

– Нет, зачем же, глотку заткнуть, чтоб не болтал...

Гармонист выпил рюмку, сплюнул.

– Можно, почему бы нет, только такое дело сотней пахнет, может и ста двадцатью злотыми.

– Это можно, – заверил приятеля Дызма.

Амброзак мотнул головой, встал и скрылся за занавесом. Дызма стал ждать.

Через минуту гармонист вернулся. Вместе с ним пришел щуплый блондин с веселыми глазами.

– Познакомьтесь: мой товарищ Пыздрай, Франек Левандовский.

Блондин протянул руку, несоразмерно большую и узловатую.

– Кто помер? – бойко осведомился он.

– Да так... – задумчиво протянул Дызма. – Дельце есть.

– Раз дельце – значит, можно и спрыснуть.

Никодим подозвал хозяина:

– Пан Малиновский, бутылку чистой и свиную котлету.

Амброзьяк наклонился к блондину.

– Пан Франек, кого возьмете?

– Думаю Антека Клявиша и Тестя взять. Хватит.

– Только втроем? – с сомнением в голосе спросил Никодим.

– А что? Разве он такой сильный?.. Стреляный или из зеленых?

– Зеленый. Из провинции... Толстый как бочка.

– Устроим, – кивнул головой Франек. – Извините, а вы кто будете?

– Какое тебе дело, Франек? – вмешался Амброзьяк. – Мой друг, этого достаточно.

Зачем всюду нос суешь?

– Не сую, а так, из любопытства. Ну, рассказывайте.

Никодим нагнулся над столиком и стал объяснять.

Левандовский и гармонист пили на совесть. Не отставал и Дызма. Хозяин убрал пустую бутылку, поставил на стол еще пол-литра; не дожидаясь заказа, принес еще одну холодную котлету с соленым огурцом; он знал: если у кого с Левандовским «разговор», без водки не обойдется.

Амброзьяк несколько раз вставал – его звали в оркестр – и возвращался к столику. Хозяин зажег газовую лампу. Дверь беспрестанно открывалась, в пивную входили всё новые посетители.

Многие здоровались с Левандовским, тот небрежно кивал в ответ.

Дызма немало слышал о нем, однако не предполагал, что этот знаменитый головорез, чей нож нагонял на всех такой страх на Воле и на Чистом,⁴¹ был похож на обыкновенного мальчишку. Во всяком случае, Дызма знал, что отдаст дело в верные руки.

Было около восьми, когда, заплатив по счету, он незаметно подсунул Франеку бумажку в сто злотых. – Самое главное – обыскать карманы, чтоб следов не осталось, – сказал Дызма, пожимая на прощание узловатую руку Франека.

Амброзьяк проводил Никодима до дверей и, заверив его, что Франек – «парень-гвоздь», попросил десять злотых взаймы. Спрятав деньги в карман, он не без иронии заметил:

– Ваш брат в деревне небось зарабатывает. Деньжищ – непочатый край!

– Дела идут.

Улица была пустынна. Дызма дошел до Вольской а стал ждать трамвая. Вскоре подошла девятка.

Цирк был полон. В гуле голосов резко выделялись крики сновавших среди публики мальчишек:

– Шоколад, лимонад, вафли!

Едва Никодим с сестрами Чарскими вошел в цирк, оркестр грянул марш, и на арену строем вышли атлеты.

Было их человек десять. Все мужчины огромного роста, с непомерно развитыми мускулами, с воловьими затылками, затянутые в трико тела густо покрыты растительностью. Не нарушая строя, обошли они вокруг арены.

Дызма с сестрами Чарскими пробрался к своей ложе. Там уже сидел полковник Варед. Мариетта рассмеялась:

– Ходячие окорока!

Никодим и его спутницы поздоровались с Варедой.

– Вот этого зовут Мик, – начал объяснять Варед. – Тело у него почти как у мальчика, но он сильнее многих из этих гиппопотамов.

Атлеты выстроились в ряд, и сидевший за столиком судья стал представлять их публике.

У каждого был какой-нибудь титул: чемпион Англии, чемпион Бразилии, чемпион Европы и т.д.

При именах двух атлетов раздались аплодисменты: так приветствовали чемпиона Польши Велягу и гиганта итальянца Тракко.

Затем остались двое: тучный немец с длинными, обезьяними руками и стройный мулат Мик. Он выглядел рядом со своим противником, как антилопа рядом с носорогом, который ее вот-вот растопчет.

Послышался свисток, и борцы сошлись.

– Готово! – крикнул Дызма, видя, как мулат под тяжестью немца валится на ковер.

---

⁴¹ Воля и Чистое – районы Варшавы.

– Нет, брат, – улыбнулся Вареда, – придется еще порядком попынтеть, пока положишь этого вьюна на обе лопатки.

И в самом деле, мулат выскользнул из лап противника. А когда тот, храпя от натуги, хотел было приподнять его, чтобы снова швырнуть на ковер, мулат внезапно оттолкнулся от земли. Вначале могло показаться, что немцу это только на руку, однако результат был самый неожиданный: гибкое тело мулата, описав дугу, взметнулось в воздухе. Державший мулата немец потерял равновесие и грохнулся навзничь. Одним прыжком мулат бросился на противника и очутился у него на груди.

Судья подбежал в самый критический момент, зафиксировав, что немец коснулся лопатками ковра. Это продолжалось секунду; побежденный с диким рычанием вскочил, стряхнул с себя победителя, как конь выбрасывает из седла неумелого седока.

Тем не менее схватка считалась законченной, и председатель жюри объявил о победе мулата. Тот с улыбкой раскланялся. Побежденный, ругаясь, уходил с арены, его сопровождало шиканье всех ярусов.

– До чего же красив этот мулат! – восхищалась Мариетта Чарская. – Как из бронзы вылит! Пан председатель, скажите, это будет очень неприлично, если мы возьмем его с собой ужинать?

– Мариетта! – остановила ее сестра.

– Пожалуй, неудобно, – заметил Дызма.

Но остальные заявили, что это будет развлечение не хуже всякого другого. Если ужинать в отдельном кабинете, то всё будет в порядке.

Между тем на арену вышла вторая пара.

Дызма в упоении следил за борцами. В самые острые моменты до хруста сжимал руки. В остервенении вопил:

– Давай!..

Грузные тела борцов метались внизу, хрипя и кряхтя от натуги, барахтались по арене. Сверху неслись вопли восторга, свист, крики «браво».

Вот уже прошло несколько пар атлетов; и настал черед тому зрелищу, которое было гвоздем программы.

Друг против друга стали два сильнейших противника. Чемпион Польши Веляга, с неимоверно широкими плечами, руками Геркулеса, коротким расплюснутым носом, бритой головой, больше всего напоминал собой гориллу. Перед ним, широко расставив ноги – два дубовых ствола, – высился рослый Тракко; под лоснящейся кожей играли упругие шары мускулов.

Среди всеобщей тишины раздался свисток судьи.

Противники сходились не спеша, словно примеряясь друг к другу. Оба, видимо, оценили по достоинству трудность предстоящего поединка. Но каждый избрал свою тактику. Поляк намеревался вести борьбу в молниеносном темпе, а итальянец решил расходовать силы постепенно, стремясь, вероятно, измотать противника.

Поэтому он почти не сопротивлялся и после нескольких рывков поддался на пируэт и упал на ковер.

Веляга нагнулся над ним, пытаясь перевернуть на лопатки. Через несколько минут, убедившись, что все усилия напрасны, стал ожесточенно тереть ему шею.

– Что он делает? – спросила Мариетта.

Вареда наклонился к ней и, не спуская глаз с арены, стал объяснять:

– Это называется массажем. Бить нельзя, понимаете? А такой массаж допустим. От этого ослабевают мышцы шеи.

– Наверное, это больно.

Итальянец, видимо, пришел к точно такому же выводу, потому что вскочил и, вырвавшись из рук противника, обхватил его сзади за туловище. Но для толстого Веляги руки итальянца оказались слишком коротки; он напряг живот, и руки Тракко разомкнулись.

Галерка встретила это бурными аплодисментами.

Впрочем, с самого начала было ясно, что симпатии зрителей на стороне польского атлета.

Однако поединок результата пока не давал, и это приводило Велягу в бешенство. Крики с галерки еще больше распалили его:

– Веляга, не сдавайся!

– Бей макаронника!

– Bravo, Веляга!

Глаза атлетов налились кровью, из груди вылетало по временам глухое хрипение. Схватка становилась всё ожесточеннее. Сплетенные тела покрылись каплями пота.

Веляга яростно атаковал итальянца, тот не менее яростно сопротивлялся, но хорошего стиля не терял и всё время оставался в рамках правил. Веляга меж тем не мог сдержать животной жажды одолеть противника; даже судья несколько раз вынужден был вмешиваться, потому что Веляга прибегал к запрещенным приемам.

Внезапно ему удалось взять Тракко страшной хваткой, так называемым двойным нельсом. Его огромные руки проскользнули под плечами итальянца и сомкнулись на затылке.

Цирк замер в ожидании.

Борцы застыли в оцепенении – но их неподвижность была полна напряжения: литые клубки мускулов, казалось, вот-вот прорвут кожу. Веляга нажал еще. Багровое лицо итальянца посинело. Глаза вылезли из орбит от боли, по вывалившемуся языку изо рта текла слюна.

– Мерзость! – воскликнула Мариетта и зажмурилась.

– Он его убьет! – вскричала, перепугавшись, сестра. – Пан председатель, ведь это ужасно!

– Пусть свернет ему шею! – ответил Дызма.

– Как вам не стыдно, пан председатель, – вмешалась опять Мариетта.

– Он может сдаться, – пожал плечами полковник.

Но итальянец не думал сдаваться. С редкой выдержкой переносил он дикую боль, но чувствовалось, что он не уступит.

Веляга понял это и, зная, что время вскоре истечет, решил во что бы то ни стало покончить с итальянцем.

Он рванул соперника вбок, подставил ему подножку, бросил на ковер и, навалясь всей тяжестью, поверг его на лопатки.

Цирк задрожал до основания. Дикий рев, буря аплодисментов, топот тысячи ног слились в сплошной гул, заглушив свисток судьи и звонок главного арбитра.

– Браво, Веляга, браво! – ревел Дызма, пот выступил у него на лбу.

Борцы между тем поднялись с ковра.

Веляга стал раскланиваться, а Тракко подошел к столику судейской коллегии и что-то стал говорить, растирая посиневшую шею.

Наконец шум затих. Судья вышел в центр арены и объявил:

– Борьба чемпиона Польши Веляги с чемпионом Италии Тракко закончилась вничью.

Веляга положил противника на лопатки с помощью недозволенного приема. Жюри решило...

Дальнейшие его слова потонула в реве протеста:

– Неправда!

– Не было подножки!

– Судью на мыло!

– Веляга победил!

– Долой макаронника!

Наконец слово взял председатель судейской коллегии:

– Встреча закончилась вничью, потому что Веляга дал противнику подножку. Видел это судья на ринге, видел и я сам.

– Неправда, не давал! – заорал Дызма.

– Это вы говорите неправду, – не без злости ответил арбитр.

– Что? – завопил вне себя Дызма. – Что? Я говорю – не давал. Я председатель государственного хлебного банка, мне больше можно верить, чем этому малому со свистком.

Цирк задрожал от аплодисментов.

– Браво, браво!

– Верно говорит!

Тогда председатель судейской коллегии снова поднялся со стула и крикнул:

– Исход борьбы решает судейская коллегия, а не публика. Встреча закончилась вничью.

Никодим потерял всякий контроль над собой и рявкнул на весь цирк:

– Г...о!⁴²

⁴² В.Э.: В польской книге: «А g...!».

Эффект был колоссальный. С верхнего яруса обрушился ураган аплодисментов, захохотали, заорали, повторяя только что пущенное Дызмой слово.

– Выйдем из этого балагана, – заявил Никодим, – не то меня удар хватит.

Выходили смеясь.

– Ну, теперь ты будешь по-настоящему популярен, – заметил Вареда.

– Что там...

– Не «что там», а точно. Завтра вся Варшава только об этом и будет говорить.

Увидишь. Люди любят сильное слово...

На следующий день о происшествии не только говорили: почти все газеты с подробностями описывали скандал, некоторые поместили даже портрет героя вечера.

Никодим был зол на себя.

– Я правильно сказал. Чего же они считают меня хамом?

– Ничего особенного, пустяки, – утешал его Кшепицкий.

– Вывели из себя, сволочи.

Глава 13

Крохмальная улица в эту пору всегда пустынна. И неудивительно: уже за полночь, а здешние жители встают в шесть утра, чтобы идти на работу. В тусклом свете газовых фонарей спят кирпичные дома. Изредка доносятся торопливые шаги запоздалого пешехода.

Под одной из арок молча ждут, прислонясь к стене, трое мужчин. Можно подумать, что они уснули, но нет – время от времени вспыхивают огоньки трех папирос.

Со стороны Железной улицы слышатся чьи-то тяжелые шаги. Один из ожидающих приседает на корточки, вытягивает шею, отползает назад и шепчет:

– Он.

Шаги всё ближе, и через минуту люди под аркой видят приземистого толстяка в черном осеннем пальто.

Почувствовав, что кто-то идет за ним следом, прохожий оглянулся.

– Нет ли у вас спичек? – спрашивает у него худощавый блондин.

– Есть, – отвечает тот, останавливается и начинает рыться в карманах.

– Ваша фамилия Бочек? – спрашивает вдруг блондин.

Толстяк удивленно на него смотрит.

– Откуда вы знаете?

– Откуда? Оттуда, сволочь, что ты язык на привязи не держишь.

– Почему?..

Кончить он не успел. Удар тяжелого кулака разбил ему нос и верхнюю губу; в тот же миг кто-то треснул его по затылку, кто-то изо всей силы пнул в живот.

– Господи боже мой! – вскрикнул толстяк и покатился в канаву. В голове у него зашумело, во рту появился соленый вкус крови.

Нападавшие, однако, не сочли, что работа кончена. Один из них наклонился над лежащим и принялся бить его кулаками в живот и в грудь, а другой перепрыгнул с тротуара на мостовую и нанес два страшных удара каблуком в лицо.

Невыносимая боль придала сил лежащему. С невероятным при его полноте проворством он вскочил на ноги и диким голосом завопил:

– Караул! Караул!

– Заткни ему глотку! – срывающимся шепотом приказал блондин.

Его товарищ схватил лежащую на тротуаре шляпу жертвы и прижал ее к изуродованному лицу.

– Караул... Караул! – надрывался тот. Далеко на перекрестке появилась чья-то фигура.

– Тихо! Франек, кто-то идет.

– Караул! Караул!

– Ничего не поделаешь, придется его ножиком погладить.

Щелкнула пружина складного ножа, и широкое длинное лезвие бесшумно вошло в тело по рукоятку. Раз, другой, третий...

– Готово.

Молодой человек вытер нож о пальто убитого. Двое других быстро обыскали карманы. Часы, паспорт, бумажник...

Мгновение спустя Крохмальная снова была безлюдна.

Небо начало светлеть, когда в улицу свернули двое полицейских на велосипедах – ночной патруль.

– Гляди-ка, – воскликнул один, – кто-то лежит!

– Наверно, пьяный.

Они соскочили с велосипедов и, увидев лужу крови, поняли, в чем дело.

– Разделали как свинью!

– Пощупай-ка пульс.

– Он уже холодный.

– Вот народ, сукины дети! Надо ехать в комиссариат.

– Третий за эту неделю.

Стал накрапывать дождь. Мелкий, холодный, осенний.

*

«Сегодня ночью патруль VIII комиссариата обнаружил на Крохмальной улице труп мужчины лет пятидесяти.

Врач скорой помощи констатировал смерть, происшедшую вследствие разрыва сердечной сумки острым орудием, потери крови и травмы черепа. Поскольку лицо сильно изуродовано, личность жертвы установить трудно. Документов при убитом не обнаружено. Труп отправлен для вскрытия в морг. Существует предположение, что убитый стал жертвой внутривластных раздоров».

Дызма сложил газету и забарабанил пальцами по столу.

– Что я тут могу сделать? – Никодим пожал плечами.

Сначала смерть Бочка его устарила. Он подумал, что полиция неминуемо доберется до него. И еще одно – а ну, как убитый будет являться по ночам?

С другой стороны, сознание того, что больше не существует этот опасный для него человек, что вместе с ним исчезла висевшая над его головой угроза, постепенно притупило страх, который со временем улетучился окончательно.

Кто может его, председателя правления банка, подозревать в подстрекательстве к убийству!

Наконец разве он, Дызма, виноват в смерти Бочка? Тот сам лез на рожон.

«Сам и виноват. Глупая башка... Доигрался...»

В кабинет вошел Кшепицкий, закрыл за собой дверь, с таинственной улыбкой сообщил:

– Пан председатель, не пожелаете ли принять одного клиента? Любопытный человек.

– Кто?

– Ваш хороший знакомый.

Дызма побледнел как полотно; он вскочил с места и, дрожа всем телом, спросил срывающимся голосом:

– Кто?!

Его охватил нечеловеческий страх. Он представил себе, что там, за дверью, дожидается Бочек. Окровавленный, с изуродованным лицом.

– Что с вами, пан председатель? – спросил с беспокойством Кшепицкий.

Дызма тяжело оперся о письменный стол.

– Вам нездоровится?

– Нет, нет... Так кто же там?

– Куницкий.

– Ах, Куницкий... Хорошо...

– Примете его?

– Да.

В кабинет вбежал Куницкий, все такой же вертлявый и такой же румяный. Еще в дверях поздоровавшись с Дызмой, он с невообразимой быстротой что-то затараторил.

Никодим смотрел на него с минуту, не в силах сосредоточиться, понять, о чем речь.

– Да, дорогой пан Никодим, года у меня прибавляются, но я не старею. Вот и у вас тоже чудесный вид. Что нового в политике? Как дела? Все жалуются на застой, на налоги, мой драгоценный: ведь этот налог с оборота режет человека без ножа. А всякие там поборы на общественные нужды! Прекрасный у вас кабинет, вкус, стиль... Может быть, сделаете мне одолжение, дорогой пан Никодим, откушаете со мной завтрак? С утра во рту ничего не было. Прекрасный кабинет! Не выберетесь ли со мной в Коборово? Погода, правда, собачья, зато тишина, покой. Нервы отдохнут, да и Нина, бедняжка, обрадуется – она так одинока. Прикатили бы на пару деньков, а?

– На следующей неделе, пожалуй.

– Золотой мой, благодарю вас, благодарю. Ну, так идем завтракать. Может, к «Бахусу», а?

– Спасибо, не могу. Сегодня завтракаю у князя Ростockого.

Эта ложь произвела, как и следовало ожидать, сильное впечатление. Расплывшись в улыбке, Куницкий стал говорить о том, какие возможности открываются перед Никодимом благодаря его связям.

Затем всплыла и подлинная причина визита: железнодорожные шпалы. Старик юлил, заискивал, говорил о барыше, который их ждет от этих поставок, убеждал Дызму, что если ему, Леону Куницкому, не захотят дать заказ из-за его процесса, то ведь всё можно оформить на имя Нины Куницкой.

– Трудное дело, – отозвался Дызма.

– Хе-хе-хе, а я знаю, стоит дорогому пану Никодиму пальчиком шевельнуть... Ну, золотой мой, поговорите с министром путей сообщения.

И он пилил Никодима до тех пор, пока тот не согласился.

– Только не уезжайте, пока не обсудим договор; имейте в виду, что я в этом невежда.

Куницкий обрадовался и заверил пана председателя, что останется в Варшаве и в случае необходимости даст нужные сведения, хоть он и уверен, что для такого гения, как Дызма, этого не потребуются.

Приход Кшепицкого прервал поток его красноречия. Пообещав прийти на следующий день, Куницкий распрощался с Дызмой.

– Известный ловкач, – заметил Кшепицкий.

– Еще бы! – подтвердил Никодим. – Такого опутать не легко.

Длинная физиономия Кшепицкого скорчилась в презрительной улыбке.

– По-моему, пан председатель, нет такого ловкача, которого не провел бы другой ловкач.

Дызма от души рассмеялся. Он сам себя считал именно таким ловкачом. Ему даже показалось, что именно так считает Кшепицкий, – об этом по крайней мере говорила его фамильярная улыбка.

– О чем вы думаете? – поинтересовался Дызма.

– Думаю о том, – опустив глаза, ответил Кшепицкий, – что наше время принадлежит человеку, который умеет ловить случай.

– Какой случай?

Кшепицкий запрокинул голову, провел рукой по острому кадыку и как бы невзначай заметил:

– Коборово – лакомый кусочек.

– Еще бы!..

– Не каждому представится случай...

Дызма кивнул:

– А вот Куницкому досталось.

– А может, достанется... и вам?

Никодим недоверчиво глянул на секретаря.

– Мне?

– Мир принадлежит тем, кто не считается с условностями.

– Вы хотите сказать, что совесть – помеха?

Кшепицкий ответил не сразу, он внимательно следил за Дызмой.

– Пан председатель, – начал он, взвешивая каждое слово, – вы, наверно, знаете, что я для вас больше чем простой доброжелатель?

– Знаю.

– Так вот, я хочу быть искренним... Для вашего блага. Но не отрицаю, что и для своего. В наше время проигрывает тот, кто глуп.

Кшепицкий задумался. Теряя терпение, Дызма стал его подгонять:

– Да говорите же, черт вас возьми!

– А не рассердитесь на меня, пан председатель?

– Вы что же, за дурака меня принимаете?

– Боже сохрани. Я потому и говорю...

Кшепицкий придвинул стул, лицо его выражало сосредоточенность.

– Пан председатель, жена Куницкого по-прежнему вас любит?

– Еще как! Ежедневно вот такие письма пишет.

– Очень хорошо.

Кшепицкий наклонился к уху Никодима и зашептал...

Был уже четвертый час, когда оба вышли из банка и сели в автомобиль.

– В «Оазис»! – крикнул Дызма шоферу и хлопнул своего секретаря по колену. – А у вас голова на плечах. Только бы удалось.

– Почему ж не удастся? Значит, мы заодно? – протянул Дызме руку Кшепицкий.

– Еще бы! – И Дызма обменялся с ним крепким рукопожатием.

В тот же вечер Никодим Дызма нанес визит инженеру Роману Пильхену, министру путей сообщения.

Это был щуплый брюнет, человек уравновешенный, вечно улыбающийся, известный своей склонностью к уменьшительным словечкам. Министр со своей рыжеватой женой, по-видимому еврейкой, встретил Дызму восторженно.

– Председательчик, миленький! – воскликнул при виде Никодима Пильхен. – Ну и словечко вы отмочили в цирке! Чтоб вас комарик забодал! Я думал, удар хватит меня от смеха! Вот это называется формулировочка!

– Может быть, не слишком салонная, – растягивая слова, подтвердила жена, – зато по-мужски.

– Ты права. В нашей стране чересчур много шаркунов и слюнтяев. Мы любим всё посахарить. Крепенькое словечко действует, как ушати́к холодненькой водички.

Никодим рассмеялся и стал объяснять, что ему было просто необходимо излить ту ужасную злобу, которая им овладела.

После ужина приступили к делу.

Никодим и не думал, что всё пойдет так гладко. Правда, Пильхен предупредил, что окончательного решения принять не может, пока не согласует вопроса с соответствующим департаментом в своем министерстве, но в принципе для миленького председательчика готов на всё. Шпалы так или иначе пригодятся.

– Даю вам слово, мы покончим с этим скорехонько. Как бы там ни было, самое главное – не откладывать, такое уж у меня правило.

Дызма почесал в затылке.

– Собственно говоря, мне важно решение по этому делу оттянуть...

– Оттянуть, братец? – удивился министр.

– Мне это не к спеху.

Пильхен рассмеялся и заметил, что в таком случае придется считать Дызму «необычным клиентиком».

Осведомившись, можно ли завтра прийти в министерство, Никодим стал прощаться.

– Светленькая головочка, – заметил министр, когда дверь за Дызмой закрылась. – Поверь, моя малюсенькая, каждая оказанная ему услуга – хорошо помещенный капиталец.

– Ах, не знаю, – отвечала пани Пильхен, – не понимаю я этих ваших политических комбинаций, знаю только одно: Дызма производит очень хорошее впечатление. Вот что значит английское воспитание!

Никодим вернулся домой и сразу позвонил Кшепицкому, сообщив ему, что дело на верном пути.

Затем принялся читать невскрытые письма Нины. В них он искал подтверждения прочности ее чувств.

Слова и тон писем не оставляли ни малейшего сомнения. Там только и было, что рассуждения о любви, жалобы на тоску, воспоминания о проведенных вместе минутах и мечты о будущем счастье вдвоем.

В одном из писем говорилось, как горько ей будет расстаться с Коборовым, где она родилась и где всё напоминает ей безмятежное детство.

Дызма улыбнулся и открыл ящик стола. Из пачки бумаг вынул доверенность, на основании которой он мог от имени Нины Куницкой вести все ее дела. Эту доверенность вручил ему Леон Куницкий вскоре после приезда Никодима в Коборово. Он старательно сложил доверенность, спрятал ее в бумажник.

Весело насвистывая, разделся и с размаху бросился в постель. Его мысли занимала большая игра, которую он начал. Это были радостные и волнующие мысли.

Вдруг, без всякого повода, в тот самый момент, когда он выключил стоящую на ночном столике лампу и комната погрузилась в темноту, всё его существо пронзил дикий страх.

«Убили Бочека!»

Дызма оцепенел.

«Убили по моему приказу... За мои деньги... Я убил Бочека... Черт!»

Упрямая мысль всё настойчивей лезла в голову. А вдруг существует загробная жизнь? Правда ли то, что говорят о духах?..

У противоположной стены что-то зашевелилось в темноте... Выступил чей-то силуэт.

Волосы у Никодима стали дыбом, трясущейся рукой потянулся он к выключателю, но рукавом пижамы задел за абажур, и лампа с грохотом опрокинулась на пол.

Никодим остолбенел. А тень двигалась к постели. Кровь прилила к сердцу, из горла вырвался пронзительный, протяжный крик. Один, другой, третий...

Секунды казались часами.

Вдруг до него донеслось шлепанье туфель. Через щель в дверях в комнату упала полоса света, на пороге спальни показался Игнатий с револьвером в руках.

– Что случилось?

– Зажги скорей свет.

Слышно было, как Игнатий шарит по стене. Щелкнул выключатель. Комнату залил свет – ослепляющий, чудесный, спасительный свет.

– Что случилось, пан председатель? Дызма сел на кровати.

– Ничего. Во сне померещилось... что этот... что вор...

– А я напугался. Ну, слава богу.

– Нервы у меня расшатались. Знаешь, Игнатий, возьми свою постель и ляг тут на оттоманке.

– Как прикажете.

– Да! И походи в буфетную, налей рюмку водки, принеси сюда. Это меня успокоит.

Осушив двумя глотками рюмку, закусив водку каким-то черствым пирожком, Никодим почувствовал облегчение. Игнатий улегся на оттоманке.

«Тьфу! Какая же я баба!» – сам себе сказал Дызма, повернулся к стене и заснул мертвым сном.

Глава 14

Посмотрев доверенность, Кшепицкий вернул ее Дызме и заявил:

– Всё в полном порядке. А вы знаете, кто в министерстве будет оформлять это дело?

– Разумеется, знаю. Некто Черпак, начальник отдела.

– Как, Черпак? Смешная фамилия. Но не в этом дело. Главное – что он за птица.

– Этого я не знаю, но, по-видимому, с ним можно спеться. Наконец тот факт, что министр Пильхен лично передал мою просьбу этому Черпаку, должен облегчить нам дело.

В одиннадцать явился Куницкий. Он начал с погоды, затем перешел на вчерашнее представление в театре, но в глазах всё время поблескивало беспокойство: сделал для него Дызма что-нибудь или нет? Наконец осторожно осведомился. Никодим кивнул головой.

– Конечно. Вчера был у министра...

– Золотой мой! Ну и что?

– Было нелегко, но в конце концов я его уговорил заняться этим делом...

– Слава богу! Дорогой пан Никодим, мне вас само небо послало!

– Стараюсь, как могу.

Он объяснил Куницкому, что дело займет несколько дней, может и неделю: деловые свидания, беседы. Пока вопрос в принципе не решен, Куницкому незачем появляться в министерстве; когда речь пойдет о заключении договора, ему придется лично улаживать о некоторых деталях.

– Великолепно! Великолепно! – ликовал Куницкий. – Пан Никодим, может быть, какие-нибудь расходы... Я к вашим услугам. – И он вынул бумажник в ожидании ответа.

Никодим покачался в кресле.

– Пожалуй... пожалуй, тысяч пять хватит... – ответил он, погружаясь в раздумье.

– Пусть будет шесть! Мы еще с лихвой отыграемся на этом деле, хе-хе-хе... Хочешь хорошо ехать – смажь колеса! Не жалея масла! Это, пан Никодим, лучший принцип во всех делах. Не бояться издержек, если собираешься получить прибыль.

Он отсчитал двенадцать новеньких банкнотов, которые Дызма небрежным жестом сгреб в карман. Он настолько свыкся с крупными суммами, что деньги не производили уже на него того потрясающего впечатления, как это было сперва.

На этот раз он согласился позавтракать с Куницким. Во время завтрака пришлось выслушать целую лекцию о поставках вообще и о поставках шпал в частности.

В три часа Дызма отправился в министерство. Несмотря на то, что Пильхен был уже в пальто и в шляпе, при виде Дызмы он немедленно изъявил готовность задержаться еще немного. Он объявил Никодиму, что всё в порядке. Пусть условия «дражайший председательчик» обсудит с Черпаком. Можно это сделать в любое время.

– Разумеется, мы заключаем эту сделку на том основаньице, – добавил министр, – что я питаю абсолютное доверие к вам и убежден: вы личненько дадите нам гарантию, что всё будет в порядочке.

– Безусловно.

В тот же вечер Никодим был на приеме у графини Чарской, вдовы Маврикия Чарского, кашовицкого ордината, который оставил после себя небольшое состояние и скромное литературное наследство в виде четырнадцати повестей, изданных за счет автора, и шести – увы! – нигде не игранных исторических драм.

На этом основании вдова графа считала своей священной обязанностью окружать себя литераторами: в Варшаве не было ни одной известной в литературном мире личности, которая не фигурировала бы в числе посетителей ее салона.

Большинство литераторов бывало там часто. Они приходили туда с пустым желудком, а уходили с полным, унося под мышкой по меньшей мере по два тома сочинений покойного графа Маврикия, с тем чтобы, появившись на очередном ужине, превознести до небес талант умершего собрата и выразить искреннее возмущение по поводу того, что о таком замечательном писателе так быстро забыли.

Только две особы в салоне демонстративно зевали во время чтения шести исторических драм: племянницы хозяйки дома – Ивонна и Мариетта.

Ради хорошеньких сестер сюда, кроме литераторов, сходилась немало аристократической молодежи.

Стоило Никодиму переступить порог гостиной, как он встретился с теми, кого видел у Пшеленской или у князя Ростоцкого, и, что его очень смутило, он обнаружил тут почти всех дам – участниц той дьявольской ночи. Единственным утешением было то, что отсутствовала Стелла, которой, откровенно сказать, Никодим сильно побаивался.

Встретили его радостно и вместе с тем почтительно.

Дамы из ложи Троецветной Звезды во главе с Лялей Конецпольской так приветствовали Дызму, что он почувствовал замешательство.

В их глазах он читал напоминание об этой проклятой ночи. Взглядом они ловили его взгляд, во всем их поведении было что-то вызывающее.

Никодим с удовольствием сбежал бы отсюда, если б не был уверен, что может завязать здесь новые знакомства, которые пригодятся ему в будущем.

Графиня Чарская с места в карьер атаковала Дызму ворохом вопросов в связи с бессмертными произведениями покойного Маврикия Чарского. Никодим извивался как мог, уверяя, что много раз читал и «Цветы чувств» и «Соловьиною песню».

Меж тем Мариетта предложила Дызме познакомиться с чрезвычайно интересным писателем – Зеноном Личковским. Личковский тут же предложил Дызме участвовать в подготовительных работах по созданию литературной академии.

– Не сомневаюсь, пан председатель, что вы признаете необходимость создать организацию, которая объединит под своей эгидой лучшие имена и даст избранным возможность заняться исследовательской работой.

– Конечно, – ответил Никодим, не понимая, в чем суть дела, но чувствуя, что надо согласиться с Личковским.

Какой-то тощий тип в роговых очках бесцеремонно взял Дызму за пуговицу и красноречиво стал втолковывать ему принципы организации литературной академии, выразив при этом уверенность, что пан председатель поддержит идею создания штаба польской литературы не только в министерстве просвещения, но и у президента Жечи Посполитой. К ним присоединились еще несколько гостей, и все, не жалея слов, принялись уговаривать Никодима содействовать этому начинанию.

Дызма пообещал сделать всё возможное, чтобы поддержать предводительствуемых Личковским литераторов.

Графиня Чарская сновала между гостями. Она нашла время и для Никодима, чтобы вытянуть из него двести злотых в пользу какого-то благотворительного учреждения.

Как только Никодим получил возможность прервать разговор с двумя стареющими дамами, он бесследно испарился.

Дома он застал новое письмо от Нины. Там, как обычно, она многословно описывала свои переживания. В этом письме, кроме того, она еще обращалась к Никодиму с просьбой вернуться в Коборово.

Никодим позвонил Кшепицкому и долго беседовал с ним.

Оба были довольны ходом дела. Кшепицкий просил Дызму, чтоб тот постарался заручиться доверием Куницкого.

– Он должен верить вам, пан председатель, иначе всё полетит к черту.

– Почему б ему не верить!.. – Никодим пожал плечами.

– Самое главное, чтобы Нина в последнюю минуту не испортила дела.

– Не бойтесь, справлюсь.

В час явился Куницкий. Он был в приподнятом настроении, надежды его не покидали. Узнав, что министр почти согласился на поставку, Куницкий бросился Дызме на шею. Он принялся уверять драгоценнейшего пана Никодима, что другого такого человека, как он, на свете не сыщешь.

Было уже около четырех, когда Никодим позвонил к Черпаку и условился с ним поужинать. Кшепицкий в этот день не сопровождал своего патрона.

Черпак оказался бойким человечком лет сорока. Ему хотелось одного – бросить карьеру чиновника и поступить на службу в частную фирму.

Никодим сразу учуял это. Без церемоний предложил Черпаку место директора коборовской лесопилы.

Только теперь стало ясно Никодиму, что лишь благодаря помощи министра удалось ему избежать тех осложнений, которые могли возникнуть в связи с прежним процессом Куницкого.

Черпак был, по-видимому, готов за соответствующую мзду на что угодно.

Не вникая в тайные намерения Дызмы, он пообещал строго придерживаться его инструкций, а те были весьма просты.

– Пан Черпак, через два дня вы вызовете к себе Куницкого.

– Слушаюсь.

– Начнете копать в деле... Нужно создать впечатление, что поставку он сможет получить только после того, как будет выполнен целый ряд формальностей.

– Понимаю, пан председатель, уж я ему вымотаю душу.

– После трехдневных разговоров вы скажете, что в четверг утром, перед отъездом за границу, его примет министр, который лично намерен расспросить его о некоторых деталях. Понятно?

– Понятно, пан председатель.

– Так ему и скажете – в четверг утром. Не забудьте – в четверг утром. В котором же часу... Гм... В одиннадцать. Затем попрощаетесь с ним, а в час позвоните мне в банк. Куницкий будет у меня. Вы его вызовете к телефону и скажете, что возникли осложнения, что министр узнал о его процессе и заявил, что из этого дела ничего не выйдет, если Куницкий не представит немедленно оправдательных документов.

– А процесс действительно был?

– Был. На это Куницкий скажет, что документы у него в Коборове, что он немедленно за ними и завтра представит их министру. Я думаю, ответит он именно так. Вы возразите – дескать, это невозможно: к одиннадцати он не успеет, а министр желает с ним лично обсудить финансовую сторону вопроса, и притом непременно в четверг утром. Понятно?

– Понятно, пан председатель.

– Надо сделать так, чтоб Куницкому пришлось послать кого-нибудь другого за документами, а сам он шагу не мог бы сделать из Варшавы. Вот что, пан Черпак, вы должны устроить.

– Для вас, пан председатель, что угодно устрою.

– И не пожалеете об этом, – сказал Дызма, вставая.

Два дня прошли. Никодим был как в лихорадке. Он вел бесконечные разговоры с Кшепицким, который до малейшей подробности разработал план действий, беспрестанно принимал у себя сияющего, как майское утро, Куницкого, нанес продолжительный визит пани Пшеленской и еще более продолжительный – ее знакомому, комиссару уголовного розыска, писал письма, говорил по телефону, сидел на заседаниях – и всё это, не считая частых совещаний с Черпаком.

В душе Никодим восхищался ловкостью Кшепицкого. В его обществе он чувствовал себя уверенно, отлично понимая, что и Кшепицкому с ним неплохо.

План мало-помалу, созрел: затягивалась невидимая Куницкому сеть. После каждого разговора с Черпаком он появлялся в банке и, давая Дызме подробный отчет, не скрывал при этом своей радости и признательности. Никодим, впрочем, кадил ему не меньше, источая заверения в дружбе и верности.

Наступил решающий четверг.

Ровно в час в кабинете пана председателя раздался телефонный звонок.

– У, черт побери! – с хорошо разыгранным раздражением воскликнул Никодим. – Разрешите, пан Куницкий, узнать, кто это там трезвонит.

– Пожалуйста, дорогой пан Никодим, – весело подпрыгнул на стуле Куницкий.

– Слушаю!..

– ...

– Что?

– ...

– А, добрый день! Вам везет: пан Куницкий как раз у меня.

И он передал трубку Куницкому.

– Это пан Черпак. Он ищет вас по всему городу.

Куницкий схватил трубку.

– Алло!.. Мое почтение, пан начальник, мое почтение! Чем могу вам служить?

Дызма встал и отошел к окну. Стал внимательно слушать. Он был возбужден, пальцы впелись в подоконник. Мало-помалу начал успокаиваться. Всё шло как по маслу.

В голосе Куницкого зазвучали нотки беспокойства, страха, слезливой мольбы, и наконец, положив трубку, он воскликнул:

– Что делать! Что делать!

– А что случилось? – участливо осведомился Дызма.

Куницкий бросился на стул, отер со лба пот. Шепелявя сильнее обычного, принялся рассказывать Никодиму, что потребовались документы о процессе; он должен представить их самое позднее завтра, в восемь вечера, но сам ехать не может, потому что министр назначил ему завтра прием в одиннадцать утра. После этого он уедет на целый месяц.

– Спасите, дорогой пан Никодим, посоветуйте, что делать. Как горю помочь?

– Гм... Очень просто: телеграфируйте в Коборово, пусть вышлют документы.

– Ах, если б это было возможно! – запричитал Куницкий. – Документы в несгораемом шкафу, а ключи при мне.

– Тогда надо немедленно кого-нибудь послать туда... У вас есть автомобиль. Пошлите шофера.

– Шофера?! Золотой мой! Разве я могу дать шоферу ключи от сейфа?! Там и деньги, и бумаги, и драгоценности, и документы огромной важности. Боже мой, боже мой, что делать, что делать?!

Дызма задумался.

– Ну хорошо, есть у вас в Варшаве верный человек?

– Никого, никого, ни живой души!

– Тогда на поставку придется махнуть рукой.
– Но это же миллионы, миллионы! – заверещал Куницкий. – Я мечтал об этом давно!
И теперь... Ах, какой я идиот, надо было взять ее с собой!..
– О чем вы говорите?
– О зеленой папке, которую я вам показывал... Помните?
И Куницкий хлопнул себя по лбу. Он хотел еще что-то прибавить, но смолк, закусив губу.
– Разумеется, помню. Зеленая папка, – хладнокровно подтвердил Дызма.
– Есть еще одно средство, – заговорил нерешительно Куницкий, – есть один выход,
но...
Дызма опустил глаза – а вдруг Куницкий прочтет в его взгляде ожидание?
– Какой выход?
– Гм... Не смею даже просить... Но вы сами понимаете, как это важно... Для меня,
да и для вас...
– Ясно. Миллионы под ногами не валяются.
– Дорогой пан Никодим, – не удержался наконец Куницкий, – вы единственный
человек, который может спасти всё дело.
– Я? – удивился Дызма.
– Вы, вы, потому что только вам я доверяю. Пан Никодим, дорогой, золотой мой, не
откажите...
– В чем именно?
– Правда, вы слегка устанете, но что это значит в ваши-то молодые годы? Дорогой
пан Никодим, не катнуть ли вам в Коборово?
Куницкий вынул из кармана кожаный мешочек, в котором побрякивали ключи.
– Спасите меня. Единственная надежда на вас!
Никодим пожал плечами.
– Не люблю копаться в чужих тайниках.
– Золотой мой! Бесценный! – Куницкий умоляюще сложил руки.
Никодим прикинулся, будто думает.
– Мчаться как сумасшедшему... Не выспаться...
– Что же делать, что делать?! – гнусавил в отчаянии Куницкий.
Дызма забарабанил пальцами по письменному столу, наконец махнул рукой.
– Ну ладно, нелегкая вас возьми, поеду.
Старик, шепелявя, рассыпался в изъявлениях благодарности, принялся жать Никодиму
руку, но в маленьких, бегающих глазках сквозили боязнь и недоверие.
– Какой ключ?
– Вот этот, этот, отпереть не так-то просто, верхний циферблат надо поставить на
девятку, нижний – на семерку.
Дызма взял карандаш, записал цифры.
– Ну хорошо, поем на скорую руку и поеду. Вызовите автомобиль.
Через час, после непродолжительного совещания с секретарем, Никодим сошел вниз.
У ворот подждал его Куницкий. Он не мог скрыть своего волнения. Подозрительно косясь
на Дызму, стал давать последние указания, пояснил, что папка с документами находится на
верхней полке, справа, что все документы о процессе собраны в одном месте и потому рыться
больше нигде не надо.
– Ладно, ладно, – прервал Дызма Куницкого и открыл дверцу автомобиля.
– Не забудьте, дорогой пан Никодим, хорошенько запереть сейф и переставить
стрелки на циферблатах.
– Хорошо... До свидания. Поехали.
Машина тронулась. Через четверть часа они были уже за городом.
Никодим вынул длинный, узкий стальной ключ, с интересом стал его рассматривать.
– Такая маленькая штучка, – пробурчал он, – а столько от нее зависит.
Автомобиль мчался по знакомому шоссе. Вскоре заморосил дождь, стекла покрылись
крохотными капельками. Приближались ранние осенние сумерки. Никодим поднял воротник и,
не переставая размышлять о предстоящем деле, погрузился в дремоту.
Машина остановилась только раз – пришлось сменить колесо, так как покрышку проколол
брошенный на дороге гвоздь.
Наступила уже ночь, когда вдали показались огоньки Коборова.

Никодим вышел из автомобиля, буркнул приказание шоферу. Отворились двери, выбежали слуги.

- Хозяйка дома? – спросил Никодим, не ответив на их приветствия.
- Дома, ясновельможный пан. Хозяйка в библиотеке.
- Хорошо.
- Прикажете доложить?
- Не надо. Можете идти. Обойдусь без вас.

Миновав темную гостиную, Никодим отворил дверь в библиотеку. Склонившись над книгой, за столом сидела Нина. Она даже не подняла головы. Никодим закрыл дверь и кашлянул.

Только теперь Нина посмотрела на него, и сдавленный крик вырвался из ее горла. Она вскочила, подбежала к Никодиму, обняла его за шею.

– Нико, Нико, Нико!..

Нина прижалась к нему, лицо ее светилось счастьем.

- Приехал, приехал, мой милый, мой единственный!
- Как живешь, Ниночка?
- Боже, как я истосковалась по тебе!
- А я не тосковал?
- Ну, садись. Скажи, надолго?
- Увы, па несколько часов.
- Что ты говоришь? Это ужасно!
- Так сложились дела.

Нина принялась гладить его по лицу.

Никодим в двух словах объяснил цель приезда, добавив, что с радостным чувством отправился в эту поездку, – ведь она сулила ему пусть непродолжительное, но всё же свидание с Ниной.

Нина села к нему на колени и, перемежая речь поцелуями, стала говорить о своей тоске, о любви, о надежде, о той счастливой минуте, когда она наконец станет его женой.

– Если не случится ничего непредвиденного, – прервал ее Дызма, – мы поженимся раньше, чем ты думаешь.

– Как же так? А развод? Ведь разводы тянутся месяцами.

– Дело обойдется без развода. Я советовался с адвокатами. Мы аннулируем брак.

– Я ничего не понимаю в этих делах, – с сомнением в голосе сказала Нина, – но ты очень добр, раз ты уже подумал об этом.

Ужинать они перешли в столовую. Нина принялась расспрашивать Никодима о его теперешнем времяпрепровождении. Она радовалась, что он бывает у Чарских, у Ростоцких, состоит попечителем комитета по разработке проекта литературной академии, что он уже положил в банк не один десяток тысяч злотых.

Когда встали из-за стола, лакей доложил, что шофер приготовил всё для обратной дороги.

– Хорошо. Пусть подождет.

Глянув на карманные часы, Никодим заявил, что ему надо спешить. Нина собралась было пойти с ним в кабинет Куницкого, но Никодим попросил ее подождать.

– Почему? – удивилась Нина.

– Видишь ли, мне предстоит прочесть некоторые бумаги, сделать пометки... А с тобой не до этого будет... Подожди, я сейчас вернусь.

Никодим зажег свет, раздвинул тяжелую бархатную портьеру.

В нише стоял зеленый несгораемый шкаф. Никодим посмотрел на него оценивающим взглядом. Немало придется поработать грабителям, если они вздумают добраться до ценностей, а ему, Дызме, хватит и минуты, чтобы открыть шкаф без малейшего усилия.

– Если у тебя башка хорошо варит, – вслух сказал Никодим, – то и отмычек не надо... Правда – комбинация не моя, Кшепицкого, но впрок она пойдет мне.

Ключ бесшумно повернулся в замке. Ручка поддавалась, и дверца открыта.

Внутри царил образцовый порядок. Справа на полках были разложены книги и папки с бумагами, слева громоздились пачки кредитных билетов. Две полки были заставлены коробками; туда Дызма заглянул прежде всего: ювелирные изделия, множество золотых колечек, ожерелья, брошки, бриллианты, рубины.

– Точно у ювелира.

Нужно было торопиться. Никодим вынул все папки, конторские книги, записные книжки. Набралась увесистая кipa. Он перенес ее на письменный стол и, отложив в сторону зеленую папку, раскрыл первую книгу. Перелистывая испещренные датами и цифрами страницы, Никодим догадался, что перед ним список должников Куницкого еще с тех времен, когда он занимался ростовщичеством. Об этом красноречиво говорили цифры взысканных процентов. Среди прочих записей часто повторялась фамилия отца Нины: «гр. Понимирский – 12 000 злотых», «гр. Понимирский – 10 000 злотых».

Дызма потянулся к другой книге. Доходы с Коборова. Третья, четвертая и пятая тоже были испещрены цифрами.

Никодима это не интересовало. Он принялся за папки. И в первой нашел то, чего искал: векселя. Собственно, даже не векселя, а незаполненные бланки с подписями. Их была целая пачка, и всюду тот же росчерк: Нина Куницкая, Нина Куницкая, Нина Куницкая, Нина Куницкая...

Под векселями лежала доверенность, выданная Ниной на имя мужа, и нотариальный акт о продаже ей Коборова.

Этот акт Дызма спрятал в карман, после чего завязал папку тоже и отложил ее в сторону. Туда, где уже лежала зеленая папка.

Просмотрел он и остальные папки. Результат превзошел ожидания. В первой же папке он обнаружил два конверта. На маленьком написано: «Мое завещание», на большом – «В случае моей смерти сжечь, не распечатывая».

– В случае смерти, – рассмеялся Никодим, – но так как смерть не наступила, можно распечатать.

И он сломал сургучную печать. Сверху лежал австрийский паспорт.

– Попался, братишка!

Паспорт был выдан на имя Леона Куника, сына Геновефы Куник и неизвестного отца. В графе «профессия» черным по белому было написано: «Кельнер».

Следующим документом был приговор краковского суда: трехмесячное тюремное заключение за кражу посуды из накладного серебра. Под приговором лежала пачка писем. Затем записная книжка, вся испещренная пометками, и снова приговор суда, на этот раз уже варшавского. Леон Куник приговаривался к двум годам тюремного заключения за подделку денег...

Никодим глянул на часы и выругался.

Было уже за полночь. Он быстро собрал разбросанные по столу бумаги, сунул их в карман.

Остальные вещи спрятал обратно в сейф, запер его на ключ и, взяв под мышки обе папки, пошел прощаться с Ниной. Она дожидалась его в будуаре и начала уже нервничать. Тем не менее встретила его улыбкой.

– Пора ехать, мой бесценный?

– Ничего не поделаешь, пора. – Никодим сел рядом, взял ее за руку. – Дорогая Ниночка, – начал он, припомнив, что велел ему Кшепицкий, – дорогая Ниночка, чувствуешь ли ты ко мне полное доверие?

– Ты еще спрашиваешь об этом?! – с упреком воскликнула Нина.

– Видишь ли... как бы это сказать... Произойдут кое-какие события... Выяснятся некоторые обстоятельства...

– Не понимаю.

– Или всё останется по-старому и ты всю жизнь будешь с Куницким, или же мы обвенчаемся, а Куницкий провалится ко всем чертям. Выбор зависит от тебя.

– Ник! Ведь тебе всё ясно!

– Я тоже так думаю. В таком случае, Ниночка, прошу тебя... Ты должна мне верить, со всем соглашаться, ни в коем случае не возражать, а я уж всё улажу.

– Хорошо, но почему такая таинственность? Ведь и так всё ясно.

– Еще не всё, – сказал Дызма нерешительно, – но скоро будет всё ясно. Он стар, а перед нами – жизнь... Понимаешь?..

Нина почувствовала беспокойство, но предпочла не допытываться и сказала просто:

– Я во всем доверяю тебе.

– Тогда всё в порядке. – И Никодим хлопнул себя руками по коленям. – А теперь пора ехать. До свидания, Ниночка, до свидания.

Он обнял ее, стал целовать.

– До свидания, мое сокровище. Не считай меня злым человеком. Запомни: что бы я ни делал, я делаю это лишь потому, что люблю тебя больше жизни.

– Знаю... знаю... – отвечала Нина, осыпая его поцелуями.

Поцеловав Нину на прощание в лоб, Никодим взял папку и вышел. В вестибюле, когда он надел пальто, Нина при лакее еще раз попрощалась с ним, теперь уже как со знакомым.

– До свидания, счастливого пути. Что касается дела, поступайте так, как найдете нужным... Я верю вам... Я должна вообще кому-нибудь верить... До свидания...

– До свидания, пани Нина, всё будет в порядке.

– Приезжайте поскорей.

– Как только вырвусь, сразу приеду.

Никодим поцеловал Нине руку. Лакей отворил дверь, и Никодим пробежал под проливным дождем несколько шагов до автомобиля.

– Собачья погода, – буркнул Дызма, захлопывая дверцу.

– Наверняка будет лить всю ночь, – отозвался шофер.

Действительно, дождь не кончился до рассвета, и въехавший в Варшаву автомобиль по самую крышу был забрызган грязью.

Не было еще и восьми, когда Дызма, отперев дверь своей квартиры, застал у себя Кшепицкого. Захлопнув дверь кабинета, чтоб лакей их не подслушал, они занялись разборкой привезенных Никодимом документов.

Кшепицкий в восторге потирал руки. Когда в пачке относящихся к процессу писем они нашли доказательства, говорившие о том, что чиновники были подкуплены, он вскочил и воскликнул:

– Нечего ждать, едем в уголовный розыск.

– А вексель? – спросил Дызма.

– Вексель... гм... По правде сказать, можно бы их сохранить на тот случай, если чувства Нины изменятся, но безопаснее, конечно, их сжечь, раз вы уверены, что она выйдет за вас замуж.

– В этом нет сомнения.

– Великолепно. Едем.

Начальник уголовного розыска, старший комиссар Рейх, принадлежал к категории людей, готовых из-за карьеры на всё. Холодный, расчетливый, проницательный, он сразу раскусил тайные намерения Дызмы. Несмотря на красноречие Кшепицкого, который всячески подчеркивал бескорыстие своего начальника, старший комиссар Рейх поставил вопрос ребром:

– Пан председатель, вы намерены вступить в брак с Куницкой?

Нечего было делать, пришлось сознаться, что именно таковы его намерения.

– Не подумайте, пан председатель, что я собираюсь вмешаться в вашу личную жизнь. Ничего подобного. Но я полагаю, что тюремное заключение Куницкого повлечет за собой, как естественное следствие, судебный процесс.

– Верно, – подтвердил Кшепицкий.

– В этом-то всё и дело, – продолжал комиссар. – Я склонен думать, что такой процесс, который явится сенсацией, вряд ли доставит удовольствие вашей будущей супруге, да и вам тоже.

– Гм... Что же предпринять?

Комиссар Рейх некоторое время молчал.

– Пан председатель, есть один только выход.

– Какой?

– Положим, Куницкому грозит десять, по меньшей мере – шесть лет строгой изоляции. Это несомненно. Улики таковы, что выпутаться он не сумеет. Что бы вы сказали, если б мы попробовали прийти к соглашению с ним?..

– К соглашению?..

– Ну да. Во всяком случае, ему вовсе не хочется просидеть лет десять за решеткой. Я полагаю, он согласится на ваше предложение: отказ от претензий на имущество жены, от претензий к вам, за это вы даете ему известную сумму денег плюс заграничный паспорт. Пусть отправляется куда хочет.

– Он не замедлит вернуться.

– На это тоже есть средство. Сделаем так: сегодня я его арестую, учиню строгий допрос, покажу ему все эти бумажки и запрю дня на два-три, пусть размякнет. Потом опять

возьму на допрос и тогда уже предложу соглашение. Не примет – тем хуже для него, примет – дам ему паспорт и позволю бежать за границу. Бежать! Понимаете? Бежать – это значит, отрезаны все пути к возвращению, потому что я за ним по пятам разошлю приказ об аресте. Что вы скажете на это, пан председатель?

– Очень толково, – кивнул Кшепицкий.

– Я тоже так думаю, – отозвался как эхо Дызма.

– Конечно, план отличный, – продолжал Рейх, – но я не уверен, что смогу осуществить его. Если откроется вся эта история, я пострадаю больше всех. В лучшем случае отставка, а то и тюрьма. Рискованная игра...

– Пан комиссар, – прервал его Кшепицкий, – мне кажется, опасения не имеют почвы. Учтите, пан председатель – влиятельное лицо в правительственных кругах. В Варшаве, пожалуй, не найдется другого такого человека, который может сделать столько же, сколько пан председатель.

Рейх поклонился.

– О, я это прекрасно знаю! Тем приятнее мне оказать мелкую услугу столь заслуженному человеку, тем более что пан председатель, вероятно, не забудет про меня в будущем.

– Само собой разумеется, – кивнул Дызма.

– Сердечно благодарю. Я высоко ставлю поддержку пана председателя, об этом говорит хотя бы тот факт, что я собирался изложить ему свою скромную просьбу.

– Охотно сделаю всё, что могу.

– Для вас это пустяк, а для меня очень важно. Дело в следующем: с Нового года уходит в отставку заместитель начальника полиции. Если мне заручиться поддержкой такой высокой персоны, как вы, я мог бы наверняка рассчитывать на назначение...

– От кого это зависит? – осведомился Никодим.

– От министра внутренних дел.

– Если так, то можете быть спокойны, – ответил Дызма, – это мой друг.

– Сердечно благодарю.

И Рейх вскочил, чтобы пожать Дызме руку.

Перешли к обсуждению деталей. Рейх и Кшепицкий учли всё до последней мелочи, и, слушая их, изумленный Дызма признавался себе, что ни за что не сумел бы с такой ловкостью обстряпать всё дело.

В банке их уже поджидал Куницкий. Лицо, глаза – всё его поведение говорило о беспокойстве.

Пройдя мимо, секретарь окинул его насмешливым взглядом, но Куницкий даже не заметил этого. Рысцей бросился он навстречу Дызме и загнусавил:

– Приехали! Очень рад. Привезли папку?

– Здравствуйте. Привез.

– Пан Никодим, что всё это значит?

– Что вы имеете в виду?

– Прием у министра! Черпак сказал, что прием отложен. Министр вовсе не уезжает.

Пан Никодим, он и не собирался уезжать. Что это значит?

– Пойдемте ко мне, – ответил, краснея, Дызма, – там я вам всё объясню.

– Ничего, ничего не понимаю, – беспрестанно повторял Куницкий, семена следом за Дызмой.

– Игнатий, можешь идти в город, – отпустил Дызма лакея.

Когда тот ушел, Никодим сказал, обращаясь к Куницкому:

– Видите ли, ваша жена решила развестись с вами.

– Что такое? – встрепенулся Куницкий.

– То, что вы слышите. Она разводится с вами и выходит замуж за меня.

Куницкий со злобой посмотрел на Дызму.

– Ах, так... Может быть, она приехала вместе с вами?

– Нет, она осталась в Коборове.

Старик беспрерывно кусал губы.

– Когда же это она решила? Это невозможно! Она ничего мне не говорила! Это, наверное, каприз? Это, наверное, вызвано вашей интригой...

– Какой там интригой... Она попросту втюрилась в меня, ей надоел такой старый хрыч, как вы.

- Но у этого старого хрыча, – зашипел Куницкий, – миллионы.
- Шиш, не миллионы. И миллионы и Коборово – всё собственность Нины.
- На бумаге, только на бумаге, уважаемый председатель! Не на что зариться!
- А вот и есть на что, – философски заметил Дызма.
- Увы, мне очень жаль, – со злорадством захихикал Куницкий, – но у меня векселя жены на такую сумму, которая с избытком покрывает стоимость имения.

Никодим заложил руки в карманы, выпятил губы.

– Что касается векселей, пан Куницкий, то векселя действительно были. Были, да сплыли.

Куницкий мертвенно побледнел. Дрожа всем телом, с трудом переводя дыхание, он простонал:

- Что?.. Что?.. Как это «были»?..
- А вот так.
- Украл! Ты украл мои векселя?! Ключ, сейчас же отдай ключ от сейфа.
- Не отдам.
- Да это же грабеж! Вор, бандит! Я тебя в тюрьму засажу!
- Заткни глотку, старая калоша! – гаркнул Дызма.
- Грабеж! Давай ключ!
- Не дам, потому что ключ не твой – понимаешь, подлец! Не твой, а Нинин. И сейф ее, и ключ ее.

– Ну, нет! Не думай, негодяй, что старика Куницкого так просто одурачить. Есть еще справедливость в Польше, есть суд! Есть свидетели, которые видели, как я давал тебе ключ. Полегче, браток! Нина тоже вынуждена будет показать под присягой, что подписала векселя.

- Не беспокойся. Это уж мое дело.
- Есть суд! – кипятился Куницкий.

В передней раздался звонок.

- Скотина, судом пугает! – Дызма плюнул на пол и пошел отворять.
- Мерзавец, мерзавец! – Куницкий метался в комнате, как пойманная лиса в клетке. –

Сейчас же иду к прокурору, в полицию...

Но идти туда ему не пришлось: открылась дверь, и в комнату вошли сержант полиции и два агента сыскной службы в штатском.

- Вы Леон Куницкий, он же Куник? – сухо спросил сержант.
- Да, я Куницкий.
- Вы арестованы. Одевайтесь, идите с нами.
- Я? Арестован? За что? Это, наверно, ошибка.
- Никакой ошибки нет. Вот ордер на арест.
- За что?

– Не мое дело, – пожал плечами сержант, – в уголовном розыске вам скажут. Ну, пошли! Оружие при вас есть?

- Нет.
- Обыскать его.

Агенты ощупали карманы. Оружия не оказалось.

– Ну, пошли! Извините, пан председатель, что нарушили ваш покой, но таков приказ. До свидания.

- Приказ есть приказ, – заметил Дызма. – До свидания.

Куницкий обернулся, хотел еще что-то сказать, но агент толкнул его, и он, вылетев, как пробка, из комнаты, мгновенно очутился за дверью.

Никодим долго стоял в опустевшей передней. Наконец пригладил перед зеркалом волосы, вернулся в столовую. На столе его ждал завтрак, о котором он до сих пор не вспомнил. Только теперь он ощутил сильный голод. Кофе уже остыл, сахар в нем не растворился. Никодим вынул из буфета графин с водкой, положил на тарелку ветчины, колбасы, телятины и принялся есть.

– Видно, на роду мне написано умереть важным барином, – сказал сам себе Никодим за третьей рюмкой. – Ваше здоровье, пан председатель.

В стекла бил мелкий, острый дождь, за окнами клубился серый сумрак.

Глава 15

Дызма недолюбливал генерала Яжиновского по разным причинам: и смотрит насмешливо, и в обращении сух, а главным образом ему не нравилось то, что генерал был другом Терковского. Несмотря на неоднократные приглашения, Никодим уклонялся от посещения Яжиновских. На этот раз, однако, поехать пришлось – генерал напрямик заявил: отсутствие пана председателя на вечере сочту за личное оскорбление. Дызма, впрочем, знал, что Терковский не вылезает сейчас из Жегестова, поэтому у Яжиновских наверняка не будет.

Собственно, у Дызмы не было оснований избегать Терковского. Он не чувствовал к нему антипатии, но молва гласила, что это заклятые враги; все упорно твердили одно и то же, и Никодим в конце концов сам готов был поверить этому. Терковский, в свою очередь, относился к нему холодно, даже с неприязнью. К счастью для Дызмы, у него было достаточно прочное положение, чтобы не считаться с этим. Никодим предпочитал не сближаться с Терковским еще и по той причине, что, по намекам дам-«паломниц», догадался о связи дородного начальника кабинета с «посвященными», к которым Дызма относился отнюдь не без опаски.

Яжиновские жили на Вильчей, и Дызма отправился к ним пешком. Гостей было, по-видимому, много – у ворот стояло десятка два автомобилей. В передней ворохами лежали пальто, из комнат доносился гул голосов, взрывы смеха.

Генерал и его жена встретили Дызму приветливо, провели его в гостиную, где как раз в этот момент водворилась тишина и какая-то тучная дама с обнаженными, похожими на телячьи окорока руками уселась за рояль. Волей-неволей Дызме пришлось остановиться в дверях и кивками отвечать на приветствия знакомых. Он даже не успел толком разглядеть, кому кланяется.

Первым, кого он заметил в толчее черных фраков, был Терковский.

– Чтоб его черт побрал, – проворчал про себя Дызма под первые аккорды рояля.

Никодим решил лавировать таким образом, чтобы не столкнуться с Терковским. В таком людном обществе это будет нетрудно, тем более что сам Терковский вряд ли станет искать с ним встречи.

Каково, однако, было изумление Никодима, когда он вскоре увидел, что толстяк пробирается прямо к нему. Поздоровавшись и взяв его под руку, Терковский шепотом предложил:

– Пойдем покурим.

Пока они шли через салон, глаза присутствующих были устремлены на них. Оба исчезли за портьерой генеральского кабинета.

Вытащив из кармана огромный золотой портсигар и угостив Никодима папиросой, Терковский как ни в чем не бывало сказал:

– Сто лет вас не видал, дорогой пан Дызма... Застигнутый врасплох таким обращением, Дызма молчал и косился с недоверием на собеседника.

– Как здоровье? – продолжал толстяк. – Я после шести недель отдыха чувствую себя великолепно. Не поверите, пан председатель, сбавил семь кило. Неплохо, а?

– Неплохо, – согласился Дызма.

– Что может быть лучше отдыха! Перемена среды... Новые лица, новые впечатления, новый образ жизни...

– Вы были в Жегестове? – спросил Никодим, чтобы хоть что-то сказать.

– Да. Прекрасно там отдохнул.

В гостиной гремел рояль. В соседней комнате был в разгаре бридж, оттуда долетали временами голоса играющих. У Терковского был глухой, тягучий голосок, который, казалось, исходил из-под его белой манишки. Маленькие рыбки глазки плавали в глубине жирных век, толстые короткие пальцы ласково поглаживали янтарь мундштука.

«Чего этому дьяволу от меня нужно?» – ломал голову Дызма.

– Знаете, пан председатель, – тем же тоном продолжал Терковский, – я имел удовольствие познакомиться с вашим старым знакомым – с нотариусом Виндером. Очень милый человек!

Терковский умолк, испытующим взглядом впился в лицо Дызмы.

Никодим переспросил, не расслышав:

– Что вы сказали?

– Встретил вашего старого знакомого.

Никодим стиснул челюсти.

– Кого же?

– Пана Виндера. Очень милый человек!

– Кого? Виндера?.. Не помню. – Всю силу воли собрал Никодим, чтобы посмотреть Терковскому в глаза.

– Как?! Не помните нотариуса Виндера?!

– Нотариуса?.. Нет. Не помню.

Ответом ему, был ехидный смех Терковского.

– А он вас отлично помнит. Мы ехали с ним в одном купе; этот милый старичок много рассказывал мне о вас, о Лыскове...

У Дызмы помутилось в голове. Значит, конец? Катастрофа? Его разоблачили. Он до боли сжал кулаки в карманах. Мелькнула мысль броситься на Терковского, схватить его за эту жирную шею, складками свисающую на воротник, и душить, душить, пока эта улыбочная рожа не посинеет. Внутренне он весь подобрался. Мускулы напряглись.

– Простите, пожалуйста, – раздался вдруг совсем рядом голос незнакомой дамы, которая мимоходом случайно его задела.

Это отрезвило Никодима.

– Какой Лысков? Что вы мне говорите?

Терковский пожал плечами.

– Чушь! Никакого Виндера я не знаю!

Терковский поднял брови, флегматично стряхнул пепел.

– Разумеется, может быть, это недоразумение.

– Недоразумение... – отозвался Дызма.

– Впрочем, мы скоро всё выясним. Нотариус Виндер на следующей неделе приезжает в Варшаву. Я пригласил его к себе, это очень, очень милый человек. Вероятно, он говорил о ком-нибудь, кто имеет честь быть вашим однофамильцем, может быть о вашем родственнике... Хе-хе-хе...

Ответить Дызма не успел. Концерт в гостиной закончился, и под оглушительные аплодисменты в кабинет ринулись гости и обступили собеседников.

Весь вечер Никодим сидел как на иголках. Наконец около двенадцати незаметно скрылся.

Сек мелкий дождь. Не застегивая пальто, Дызма брел домой. Придя к себе, не раздеваясь, повалился на диван.

Всё было ясно.

Теперь он в руках у Терковского. Терковский не простит. Мстительный, мерзавец! С ним иметь дело – не с Бочком!

Никодим содрогнулся.

Встал, зажег в комнатах свет, снял пальто, шляпу, фрак, принялся взад и вперед шагать по спальне. Мысли одна другой ужасней лезли в голову, на лбу выступил пот.

«Что, если убрать Виндера... Может, удастся... Ну и что дальше?..»

Раз Терковский узнал про Лысков, со следа его не сбить. Если Виндер исчезнет – Терковский сразу поймет, чьих рук это дело... Мало – выгонят, в тюрьму засадят...

«Просить об одолжении?... Тоже ни к чему не приведет».

Слишком хорошо знал Никодим, кто такой Терковский.

В голове гудело. Всю ночь он не сомкнул глаз. Мучило одиночество, бессилие. Даже Кшепицкому не расскажешь... Что делать?.. Что делать?..

К завтраку он не притронулся, велел Игнатию позвонить в банк, сказать, что сегодня нездоров и не придет. Однако не прошло и получаса, как Никодим спохватился: слух о его отсутствии может дойти до Терковского. Дызмой овладела злоба, ни за что ни про что он выругал Игнатию и пошел в банк. Там нарочно прошелся по всем отделам, заглянул к Вандрышевскому, учинил ему скандал за то, что тот опоздал с балансом, хотя накануне сам дал три дня отсрочки. Буркнул Кшепицкому «здравствуйте» и заперся в кабинете.

Дызму мучила неотвязно одна и та же мысль: поделился ли с кем-нибудь Терковский своими подозрениями. Наконец пришел к убеждению, что этот хитрец не, станет кому попало открывать свои козыри. Что он намерен предпринять? Он наверняка постарается со скандалом прогнать и его, и Яшунского, и Пильхена...

Оставался один выход: подать немедленно в отставку, не забыв о коборовском сейфе, собрать сколько удастся денег, взять заграничный паспорт и удрать еще до приезда Виндера в Варшаву. О браке с Ниной, конечно, не может быть и речи. Куницкого придется выпустить и как-то с ним договориться. Чтоб не жаловался.

– У, черт!

Зазвонил телефон. Кшепицкий сообщил, что приехала графиня Конецпольская и с ней еще какая-то дама. Хотят непременно его видеть.

– Скажите, что болен.

– Сказал, – ответил Кшепицкий, – настаивают, чтоб я доложил, говорят, вы их примете.

Мрачней тучи отворил Никодим двери.

– Прошу, – сухо пригласил он дам.

Вместе с Конецпольской была и демоническая Стелла.

Это только увеличило злость Дызмы.

Обе стали озабоченно расспрашивать о здоровье, советовать докторов. Наконец заявили, что недомогание, надо полагать, не помешает учителю совершить в положенный день обряд ложи. Завтра – срок. Муж Конецпольской, к сожалению, находится в имении, и единственное место для мистерии – квартира Великого Тринадцатого.

Это окончательно вывело Дызму из себя.

– Оставьте меня в покое. Мне не до этого.

– До завтра выздоровеете, – заявила Стелла тоном, не допускающим возражений. – Обязанность, налагаемая Троесветной Звездой, должна быть выполнена.

– Выздоровею, выздоровею... – отбивался, как мог, Дызма. – Я здоров, мне просто не до этого. У меня на шее важные дела.

Воцарилось молчание. Никодим отвернулся к окну.

– Учитель, – негромко спросила Конецпольская, – у вас есть какой-то неприятность?

Никодим иронически засмеялся.

– Неприятность, неприятность. Случаются такие негодяи, что на шею садятся...

– Учитель, вы сумеете справиться со всяким, – с убеждением сказала Стелла.

Никодим долгим взглядом посмотрел на нее.

– Не со всяким. Если кто, как свинья, роет под тобой яму, брешет на тебя, как собака... Норовит смешать с грязью, сжить со света...

Глаза у Стеллы сузились.

– Кто ж это такой?

Дызма только рукой махнул.

– Скажи, учитель, кто против тебя?

– Стоит ли...

– Надо сказать, – прощепетала Конецпольская, – надо. Может, мы что-то придумать, какой-то средство.

– Орден Троесветной Звезды могуществен, – строго добавила Стелла.

Никодим вобрал шею в плечи и неожиданно для самого себя проронил:

– Терковский.

На лицах обеих дам выразилось изумление. Дызма выругался про себя – стоило говорить этим бабам? Идиот!

Стелла встала, размеренным шагом приблизилась к Никодиму.

– Учитель! Твое право приказывать. Должен этот человек погибнуть?

Дызме стало не по себе: свихнулась баба!

– Учитель! – продолжала Стелла. – Должен ли он быть устранен навсегда или только на время? Приказывай!

Никодим засмеялся. Это ему показалось чем-то ребячески-глупым. Разве может эта коротконогая обезьяна с ухватками проповедника сделать что-нибудь с таким вельможей, как Терковский? Впрочем, в ту же минуту в голове пронеслось, что до приезда Виндера остается совсем немного времени. Тогда – конец всему. Как только Терковский снюхается с Виндером... Вот сделать бы так, чтобы Терковского в этот момент не оказалось в Варшаве.

– Отошлите Терковского в Африку и посадите его там на дерево или отправьте к черту на рога! – заявил с горечью Дызма.

– Когда? – решительным тоном спросила Стелла.

– А хоть бы и сегодня... ха-ха-ха!.. Веселая вы женщина! Ну, не будем забивать себе голову побасенками. Так как же быть с мистерией?

Дамы категорически потребовали соблюдения положенного срока и намекнули, что несчастье неизбежно посещает того, кто не выполняет обрядов. Перед такой угрозой Дызма капитулировал и согласился второе собрание ложи Троесветной Звезды устроить у себя дома.

Вечером он поехал с Варедой развлечься в «Оазис» и, вернувшись домой, заснул мертвецким сном.

Утро началось с того, что Стелла с Лялей перевернули вверх дном всю квартиру, отданную Дызмой в их полное распоряжение. Дызма решил провести мистерию с учетом самой строгой конспирации, и почтенный Игнатий получил трехдневный отпуск. Поэтому вся тяжелая работа – перестановка мебели, возня с коврами и прочее – выпала ему на долю. Отчасти он рад был этому – меньше было времени думать о Терковском и об опасностях, связанных с приездом Виндера.

О Терковском дамы не упоминали: видимо, забыли.

«Забыли, и хорошо, – думал он. – Видно, зря вчера проболтался».

Никодим яростно передвигал мебель, перетаскивал ковры.

К вечеру он так измучился, что охотно заперся бы от всех в спальне. Но – увы! – спальня, три другие комнаты и ванная были предназначены для «паломниц».

В одиннадцатьстряслась страшная беда. Оказалось, одна из дам не может приехать, так как в последнюю минуту явился ее муж. Поскольку устав неукоснительно требовал присутствия двенадцати «паломниц», дамы были в отчаянии.

Никодим тотчас предложил отложить мистерию на следующую неделю, но Стелла с возмущением заявила, что это было бы равносильно нарушению устава, что она ни за что не пойдет на это. Надо найти выход из трудного положения. Неожиданно на выручку пришла одна из дам, баронесса Вельберг: она знает девушку, которую, не опасаясь разглашения тайны, можно просто нанять на одну ночь. Это славная молодая девушка, «girl»⁴³ в одном из варьете; баронесса уверена, что маленькой Владе можно доверить любую тайну.

Выхода не было. Решили пригласить маленькую Владю. Ей тотчас позвонили. Сперва она отказалась, сославшись на ревнивого друга, которому обещала приехать в дансинг. Затем уступила уговорам, подкрепленным столь красноречивым аргументом, как кредитный билет в сто злотых.

Благодаря этому мистерия началась ровно в полночь с соблюдением всего ритуала.

В час ночи, когда вызывали сатану, произошел небольшой инцидент с Владей: в полубеспамятстве она расплакалась и заявила, что хочет уйти. Насилу удалось уговорить. Выпив вина с пэйотлем, она успокоилась.

В два часа ночи гостиная председателя Никодима Дызмы совсем не походила на гостиную, тем более на гостиную видного государственного деятеля. Она напоминала скорее коптильню или римские термы и, уж во всяком случае, не имела ничего общего с обыкновенным частным домом.

Поздний декабрьский рассвет заглянул уже в щели гардин, когда все разошлись по комнатам. На поле боя остался только Великий Тринадцатый. Он сидел, прислонясь к стене, и храпел так, что стекла дрожали.

Было уже далеко за полдень, когда Никодим проснулся. Изнурен он был до крайности, в голове гудело.

Он оделся, заглянул в спальню. «Паломницы» стали просыпаться. В ванной была толчея. Одна за другой дамы прощались с Никодимом и уходили, едва волоча ноги.

Наконец Дызма остался один. Он открыл все окна; двигаясь с трудом, попробовал навести в квартире порядок.

В тот момент, когда он решил переставить пианино, в передней послышался звонок, явился Кшепицкий.

– Ого, пан Никодим! – воскликнул он смеясь. – Видно, здесь здорово погуляли.

После ареста Куницкого он так коротко сошелся со своим принципалом, что уже величал его по имени.

– А ну их в болото! – угрюмо буркнул Дызма.

– Ну и вид у вас! – удивился Кшепицкий. – Не знал, что вы любите такие штучки.

– Черта с два люблю!

⁴³ Девочка (англ.), здесь – эстрадная танцовщица.

- Значит, это ради умерщвления плоти?
- Отстаньте, черт побери! – разозлился Дызма. – Лучше бы помогли.
- Почему вы делаете всё сами? Где же Игнатий?

Дызма сопел, не отвечая. Наконец с ругательствами повалился на диван.

Кшепицкий закурил.

– Я сейчас от Рейха.

– Ну?

– Куник наконец размяк. Ночь в холодной, темной камере сделала свое. Потребовал только свидания с женой, даже настаивал на этом. Уступил тогда, когда Рейх показал ему последнее письмо Нины к вам. Согласен на сто тысяч, но с условием, чтоб ему вернули компрометирующие документы.

– Ну и что?

– Ясно, что Рейх слишком умен, чтобы пойти на это. Он пообещал только, что документы будут храниться лично у него, а не в архивах уголовного розыска.

– Ну и что, согласился тот наконец?

– Попросил еще день на размышление. Не бойтесь. Согласится.

Кшепицкий встал, стряхнул с папиросы пепел, добавил:

– А вы, со своей стороны, должны сообщить Нине, что муж будет освобожден и добровольно выедет за границу. Гм... Можете даже ей написать, что он берет с собой половину всего состояния в наличных деньгах и в ценных бумагах. Это удовлетворит ее, так сказать, любопытство.

– Да, не мешает немного пыль в глаза пустить, – заметил после раздумья Дызма. – Только, я думаю, писать не стоит. Письмо может попасть кому-либо в руки или...

Вдруг он вспомнил о Терковском и содрогнулся снова. Нет, нет... Он не станет думать об этом. Будь что будет. Главное – не думать... Только бы не теперь... Коборово... Уехать.

Руки, ноги отказались повиноваться. Лицо перекопилось от боли.

– Только не сегодня, – вот и всё, что он сумел выдать из себя.

Действительно, Дызма был обессилен. Целый день, не двигаясь, пролежал он на диване. Не подходил даже к телефону, который время от времени трезвонил.

Мысли его вращались вокруг того, как безопасней выйти из ложи Троесветной Звезды. После второй, не менее пугающей и изнурительной оргии он окончательно определил свое отношение к роли Великого Тринадцатого.

Благодаря ложе он завязал интимные знакомства с дамами высшего круга; для него открыты двери их домов. Если ему удастся теперь как-нибудь покинуть орден Троесветной Звезды, от этого нисколько не пострадают приобретенные уже связи.

Но как выпутаться? Проще всего спросить совета у Кшепицкого, который всегда найдет выход из любого положения. Но Дызма не решался. Он еще помнил, что смерть грозит всякому, кто разгласит тайны ложи.

После длительных размышлений Дызма решил: не лучше ли сказать этим ошалелым бабам, что сегодня ночью ему явился дьявол и запретил впредь быть этим самым Тринадцатым? Я ему, дескать, не по вкусу, и заявил, что не появится до тех пор, пока в обряде буду участвовать я... Дызма завтра же отправится к графине Конецпольской и скажет ей об этом.

Пусть помучается с ними кто-нибудь другой.

Никодим улыбнулся. Ему вспомнился Варед.

– Всучу им Вареду! Скажу, что дьявол во что бы то ни стало потребовал Вареду.

Игнатий подал ужин и принес вечерние газеты. Дызма с досадой отложил газеты в сторону и принялся за ужин. Зазвонил телефон.

Это был Варед. Он спросил у Никодима:

– Ну читал?

– Что?

– Как «что»? Прикидываешься простачком! Будто не знаешь!

– Да говори же!

– Об отъезде Терковского?

Дызма так и сел.

– Что... что... что?

– Что он получил новое назначение, сегодня вечером уезжает в Пекин в качестве посла. Ты не читал вечерних газет?

Он говорил еще о чем-то, но Никодим уже не слышал. Бросив трубку, он ринулся в столовую. Развернул газеты.

Действительно, всюду сообщалось, что в связи с правительственной стабилизацией в Китае начальник кабинета премьер-министра, помощник статс-секретаря Ян Терковский назначается послом и полномочным министром при китайском правительстве и сегодня отбывает в Пекин.

Дызма бросил газеты. Сердце стучало в груди, точно молоток.

Он вскочил и заорал:

– Ура! Ура! Ура!

Прибежал изумленный Игнатий и стал у двери.

– Вы звали меня?

– Игнатий! Водки! Это дело надо спрыснуть!

Слуга принес графин и налил рюмку.

– Наливай другую! – крикнул Дызма. – Да сгинут сукины дети!

Дызма выпил одну, другую, третью, четвертую...

Наконец сел.

– Знаешь что, Игнатий?

– Слушаю.

– Кто становится мне поперек дороги, мне, Никодиму Дызме, тому несдобровать.

Понимаешь?

Дызма выпил еще и заглянул через открытую дверь в неосвещенный кабинет: из темноты глядели на него фосфорические круглые глаза. Никодим сплюнул и перекрестился.

– Выпьем, Игнатий!

Было уже далеко за полночь, когда, ложась в постель, он сказал лакею:

– Знаешь, Игнатий, эти бабы могут весь мир перевернуть вверх тормашками, с ними заодно нечистая сила...

– Что верно, то верно, – подтвердил Игнатий.

Глава 16

Во вторник Никодим с Кшепицким посетили адвоката Лицунского, специалиста по бракоразводным процессам, а в среду побывали в последний раз у старшего комиссара Рейха, которому вручили сто тысяч злотых.

В четверг с главного вокзала отходили в противоположных направлениях два поезда. В одном сидел скрюченный, дрожащий старичок. В другом, напутствуемый веселыми пожеланиями друзей, ехал председатель правления государственного хлебного банка.

Строго говоря, старик находился не в одиночестве. Напротив него в купе сидел плечистый господин с красным лицом; правую руку он засунул в карман пальто, в данном случае это было скорее вызвано профессиональной привычкой, чем необходимостью.

Поезд Варшава–Берлин отошел первым. Примерно минут через десять тронулся другой: в направлении Белосток–Гродно.

Последним со ступеньки вагона соскочил Кшепицкий. Он сделал своему начальнику краткий отчет о беседе, которую вел в уголовном розыске с Куницким. Он сообщил, что Куницкий не стал чинить препятствий, что он сломлен и покорился судьбе. Дал даже кое-какие разъяснения насчет коборовских дел, чем значительно облегчил задачу новому управляющему, которым, по воле Никодима Дызмы, стал не кто иной, как всё тот же Кшепицкий.

Дызма был доволен.

Уютно устроившись в пустом купе, он принялся размышлять о роли жениха, которую ему предстоит играть.

Вне всяких сомнений, надо теперь отказаться от банка. Для чего теперь ему банк? Колоссальные доходы Коборова, сулившие удобную и спокойную жизнь, возможность жить без постоянного напряжения, без вечной боязни, что ляпнешь что-нибудь несурзное, – всё говорило за уход из банка.

Конечно, Никодиму было ясно, что самому ему с Коборовом не справиться.

К счастью, с ним был Кшепицкий, мастер на все руки. Дызма ни одной минуты не сомневался, что в денежных делах нельзя чрезмерно полагаться на секретаря, но, с другой стороны, сомнительно, чтобы тот стал рисковать на таком доходном месте.

За окнами вагона тянулась обширная, покрытая глубоким снегом равнина.

Вспомнился Терковский. Дызма до боли стиснул зубы. Было ясно, что избавлением от Терковского он обязан дамам из ложи. Какими методами они действовали, какие силы были в их распоряжении, этого он не знал, да и не хотел знать. Боялся он теперь их больше, чем вначале, когда его смущало их общение с нечистой силой. Живые опаснее духов. Поэтому Дызма не изменил своего решения поскорее распротиться с ложей, Разумеется, он будет и впредь поддерживать близкие отношения с этими дамами, но лучше посадить на свое место Вареду.

Дызме стало весело, когда он вспомнил озадаченные лица Ляли и Стеллы, узнавших «волю сатаны». Достанется полковнику на орехи...

Слева и справа от поезда высился лес.

Наступил вечер, туманный зимний вечер. Под колесами загромыхали коборовские стрелки. На перроне были только железнодорожник и Нина. Она увидела Дызму в окне, лицо ее осветилось улыбкой.

Здороваясь, она протянула к нему руки, Никодим поставил чемодан в снег.

«Наконец-то, наконец-то!...»

Пройдя через безлюдный вокзал, они сели в автомобиль.

Мотор пробудился от вздрагиваний стартера, колеса заскользили по снегу, машина тронулась...

– Скажи... скажи... Он... он... сразу согласился?

В голосе Нины звучало беспокойство.

Дызма рассмеялся.

– Пришлось.

– Что значит «пришлось»? – боязливо осведомилась Нина.

– Ниночка, – вразумлял ее Никодим, – ты же сама говорила – любовь всё побеждает.

Когда проезжали мимо лесопильного завода, там вспыхнули фонари. Несколько человек у дороги сняли шапки.

– Ну и что... что он теперь будет делать?

– Это нас не касается, – пожал плечами Никодим. – Забрал всё, что было в банках.

Было почти столько, сколько стоит Коборово. С голода не умрет.

– Уехал за границу?

– Да.

– И не вернется?

– Об этом не может быть и речи. Уж я ручаюсь.

Нина задумалась.

– Ты сказал, Нико, что ему пришлось на всё согласиться. Не было ли на это каких-нибудь... ну... особых причин?

– Что тебе об этом беспокоиться, Ниночка? Дело улажено – и конец. Что тебе до этого?

– Ведь он был моим мужем...

– А я тебе говорю, что не был.

Она удивилась.

– Как так не был?

Дызма объяснил, как умел, запутанную процедуру аннулирования брака и повторил аргументы адвоката.

– Через два месяца, если не произойдет осложнений, сделаешься панной Понимирской, а через три, если у тебя не прошло желание, станешь моей женой.

Нина молчала.

Это обеспокоило Дызму. Может быть, раздумает?.. Может быть, почувствовав себя свободной, не захочет связываться с ним?

– Отчего ты молчишь, Ниночка, дорогая? – спросил ее Никодим со всей нежностью, на какую только был способен.

– Ах, ничего, ничего, – очнулась Нина. – Я думаю об этой истории. Не надо об этом думать, правда?.. Минуту, прошло... Видно, так суждено...

Она прижалась к нему.

- Такова жизнь, – сказал он с убеждением.
- Я боюсь жизни. Она страшна.
- А я не боюсь.
- Я знаю. Это потому, что ты сильный, очень сильный...

Все окна коборовского дома были ярко освещены. Нина объяснила, что в последнее время велела устраивать такую иллюминацию – боялась темноты.

В вестибюле собрались все слуги. Точно еще известно не было, но, по отрывочным рассказам шофера, вернувшегося из Варшавы без хозяина, они сделали свои выводы, которые только подтверждал небывалый случай поездки хозяйки на станцию. Слуги чувствовали: что-то происходит... Нина называла это интуицией, Никодим – нюхом.

На лице горничной, которой он велел приготовить себе постель в спальне Куницкого, Никодим не заметил и тени удивления.

Нина сетовала, что будет опять одна, когда Дызма уедет в Варшаву.

- Поезжай и ты, Ниночка. Я заберу тебя с собой.
- Если б это было возможно!.. – с грустной улыбкой ответила Нина.
- Почему бы нет?
- Неудобно. Разве ты не понимаешь? Это вызовет скандал!
- Ну и что же, – пожал плечами Никодим, – велика важность! Ведь мы обвенчаемся.

Наконец ты можешь жить и в гостинице, а видеться будем ежедневно.

Нина захлопала в ладоши.

- Эврика! Эврика! Тетя Пшеленская! Поселюсь у тети!
- Вот видишь.
- Мне не хочется, чтоб мое пребывание в Варшаве затянулось. Не люблю города. Лучше всего чувствую себя в Коборове. Правда, Ник, мы будем постоянно жить в Коборове?
- Само собой разумеется. Хватит с меня этой Варшавы. Сыт по горло.
- Какой ты добрый! Пойдем, я сыграю тебе то, что играла всегда, когда думала о тебе.

Пошли в малую гостиную. Нина открыла пианино.

- А ты не играешь?
- Только на мандолине.

Она рассмеялась.

- Наверно, шутишь?
- Ей-богу!
- Это смешно – играть на мандолине.
- Почему?
- Не знаю, мне кажется, это должно быть очень смешно. Председатель банка, государственный деятель – и вдруг мандолина!
- Жаль, что я оставил в Варшаве инструмент. Сыграл бы я тебе одну вещицу.

Нина поцеловала его, а когда он потянулся к ней, выскользнула из объятий, смеясь, и заиграла.

- Хорошо? – спросила она, закрывая глаза.
- Еще бы. Даже очень хорошо. А какие к этому слова?
- Как слова? – удивилась Нина. – Ага! Ты думал, что из оперы? Нет. Это соната.

Знаешь чья?

- Чья?
- Чайковского.
- Ага, красивая вещь. А как называется?
- Си-моль.
- Си-моль? Смешно. Почему бы не си-малина?

Развеселенная шуткой, Нина обняла его за шею.

– Мой властелин сегодня в шутовском настроении? Я догадалась: мандолина была тоже шуткой. Недобрый. Так насмеяться над своей маленькой Ниночкой. «Ниночка!» Знаешь, так меня никто не называл... Ни-н-очка!.. Знаешь, может быть, это и не очень красиво, – но мне больше всего нравится. Ну-ка, повтори...

– Ниночка, – произнес Никодим и подумал: «Какого черта далась ей моя мандолина?»

– Я это так люблю, люблю больше всего. Ты выговариваешь это так твердо. В твоём голосе звучит решительность... сила, даже приказание. Не знаю почему, но мне кажется, что такой голос должен быть у моряков, насквозь пропитанных солью и йодом.

– Йодом? Значит, моряки мажутся – йодом?

Нина рассмеялась.

– Действительно, ты сегодня в чудесном настроении. Знаешь, у тебя талант преподносить остроты. Ты делаешь это совершенно серьезно, от этого всё становится гораздо смешнее. Не можешь себе представить, как я счастлива, когда мы вместе! Мне сейчас так легко, так радостно – никаких забот. Впервые за последнее время твоя маленькая Ниночка будет сегодня спать сладко и спокойно. Исчезнут мрачные мысли...

Никодим прищурился.

– Зато появится кое-что другое.

Нина зарделась и крепче прильнула к нему.

– Нет, нет, – пыталась было возразить она. – Ниночка будет сладко спать наверху, а Ник – сладко спать внизу.

– И не заикайся. Пожалуйста, без возражений. Не будем тратить слов попусту.

– Ник!..

– Крышка!.. Решено и подписано. Не о чем говорить. Как только прислуга уйдет, моя Ниночка спустится вниз.

– Не спустится, – принялась спорить Нина.

– Тогда я пойду наверх.

– Вот увидишь, дверь будет заперта на ключ, – смеясь, ответила она и провела щекой по его губам.

– Дверь? Что мне дверь! Выломаю...

– Ах, мой милый силач! Дай ушко, что-то скажу тебе.

Она – приблизила губы к уху Никодима и прошептала:

– Ниночка придет к своему властелину.

– Это другой разговор...

Был уже двенадцатый час, когда они расстались и Дызма отправился в спальню Куницкого. По дороге он зажег свет в кабинете, отворил несгораемый шкаф. На полках высились груды банкнотов. Он взял одну пачку и слегка подбросил ее на ладони, будто желая определить ее вес.

– Мое... Всё мое. Деньжищи, шкаф, дом, фабрики... Миллионы!

Раздеваясь, Никодим думал, с чего он начнет свою деятельность в этом богатом имении.

Прежде всего решил завтра же пойти и осмотреть всё, вызвать служащих, дать им свои наказания. Мысленно он уже составлял речь, которую произнесет перед ними... Вдруг скрипнула дверь.

Пришла Нина.

Никодиму не суждено было спать в эту ночь. В семь утра прислуга принялась убирать комнаты, и Нина заторопилась наверх, чтобы явиться в спальню до того, как придут слуги, жившие в другой части здания.

Дызма закурил папиросу, поправил подушки.

«Если всегда будет так, долго мне не протянуть».

Попытался заснуть, но не удалось.

– Надо вставать, – буркнул он и позвонил.

Велел приготовить себе ванну и сделать яичницу из десяти яиц с ветчиной.

– Самое главное – чтобы пожирнее.

Когда Никодим оделся и вышел в столовую, оказалось, что стол не накрыт и яичница не подана. Он обругал лакея болваном. Тот в оправдание заявил, что яичница всё равно бы остыла. Тогда Дызма рявкнул.

– Молчи, дурак, не остыла бы, если б ты вовремя всё сделал! Мог бы заметить, что я вышел из ванны. Я вас, сволочей, научу порядку! Давай яичницу и вели седлать лошадей... Стой! Вели запрячь сани.

– Слушаюсь, ясновельможный пан.

После завтрака Дызма уселся в небольшие элегантные сани, запряженные парой лошадей, и велел ехать на бумажную фабрику. В конторе он прямо-таки вскипел при виде служащих, распивающих чай.

– Что это, черт возьми! – заорал он. – Фабрика или трактир?

Служащие вскочили с мест.

– Что за мода! Платят вам деньги за то, чтоб вы тут жрали? Посыльного! Где посыльный?

– Я здесь, пан председатель.

– Сейчас же убрать стаканы к чертовой матери! И впредь не подавать. Можете жрать у себя дома. Понятно?

Миновав канцелярию, Дызма отворил дверь в кабинет директора. Кабинет был пуст.

– Где директор?

– Пан директор приходит в девять, – срывающимся от волнения голосом пояснил кто-то из служащих.

– Что-о?.. В девять? Дармоеды, сукины дети!

Никодим продолжал обход. В цеху работа шла полным ходом. Рабочие здоровались с Дызмой, как обычно, – кивком, и в этом кивке были и опасение, и недоверие, и сознание своего достоинства – словом, всё, что чувствует пролетарий при виде работодателя.

Молоденький инженер, подбежав к Дызме, почтительно поздоровался с ним.

– Как дела? – спросил Никодим. – Всё в порядке?

– Все в порядке, пан председатель.

– Скажите своему директору, чтобы он являлся на фабрику в семь. Начальник должен подавать пример подчиненным.

Он пожал инженеру руку и ушел.

Мельница, лесопильня, конюшни, фермы для скота, винокуренный завод – всё это посетил Дызма до полудня. Он пронесся через Коборово, как буря, сея за собой панику.

Подъезжая к дому, он увидел в окне Нину. Нина улыбалась ему, махала обеими руками. Всё еще в халате, она бегом спустилась в вестибюль.

– Откуда ты вернулся, мой властелин? – спросила она вполголоса – в соседней комнате лакей накрывал на стол.

– Ездил по делам. Делал осмотр.

– Ну и как?

– Слишком много лодырей. Теперь-то я их пришпорю.

– Милый, я не хочу, чтобы ты занимался хозяйством. После нашей свадьбы ты должен нанять управляющего. Подумай: это отнимет столько времени! Целый день тебя не будет дома. Я не хочу сидеть одна. Сделаешь как я прошу, Ник?

– Уже сделал, – со смехом ответил Никодим.

– Как?

– Уже пригласил управляющего.

– Да? Это великолепно.

– Раз мы едем в Варшаву на несколько месяцев, нужно чтоб кто-то присматривал за хозяйством, не то разворуют всё Коборово.

– Кого ты пригласил, мой властелин?

– Некого Кшепицкого, ты его, кажется, знаешь?

– Кого? Зызю? Зызю Кшепицкого, адъютанта Пшеленской?

– Его самого.

– Забавный молодой человек. Когда-то он ухаживал за мной. Но в прежние времена он не пользовался хорошей репутацией.

– Откровенно говоря, ничего плохого я о нем не слышал. С основания банка он работает у меня секретарем.

– И ты им доволен?

– Почему бы нет? Ты не хочешь, чтобы он занимался тут делами?

– Ничего подобного! Дорогой мой, меня абсолютно не интересуют дела, я ничего в них не смыслю.

Лакей доложил, что начали сходитьсь служащие.

В просторной канцелярии рядом с кабинетом Никодима набралось уже человек двадцать. Они о чем-то говорили вполголоса и при появлении Дызмы встали и поклонились.

Дызма кивнул в ответ и сел за письменный стол, не пригласив садиться никого из служащих.

– Я созвал вас, – начал он, барабаня пальцами по сукну, – чтобы довести до вашего сведения, что хозяйка Коборова, пани Нина Куницкая, разводится со своим мужем и отбирает у

него полномочия. Единственным ее уполномоченным являюсь я. Предупреждаю: миндальничать я не буду. Из газет вы, наверно, знаете, что хлебный банк работает как часы. Дело в том, что я всех держу в кулаке. Повторяю – миндальничать не люблю.

Придя в возбуждение от собственных слов, Никодим всё повышал голос:

– Скажу коротко, работа не забава. У меня надо трудиться, за тунеядство денег платить не стану. Поняли? Дармоедов буду гнать с битой мордой. А если, храни бог, кого поймаю на мошенничестве, если узнаю, что кто-то из вас на руку нечист, – тюрьма без разговоров! Со мной шутки плохи! Поняли?

Никодим ударил кулаком по столу. Изумленные служащие молчали.

– Приедет сюда пан Кшепицкий, я взял его в управляющие. Вы должны слушаться его во всем. Но по нынешним временам и родному брату нельзя верить. Поэтому надумал я так: если кто из вас заметит какой обман и доложит мне об этом, то получит пять тысяч злотых в зубы да еще прибавку к окладу. Я никого не обижу, буду для вас как отец родной, но обвести себя вокруг пальца не позволю. Всё. Отправляйтесь на работу.

Один из служащих, седой, сгорбленный старик, директор винокурни, выступив вперед, обратился к Дызме:

– Пан председатель...

– Чего там еще?

– Из того, что вы сказали...

– А вы поняли, что я сказал?

– Понял, но...

– Всё поняли?

– Всё. Именно поэтому...

– Так не о чем говорить. Я сюда созвал вас не для болтовни. Если кому это не нравится – скатертью дорога! На свежий воздух! За полу никого не держу. Только советую подумать. Место сейчас найти не просто. А свидетельство выдам такое, что лучше не надо! Да и связи у меня есть! Никому в Польше не советую быть моим врагом. До свидания.

И он вышел, хлопнув дверью. С минуту все молчали.

– Вот так номер! – нарушил молчание один из служащих.

– Возмутительно! – не выдержал директор винокурного завода. – Он хочет сделать из нас шпионов.

– И что за тон!

– Я подаю об увольнении.

– Он с нами обращается как с солдатней.

– А что за язык! Это позор! Говорит с нами на каком-то жаргоне, словно думает, что мы не понимаем языка интеллигентных людей.

– Говорил так, будто намеренно хотел оскорбить нас.

– У нас только один выход: заявить о коллективном уходе.

– Именно о коллективном!

Не все, однако, разделяли этот взгляд. Молодой, лет тридцати пяти, агроном, по фамилии Таневский, предупредил:

– А я предупреждаю: на меня не рассчитывайте.

– И на меня, – добавил ветеринар.

Все с возмущением стали им говорить одно и то же. Таневский пожал плечами.

– Из-за чего волнуетесь? Не так обратился к вам? По-моему, это пустяки. Председатель Дызма – большой человек, у него такие заслуги перед родиной: ему надо решать государственные дела. И потому нечего удивляться, что он не разводит здесь Версаля. Наконец, это не светский раут, это деловое...

– Предложил нам доносить! Стыдитесь, пан Таневский, я вас не считал столь податливым в вопросах этики, – с возмущением выпалил главный бухгалтер.

– Извините, пожалуйста, но он никого не понуждал.

– Да? А что значат эти награды для доносчиков?

– Кто вам велит просить награды? – вспыхнул Таневский. – Скажу о себе... Раз я вижу, что крадут, моя обязанность довести об этом до сведения хозяина. Что? Разве нет? Не вижу ничего неуместного в том, что пан председатель хочет себя, верней, даже не себя – свою доверительницу, застраховать от злоупотреблений. Поступает разумно – и больше ничего! Только дурак позволит себя обворовывать. Если б он у себя в банке смотрел на хищения сквозь

пальцы, смог бы он тогда прогреметь навесь мир? Сумел бы за несколько месяцев оздоровить хозяйственную жизнь?.. Если он требует добросовестной и сознательной работы, то он прав. Не так ли? А?..

Таневский стал ждать возражений. Но все молчали.

– Сюсюкать в жизни не приходится. А мы, поляки, так: чуть задели самолюбие – на дыбы. А потом и гонят в три шеи! Не угодно ли с самолюбием клянчить работы под чужими дверями. Я всякие виды видал, меня на мякине не проведешь. Между нами говоря, не вижу повода обижаться. Что говорить – известный государственный деятель, экономический гений, а мы – прошу прощения – мелюзга, мелкая сошка. Кто на жизнь смотрит легко, тот пусть себе «делает выводы», а я службы не оставлю. Председатель – человек толковый, знает что надо. Он нам пилюли не золотит, и это его право. Всё!

Водворилась тишина.

– Конечно же, он прав, – отозвался чей-то голос.

Вот уж согласился второй, третий, десятый...

– Конечно, прав, – сказал Таневский, снимая мимоходом меховое пальто с вешалки.

Директор винокуренного завода развел руками.

– Поступайте как знаете, а я премного благодарен за такую службу.

Все стали его уговаривать: всё, мол, как-нибудь уладится, найти новое место трудно. Старик только головой качал.

– Нет, господа. Знаю, что трудно, но не привык я к такой работе. Не по мне это. Может быть, вы и правы, но я слишком стар, мыслю довоенными категориями. Не смогу...

Медленно стали расходиться. Вот уже за последними закрылась дверь. На некрашенных досках пола осталось только множество луж. Снег в этот день был липкий.

Глава 17

Две лучшие комнаты в квартире Пшеленской были отданы в распоряжение дорогой Нинуси. Они напоминали собой две огромные клумбы. Каждый вечер лакей вместе с горничной переносили корзины и горшки с цветами из комнаты в буфетную, чтобы спасти ясновельможную паненку (так велела называть Нину Пшеленская) от неизбежного удушья.

Ежедневно, с полудня, чуть ли не половина высшего света спешила посмотреть на живую сенсацию сезона.

Продолжалось это отдельными порциями в течение недели и было увенчано пышным празднеством: Пшеленская дала бал, чтобы представить обществу свою любимую племянницу.

На бал соблаговолили прибыть даже князь и княгиня Ростоцкие, которых Пшеленская приветствовала с красными пятнами на щеках. Князь и княгиня заявили, что им очень приятно побывать в доме, отмеченном симпатиями председателя Никодима Дызмы.

В гостиных говорили едва ли не во всеуслышание о помолвке Никодима; официально она должна была состояться после расторжения Нининого брака.

Одно только смущало всех и не давало спокойно уснуть дамам, которые привыкли знать обо всем на свете – это вопрос: что случилось с Куницким?

Было только известно, что он уехал за границу и согласился аннулировать брак. Но почему?.. И почему оставил имя Нине?..

Ответить на это могли лишь несколько человек. Но Кшепицкий отделялся улыбкой, а Пшеленская принадлежала к категории женщин, от которых невозможно что-либо узнать против их воли. Спрашивать Нину было неудобно, к Дызме никто не рисковал обратиться с вопросом.

Используя свою близость с Дызмой по ложе Троецветной Звезды, что, как она полагала, давало ей право на некоторую интимность, Ляля Концепольская попыталась было узнать от Дызмы о Куницком, но, ничего не добившись, жаловалась впоследствии:

– Представьте, он только спросил, нет ли у меня забот поважнее!

Прием удался на славу. Впрочем, царица бала не могла скрыть смущения: Нину стесняло ее нынешнее положение, не давала покоя мысль о том, что она как бы вернулась к тому времени, когда еще не была замужем.

В Варшаве Нину окружала атмосфера симпатии, к которой, впрочем, примешивались и любопытство и почтительность. Этим она была обязана немалой популярности Никодима.

Всякий считал своим священным долгом, упомянув о Дызме, рассыпаться в комплиментах и восхвалениях. Нина неизменно выслушивала это с изумлением. Разумеется, давно уже известно, что Никодим – знаменитость, мудрый государственный деятель, человек больших достоинств. Но все-таки там, в Коборове, он казался ей меньшей величиной. Теперь, когда отовсюду так и сыпались слова восхищения и восторга, она, убедившись, что недооценивала его, стала ощущать по отношению к нему что-то вроде робости.

Жизнь Нины, несмотря на всё разнообразие, а может быть, именно благодаря разнообразию, текла монотонно. По утрам она либо гуляла с теткой, либо делала покупки в магазинах. В час возвращалась и неизменно заставляла у себя любопытных посетителей. Затем обед – иногда дома, иногда у знакомых, иногда по приглашению Никодима в ресторане. В семь являлся он сам, и оба отправлялись в театр или в кино. Из театра Никодим отвозил ее прямо домой, и они прощались у ворот; кино кончалось значительно раньше, чем театр, и он ехал к ней, чтобы поужинать вместе.

Никодим настойчиво просил Нину посетить его, но та со дня на день всё откладывала визит.

В этот день они смотрели какую-то фривольную комедию, и Дызма решил сломить упорство Нины. Когда они подъехали к дому Пшеленской, он отправил автомобиль домой.

– Пойду пешком. Отсюда недалеко, – сказал он шоферу.

Нина хотела уже нажать кнопку звонка, но Дызма схватил ее за руку.

– Нет, Ниночка, пойдем ко мне.

– Нет, я не пойду к тебе.

– Ты должна пойти ко мне!

– Но это невозможно! Что подумает тетя?

– Пусть думает, что ей угодно. Что тебе до этого?

– Нет, нет! – упорствовала Нина.

– На полчаса, на минуту, – просил он. – Разве ты не любишь меня?

Нина прижалась к нему и прошептала:

– Хорошо, но не сегодня.

– Сегодня.

– Нет. Завтра. Скажем, что пошли в кино.

На лице у Дызмы изобразилась досада, он собрался было настаивать, но Нина позвонила, и под аркой ворот послышались шаги дворника.

Нина торопливо поцеловала Дызму и исчезла за воротами.

Мороз был сильный, и Никодим поднял воротник шубы. Сделав несколько шагов по направлению к дому, он вдруг переменял свое намерение и повернул на Кручую. На Иерусалимской аллее было еще много публики, а Новый Свят просто кишел народом.

Никодим вошел в бар, выпил несколько рюмок водки, съел порядочную порцию ветчины с горошком... За стойкой работала рослая девушка в белом халате.

«Ничего себе баба», – подумал Дызма, и вдруг ему пришло в голову, что он может выйти на улицу и поманить любую.

Он расплатился и, не проверив против обыкновения счета, вышел на улицу.

Выбор действительно был немалый. Через несколько минут он уже облюбовал себе одну. Хотел сперва вести ее к себе, но потом подумал, что лучше заплатить за номер в гостинице. Женщина привела его в какую-то дыру на Хмельной улице.

Был уже четвертый час ночи, когда Никодим стал одеваться. Он вынул двадцать злотых, положил их на столик и, буркнув «до свидания», вышел в грязный коридор, освещенный одной-единственной лампочкой.

Пожилая толстуха, хозяйка гостиницы, как раз привела новую пару, на другом конце коридора кто-то вышел из комнаты.

Никодим по привычке полез в карман за папиросой – и не нашел портсигара. Не заперев двери, он вбежал обратно в комнату.

Женщина забралась с ногами на постель и выщербленным гребнем расчесывала волосы.

– Давай портсигар, сволочь!

– Какой портсигар?

– Какой? Я тебе покажу какой! Лучше отдай сразу, всё равно найду – набью тебе харю.

– Чего разорался? Хочешь, чтоб люди сбежались?! Дверь затворить трудно?!

Дызма оглянулся. В самом деле, в темном коридоре кто-то стоял. Когда он повернулся, чтобы закрыть дверь, на его лицо упал луч света. В коридоре кто-то негромко вскрикнул, отбежал в сторону.

Заперев дверь, Никодим спрятал ключ в карман. Подошел к кровати. Женщина как ни в чем не бывало продолжала расчесывать волосы. Он вырвал у нее гребень, швырнул на пол.

– Чего швыряешься, фрайер? – сказала она почти баритоном.

– Отдай портсигар, слышишь!

– Не брала я, – пожала женщина плечами.

Дызма ударил ее по лицу с такой силой, что, упав, она стукнулась головой об стену.

– Отдай, сволочь! – И он замахнулся снова.

Женщина заслонила лицо локтем. Дызма стал копаться в ее сумочке. В ней оказалось несколько дешевых безделушек, две–три скомканные ассигнации и грязный носовой платок. Женщина молча смотрела на него.

– У-у... гадина!

Дызма выдернул из-под нее подушку, бросил на пол. Из-под подушки упал, брякнув, портсигар. Он поднял его, осмотрел, спрятал в карман.

– Воровка, – проворчал он, – сволочь!

– Сам спрятал его туда.

– Врешь! – заорал Дызма.

Женщина молчала. Дызма отворил дверь и вышел. На улице кое-где горели фонари. Извозчиков не было. Пришлось идти пешком. Мороз крепчал, снег хрустел под ногами. Прохожие попадались редко. Никодим спешил. На углу Маршалковской оглянулся. По другой стороне, несколькими домами дальше, шла за ним какая-то девушка.

«И эта не лучше, – подумал Никодим, – нет, не проведешь!»

Он прибавил шагу, девушка едва поспевала. Но, видимо, она решила не отставать, потому что, обернувшись на углу Новгородской улицы, Дызма снова заметил ее. Он остановился, она, к его удивлению, тоже задержалась у неосвещенной витрины. Щупленькая, бедно одетая девушка в черной шляпке.

Никодим сплюнул и продолжал путь. Повернул на Вспульную. Через несколько минут он был уже у ворот. Отворив ему, дворник низко поклонился.

– В котором часу приехал шофер? – спросил Дызма, любивший контролировать своих подчиненных.

– Около одиннадцати, ясновельможный пан.

– Крышу на гараже починили?

– Как же, ясновельможный пан.

Дызма кивнул и поднялся по лестнице. Ни он, ни дворник не заметили девушки, наблюдавшей за ними сквозь решетчатые ворота.

Сердце незнакомки сильно билось.

Она поглядела выше, на фасад здания.

На высоте второго этажа черными буквами было написано:

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ХЛЕБНЫЙ БАНК»

– Банк!..

И вдруг для нее всё стало ясно. Никодим, ее Никодим, который ее бросил и которого она всё еще любит и никак не может забыть, подготовил большое дело. Подкоп, может быть взлом хранилища!.. Во всяком случае, он заодно с дворником: она сама видела, как тот впустил его и они тихо о чем-то сговаривались друг с другом.

Государственный хлебный банк!

Может быть, втерся туда посыльным? Зачем же он тогда пришел ночью?

Сердце тревожно билось.

Она перешла на другую сторону улицы, стала ждать.

Может быть, послышатся тревожные звонки, может быть из-за угла покажется полиция? Тогда она будет знать, что делать: она позвонит и предупредит дворника... Правда, Никодим забыл ее, обманул, не вернулся, но, может быть, еще вернется. Видно, дела у него неплохи – носит шубу... Тот раз он проехал на шикарной машине... Когда он жил у них на Луцкой, ей даже не снилось, что Дызма – такой бедовый парень...

Рассвет уже пробился сквозь низкие, тяжелые тучи, когда она решила уйти. Ей стало холодно. У себя дома, на Луцкой, она обнаружила, что ворота уже открыты, – двадцать грошей экономии.

Утром Манька отправилась на Вспульную. С беспокойством готовилась она к тому, что увидит вокруг банка кордон полиции. Никодим уже арестован; впрочем, может, и скрылся.

Манька вздохнула с облегчением. Вращающаяся дверь не замирала ни на минуту. Входили и выходили посетители, подъезжали автомобили.

Должно быть, подкоп или пролом стены... Рассчитано на несколько дней...

Наконец-то она разыскала его! Теперь он уже не убежит от нее! Манька была уверена, что днем она его тут не увидит, что Никодим явится вечером. Она станет караулить его, встретится лицом к лицу.

И Манька пришла вечером.

Десять, одиннадцать... Манька, нервничая, ходила взад и вперед по противоположной стороне улицы. Падали пушистые хлопья снега. Если стать под самым фонарем и глядеть вверх, они кажутся черными. Дважды с ней заговаривали прохожие. Один молодой человек был, наверно, при деньгах, но она только мотнула головой.

Беспокойство овладело ею: может быть, он сегодня не придет?

Все-таки она будет ждать! Будет!.. Мужчины всегда таковы: с глаз долой – из сердца вон. Рыжий Владек тоже в конце концов вернулся к Зосе...

И Манька терпеливо ждала, поглядывая то на Маршалковскую, то в противоположную сторону. Внезапно грохот открывшихся ворот привлек ее внимание к банку. Оттуда вышел Никодим с элегантной дамой. Они смеялись.

Манька притаилась за выступом стены. Они перешли улицу. Тротуар был узок, и она могла достать до них рукой, когда они проходили мимо. Совсем рядом послышался голос Дызмы:

– Если хочешь, милая Ниночка, то...

Дальнейшие слова заглушил гудок проезжающего такси. Манька увидела, что он взял даму под руку.

– Вот как!.. – сказала Манька и задумалась.

Потом пошла следом.

Ее не удивило, что у нее есть соперница. Разумеется, он не живет без женщины. Испугала, однако, красота этой дамы.

«Он любит ее... Наверняка любит... Но почему, – затеплился у нее огонек надежды, – почему вчера ночью он был в гостинице с другой?..»

Здесь крылась какая-то тайна. Не будь этого, Манька догнала бы их сейчас и крикнула этой женщине прямо в лицо, что у нее давнее право на Никодима, что она любит его.

«Он вернется ко мне, вернется. Скажу ему, что глаза заплакала, что у каждой из нас есть свой дружок, а у меня нет, хоть и лучшие парни набивались... Должен вернуться».

Никодим проводил Нину до дому и повернул обратно. По дороге он всё думал о том, что Юрчак, известный в Лыскове знаток по женской части, совсем напрасно утверждал, будто только брюнетки страстны. Вдруг его кто-то окликнул.

Никодим обернулся. Перед ним стояла Манька.

– Никодим, – тихо шепнула она.

– Ах, это ты? – буркнул Дызма, не скрывая неудовольствия.

– Ты не забыл меня?

– Чего тебе надо?

Манька смотрела на него широко раскрытыми глазами. Не знала, что и сказать.

– Ну? Чего надо? – спросил Дызма уже с нотой раздражения в голосе.

– Вот как ты меня встречаешь! Чего я тебе сделала плохого, Никодим?

– Ни плохого, ни хорошего! Не морочь мне голову. Чего тебе надо?

Манька молчала.

– Говори, черт возьми!

Манька продолжала молчать.

Дызма выругался и хотел было уйти, но она схватила его за рукав.

– Пусти!

– Не пусти. Ты должен выслушать меня.

– Ну так говори, черт побери, в чем дело?

– Видишь, Никодим, ты, наверно, не знаешь, как я тосковала по тебе, у меня нет даже любовника. Я всё жду тебя... Я искала тебя, всё думала – вернешься, думала – не забыл меня...

Никодим пожал плечами.

- Чего мне было помнить, забывать?
- Ты говорил – вернешься.
- Не венчался я с тобой. Мало ли что говорил.
- Знаешь... я тебя люблю.

Дызма расхохотался.

- Велика честь! Ты каждую ночь кого-нибудь любишь.
- Ты меня этим не попрекай! Разве я ради удовольствия такой стала? Голод принудил. Думаешь, не противно?
- Ладно, ладно, только не ври.
- Правду говорю. Никто мне не позавидует. Собачья жизнь!
- Ну, а мне-то какое дело?
- Вернись ко мне!
- Незачем.
- Будешь жить у нас даром. Заплачу за тебя.

Дызма прыснул со смеху.

Манька поглядела на него с беспокойством.

- Чего смеешься?
- Смеюсь, потому что ты дура. Выкинь эту блажь из головы.
- Почему ты так говоришь? Разве я тебе больше не нравлюсь?
- Отвяжись ты, Манька, подобру-поздорову.
- Тогда говорил, что вернешься.
- Плевать мне на то, что говорил! Понимаешь? Теперь я женюсь, и всякой шлюхе не позволю себе голову морочить. Не такие у меня теперь женщины.
- Хочешь жениться на той, с которой я тебя только что видела?
- На той или не на той – не суй нос не в свое дело.
- Знаю, что на той. – В Манькином голосе зазвучала ненависть.
- Тебе-то что до этого?
- То, что я тебя люблю! – крикнула вне себя Манька.
- Тихо, чего орешь! Любишь – ну и люби себе на здоровье; чихать мне на это!

Отвяжись, мне некогда.

Она снова схватила его за рукав.

- Подожди еще минуту.
- Ну?
- Пойдем со мной в гостиницу...

Она всё надеялась, что ей еще удастся уговорить его, отвлечь от соперницы. Дызма оттолкнул ее.

- Уйди!
- Никодим!..

На глазах у Маньки выступили слезы.

- Будет она еще тут реветь! Говорю тебе – не могу. Сегодня не могу. Даже если б хотел.
- Почему?
- Работа у меня.
- Ага! – Манька кивнула головой, и вид у нее стал серьезный. Ну конечно, она признает: обчистить банк – дело не шуточное. Она, Манька, по сравнению с таким предприятием – ничто.

- Тогда в другой раз, – согласилась Манька, – в другой раз...
- Может, в другой раз. До свидания.

Дызма хотел уйти, но Манька вцепилась в него.

- Никодим, ты так и не поцелуешь меня?
- У, черт! Надоела!

Он наклонился к ней и чмокнул в щеку. Манька, однако, не удовлетворилась этим и, обняв Дызму за шею, прильнула к его губам.

Губы у нее были сочные, упругие, холодные от мороза.

- Ну, будет, – отстранил он ее от себя.
- Вернись! Вернись ко мне! – зашептала Манька.
- Вот привязалась! Потом, может, вернусь. До свидания.

Манька молча кивнула.

Долго еще стояла она, провожая его глазами. Когда Никодим исчез за углом, Манька утерла платком слезы и побрела в другую сторону.

Никодим был взбешен. Эта Манька, откуда она ни с того ни с сего явилась... Он давно забыл о ней... И вообще, какое она имеет право приставать к нему?! Ну, понятно – любит... И, в сущности, хорошая девчонка... Но это еще не повод, чтобы бегать за ним по пятам...

«Еще как-нибудь подведет меня! Или Нине наболтает чего? У, черт!»

Никодим решил, что, если она еще раз пристанет к нему, он так ее отчихвостит, что навсегда пропадет охота.

В квартире пахло Ниниными духами. Никодим разделся, собрался уже повалиться в постель, да вдруг вспомнил, что завтра утром Кшепицкий отправляется в Коборово и он к его отъезду должен приготовить кое-какие бумаги. Никодим возился добрых полчаса; едва кончил – зазвонил телефон.

Это был Вареда. Они сидят компанией в баре, и все вместе решили вызвать Никодима.

– Как приехала Нина, – стал жаловаться полковник, – мы тебя совсем не видим. Обязательно приезжай.

Но Дызма категорически отказался. Он устал, хочет спать.

И вообще он не любил пивных. Изредка выпить – это еще куда ни шло, но торчать часами за столиком, накачаться до бесчувствия – нет уж, слуга покорный. Если прежде он кутил с Варедой, Уляницким и их друзьями, то делал это только для того, чтоб завязать знакомства, теперь той мечтой, к которой он постоянно возвращался, была размеренная, спокойная жизнь в Коборове.

Дело с аннулированием Нининога брака продвигалось быстро. Всё упрощал тот факт, что Куницкий присвоил себе чужую фамилию. Остальное довершали деньги, а в них теперь недостатка не было.

День проходил за днем, не принося особых событий.

На каждом шагу Дызма чувствовал отсутствие Кшепицкого.

Хоть Никодим и приобрел некоторую сноровку в управлении банком, хоть он и знал, как следует поступить в том или ином случае, тем не менее попадались дела, решить которые было ему не под силу. Тогда единственным спасением был тяжелый приступ ревматизма.

Впрочем, если, несмотря на все меры предосторожности, он и допустил несколько промахов, то их отнесли за счет рассеянности влюбленного председателя. Предстоящий брак служил пищей для бесконечных разговоров. Информацию поставлял в основном Игнатий, который ежедневно носил корзины с цветами на квартиру невесты пана председателя.

Нина приходила к Никодиму по нескольку раз в неделю.

Не зная об этом, Пшеленская громко и при всех восхищалась тем, что Нина всё хорошеет и настроение у нее заметно улучшилось.

– Любить и быть любимой, – говорила ей тетка, – это, моя дорогая, лучшая косметика для женщины. Ты на глазах расцветаешь.

Нина смеялась, рассказывая об этом Никодиму.

О муже она почти не вспоминала. Впрочем, ей было не до того. Водоворот светской жизни совершенно захватил ее; она имела огромный успех. И молодые, и пожилые мужчины наперебой ухаживали за ней, в каждом салоне ее окружала толпа поклонников.

Среди них появился и такой, на которого Дызма стал смотреть с беспокойством.

Беспокойство причиняли не столько достоинства поклонника, сколько поведение Нины. Слишком заметно выделяла она его, слишком часто разговаривала с ним и танцевала.

Это был мужчина лет около сорока, высокий, худощавый, с выгоревшими на солнце конопляными волосами. Явился он неожиданно, бог весть откуда. Побывал во всех уголках земного шара и потому с одинаковой свободой говорил об Австралии, Перу и о Гренландии, словно это были Константин или Милянв.⁴⁴ Звали его Хелль, Оскар Хелль. Он говорил, что родился в России; узнав, что Дызма окончил Оксфордский университет, стал называть его коллегой. Сам он учился в Кембридже. Польским языком он владел так же хорошо, как и десят-

---

⁴⁴ Милянв – пригород Варшавы.

ком других. Когда его спрашивали, кто он по национальности, он с забавной растерянностью разводил руками.

На Нину он с самого начала произвел большое впечатление. Она не старалась скрыть свою симпатию к этому человеку, и Никодим это, конечно, сразу заметил.

Нельзя было сказать, что положение становилось угрожающим, однако беспокойство Дызмы возрастало. В довершение всего у него даже не было под рукой Кшепицкого, у которого были готовые рецепты на все случаи жизни. Кшепицкому он послал письмо, но ответа всё не было.

Меж тем Оскар Хелль обосновался в Варшаве. Он со всеми перезнакомился, не пропускал ни одного бала, раута, танцевального вечера. Дел он никаких не вел, в деньгах недостатка не испытывал и потому прослыл богачом, даже завидной партией. Привез его в Польшу граф Помяловский, пригласив на кабанью охоту. Сам граф мало что мог сообщить о Хелле, так как познакомился с ним на палубе итальянского парохода во время экскурсии на Канарские острова.

Всю свою изворотливость Никодим употребил на то, чтобы изолировать Нину от этого проходимца, однако ставить вопрос ребром он боялся – это могло только ухудшить отношения.

Всё затянулось бы, вероятно, на неопределенное время, если б в разговоре между Хеллем и Ниной не была как-то упомянута Кася Куницкая.

Оказалось, что Хелль хорошо ее знает, встречался с ней в Давосе, в Канне, в Женеве, что они даже пишут время от времени друг другу, так как обоим интересуют телепатия, и они обмениваются наблюдениями.

Нину это очень взволновало. Наконец-то она узнала что-то о Касе, которую очень любила. К тому же она не могла оставаться равнодушной еще и по той причине, что с Касей ее связывало слишком много воспоминаний.

При первом же удобном случае она сообщила Никодиму:

– Представь себе, пан Хелль хорошо знает Касю! Он встречал ее за границей, они даже переписываются! Бедная Кася! Она так одинока... Мне ее жаль.

– Может, этот Хелль всё врет?

– Никусь! Как ты можешь так говорить! – вспыхнула Нина. – Оскар – настоящий джентльмен!

Этот разговор возымел решающее действие на Дызму, Он решил действовать, и притом немедленно. Сперва надо было посоветоваться с Варедой. В тот же день он условился поужинать вместе с ним.

После первой рюмки водки приступил к делу:

– Видишь ли, Вацусь... Ты знаешь этого Хелля?

– Знаю. Веселый парень!

– Веселый, не веселый – черт его знает, только, понимаешь, нет мне от него житья.

– Как так?

– Отбивает у меня невесту.

– Дай ему по роже, а если взъерепенится, пара пистолетов – и точка.

– Поединок? – поморщился Дызма.

– Конечно! Я тебе, Никусь, скажу: в таких случаях лучше всего – раз-два, без лишних разговоров.

– Видишь ли... Не это главное. Дело идет о бабе. А баба еще пуще к нему потянется, если, предположим, его поранить.

– Как же ты думаешь поступить?

Дызма почесал подбородок.

– Может, арестовать его... Черт его знает, что он за птица, бродяга без роду, без племени...

– Гм... Между нами говоря, нет никаких оснований.

– А может, шпион? – неуверенно произнес Дызма.

– Почему б ему быть шпионом?

– Может, не шпион, а может, и шпион. Никто ничего не знает. Откуда у него столько денег? На какие средства он живет?

– Гм...

– Проходимец. Иностраный подданный...

– М-да, пожалуй, можно было бы проверить его документы, – задумчиво сказал Вареда. – Невзначай даже можно сделать обыск в номере гостиницы. Но если окажется, что всё в порядке, получится конфуз. Нет, так нельзя.

Вареда выпил еще рюмку и вдруг хлопнул ладонью об стол.

– Есть средство! Могу тебе сказать – верное средство...

– Ну?

– Речь ведь идет не о том, чтоб его засадить, а о том, чтоб отвадить, верно?

– То есть как отвадить?

– Ну, отвадить его от Нины.

– Конечно.

– Ну так есть средство. Его арестуют, сделают у него обыск, напечатают об этом в газетах, а потом попросят извинения и выпустят.

– Ну и что из этого?

– Как «что»? Не понимаешь?

– Нет.

– Да ведь это очень просто. Ты думаешь, Нина станет любезничать с тем, кого подозревают в шпионаже?

Дызма подумал, подумал и ответил:

– Пожалуй, не станет.

– Да и вообще, будут ли его принимать после этого в обществе?.. Да, брат, после такой штуки придется ему сложить манатки и убраться подобру-поздорову.

– Гм... Но... ведь он может объяснить, что это ошибка, – заметил Никодим.

– А мы можем дать понять, – возразил ему Вареда, – что выпустили его только потому, что он был слишком хитер и сумел вовремя спрятать концы в воду.

Дызме пришлось признать, что полковник прав. План был готов, и, не откладывая дела в долгий ящик, Вареда позвонил своему товарищу, начальнику второго отдела штаба, полковнику Ярцу.

На следующий вечер они встретились уже троим. Всех обстоятельств Ярцу они не открыли, потому что Дызма не хотел посвящать его в свои личные дела. Впрочем, Ярц и не расспрашивал. Ему и так было вполне достаточно: председатель Дызма считает шпионом иностранца, не имеющего здесь, в Польше, никакого веса, и хочет его скомпрометировать... Ну, кроме того, ужин удался на славу.

Действия решено было начать на следующий день, рано утром.

Дызма на завтра не мог и двух минут спокойно просидеть на месте. Он то и дело посылал Игнатия на улицу узнать, не продаются ли уже дневные газеты.

Наконец тот принес три газеты.

Дызма стал их лихорадочно просматривать. В двух не было о Хелле ни слова. Зато в третьей на первой странице была помещена набранная жирным шрифтом заметка под заголовком: «По следам новой шпионской организации. Арест шпиона из общества в фешенебельном отеле».

В заметке не указали – как они об этом условились – полностью фамилию Хелля. Там говорилось о некоем «Х». Но факты были подобраны таким образом, что ни у кого из знакомых Хелля не могло явиться и тени сомнения, что речь идет именно о нем.

Дызма потирал руки от удовольствия.

К нему вернулось душевное спокойствие, он начал просматривать служебные бумаги, велел принести документы на подпись, шутил с секретаршей, с улыбкой отвечал на поклоны, обошел отделы и наконец принялся читать письма. Среди них было и письмо Кшепицкого. Тот писал:

«Уважаемый пан председатель!

Сообщаю, что всё в порядке. Ни оппозиции, ни саботажа. Уже немного ориентируюсь в делах. Коборово – золотое дно, с чем вас и поздравляю. Через месяц я буду знать тут каждую былинку и каждый камешек. Здесь вас бояться как огня! Даже больше чем в банке. Два раза был в Гродно – в казначействе. Рабинович дает по 700 злотых за штуку. Хочет взять 30 телок, но платит шестимесячными векселями фирмы «Натан Гольдер и К^о», счет которой находится в банкирской конторе Кутеля в Белостоке. Прошу протелеграфировать, следует ли оформить сделку. Касперский говорит, что дело верное.

Хелля, о котором вы пишете, я не знаю и ничего о нем не слышал. Если нужен мой совет, то рекомендую особенно не беспокоиться. Впрочем, осторожность не повредит. Поэтому, мне кажется, лучше всего будет сказать Нине, что Хелль страдает неизлечимой венерической болезнью. Это ее отпугнет.

Два раза был в павильоне у Жоржа Понимирского. Он тяжело болен. Доктор говорит – воспаление легких. Горячка, совсем не узнал меня, бредит. Думаю, может окочуриться. Когда узнал, что с Куницким покончено, в припадке радости без пальто выбежал в парк. Очевидно, простудился. Бегал по парку и орал что-то во всё горло. Жаль мне его. Бедняга!»

Дальше Кшепицкий отчитывался о прибылях и расходах, просил Никодима покончить дело с поставкой шпал и обещал вскоре заявиться в Варшаву денька на два.

Никодим был доволен. Он продиктовал машинистке телеграмму, велел брать векселя, раз Кшепицкий в них уверен, и сообщил по телефону Пшеленской, что приедет к ней обедать.

Кроме хозяйки дома и Нины, он застал там младшую из сестер Чарских и двух молодых людей, с которыми встречался раньше, но фамилий их не помнил.

После обычных приветствий Никодим спросил:

– Слышали об аресте?

– О каком?

– Не знаем.

– Кого арестовали?

– В нынешние времена ни на кого нельзя положиться, – покачал головой Дызма. – Казалось, такой симпатичный человек!

– Да кто? – не выдержала Пшеленская.

– Кто? Да этот Оскар Хелль.

– Кто? – переспросила с беспокойством Нина.

– Хелль, – повторил Никодим, не спуская глаз с ее лица.

– Не может быть! Оскар?!

Дызма не торопясь сунул руку в карман, протянул газету Пшеленской, указав место, отчеркнутое красным карандашом.

Та прочла вслух и кончила со вздохом:

– Ну и история! Боже мой!!

Нина взяла газету, сама пробежала заметку. Она была подавлена.

– Никому теперь верить нельзя! – назидательным тоном заявила Пшеленская.

– Какая гнусность! – выдавила из себя Нина. – Люди гнусны, одна грязь!

– Ну, не надо преувеличивать, – сдержанно возразил Дызма.

Начался разговор о Хелле, и почти все вспомнили подробности его поведения, которые еще раньше казались подозрительными.

Нина не слышала, о чем говорят. Одна мысль мучила ее: какой злой, какой фальшивый свет, как она одинока и беспомощна, как не подготовлена к внезапным ударам, которые готовы посыпаться на нее отовсюду. Потом стала всматриваться в Дызму. Волнистые волосы, квадратное лицо, короткий нос, маленький рот, массивная нижняя челюсть. Туловище, пожалуй, длинновато, ходит, широко расставляя ноги.

«Казалось бы, заурядный человек, – думала Нина, – однако под этой внешностью скрывается большая внутренняя сила, спящая, невидимая мощь, которая скрыта с заранее рассчитанным намерением. Ник... мой Ник...»

Ее даже поразило, что этот человек, с улыбкой слушающий болтовню окружающих, этот государственный деятель, этот великий экономист, который вдруг на миг показался ей чужим и далеким, на самом деле ее Ник; да, ее жених, а в скором времени муж... Это тот, кто будет руководить ее судьбой, обеспечит ее безопасность, охранит от беды... Он сумеет это сделать, как никто другой. Он как пирамида в пустыне, которую не свалит ураган... Хелль тоже был настоящим мужчиной, но...

Она старалась не думать о нем.

Подали обед. Шел обычный разговор обо всем и ни о чем. После обеда, оставшись с Дызмой наедине, Нина шепнула ему:

– Люблю, очень люблю. Он взял ее руку, поцеловал.

– Ник... Поедем сегодня к тебе?

– Тебе хочется? – спросил он лукаво.

Нина закусила губу и, глянув на него расширенными зрачками, прошептала:

– Очень, очень, очень...

Лицо ее стало бледнеть, и Никодим уже знал, что это означает.

– Три дня мы не были вместе.

– Хорошо, – кивнул головой Никодим, а про себя подумал: «Ого, будет дело!»

Около восьми они вышли из дому. Нина сказала, что идет в оперу, Смеясь, она пояснила Никодиму, отчего она выбрала именно оперу, – сегодня дают «Африканку», и представление кончится только после полуночи.

– Хитрая у тебя Ниночка, правда?

– Хо-хо!..

*

Подождав, пока шаги Нины не стихнут в воротах, Никодим взглянул на карманные часы. Был первый час. Он решил направиться домой.

Шагах в двадцати от банка он увидел Маньку. Она стояла, прислонясь к фонарю. Наверняка поджидала его.

Никодим насупился. Хотел было пройти мимо, прикинувшись, что не видит ее, но Манька преградила ему путь.

– Чего тебе? – буркнул Дызма.

– Никодим...

– Чего тебе?!

– Никодим... Не сердись... Я без тебя жить не могу...

– Пошла прочь! Плевал я на тебя! Не приставай, стерва. Морду набью!

Манька поглядела на него испуганными глазами.

– За что, Никодим? За что?

– Надоела ты мне хуже черта.

– Я тебя люблю, ты мне обещал...

– Плевать мне на эти обещания и на тебя плевать. Понятно?! Всякая девка цепляться будет и голову морочить! Дерьмо такое!

– Никодим!

– Пошла вон, сволочь!

И Дызма толкнул Маньку так, что она, потеряв равновесие, повалилась в грязный снег.

Манька не поднялась. Молча смотрела она, как Никодим уходит.

– Ах, так?!

Прижав к лицу очоленевшие руки, Манька принялась плакать.

– Сволочь... стерва... дерьмо...

Потом вскочила, погрозила вслед кулаком.

– Ну погоди!

Отряхнула от снега пальто, почти бегом бросилась к Маршалковской.

– Попомнишь меня, попомнишь!.. Моим не будешь, но и ей не достанешься. Попомнишь еще меня!

Жажда мести овладела всем ее существом. Она уже бежала.

Манька ни секунды не помедлила, когда стоявший у входа полицейский осведомился, чего ей здесь надо.

– Хочу сообщить про одного типа.

– Сообщить?.. Ладно, иди к дежурному. Вон та дверь.

Очутившись в разделенной надвое балюстрадой просторной комнате, Манька устремилась к сидевшему за столом чиновнику.

– В чем дело? – спросил тот, не переставая писать и не подняв даже глаз на Маньку.

Манька обвела комнату взглядом. Они были одни.

– Хочу сообщить про одного типа.

– Ну? – флегматично буркнул дежурный.

– Он еще в мае пристукнул одного еврея. Загреб много монеты. Сам хвастался, показывал. Теперь хочет забраться в банк на Вспульной.

Полицейский отложил перо, поднял на Маньку глаза.

– Банк?.. Кто такой?

– Дызма. Никодим Дызма.

– А ты откуда знаешь об этом?

– Знаю.

- Как тебя зовут?
- Манька Бартик.
- Адрес?
- Луцкая, тридцать шесть.
- Чем занимаешься?
- Девушка, – ответила Манька, помедлив.
- Почему на него доносишь?
- Это мое дело.

Полицейский записал ее фамилию и адрес.

- Говоришь, готовится ограбить банк на Вспульной?
- Да.

Полицейский снял трубку, назвал номер.

- Ты знаешь, что такими вещами не шутят? Если соврала, тебя арестуют.
- Знаю.

Полицейский внимательно посмотрел на Маньку. Та была спокойна. Губы упрямо сжаты, и он решил, что девушка не врет.

- Где он теперь, твой Дызма?
- В банке.
- Что?!

– Я сама видела, как он входил туда. Дворник его впустил.

- Пан комиссар дома?.. Пожалуйста, разбудите. Важное дело. У телефона дежурный

Каспарский.

Вскоре трубку взял комиссар. Полицейский сообщил ему о доносе.

- Задержать ее, – велел комиссар. – Сейчас приеду и допрошу сам.

Дежурный повесил трубку, Маньке указал скамейку у стены:

- Обожди.
- Хорошо.

Манька села. Попомнит он ее, попомнит!

Никодим меж тем читал в постели газету. Раздался телефонный звонок.

Никодим выругался, решил не вставать. Телефон, однако, не унимался.

- Что за черт?!

Не надевая туфель, Дызма вскочил с кровати, прошел в кабинет, в темноте наткнулся на стул.

- Алло!
- Могу я говорить с паном председателем Дызмой?
- Я у телефона. Кто это?..
- Комиссар Яскульский. Мое почтение пану председателю.
- Здравствуйте, в чем дело?
- Извините, пан председатель, что беспокою вас так поздно. Есть важное дело.
- Слушаю вас...
- В комиссариат обратилась проститутка по фамилии Бартик. Она утверждает, что вы

готовите подкоп под хлебный банк.

- Что?..

Комиссар рассмеялся.

- На сумасшедшую непохожа, упорно повторяет одно и то же. Вы ее не знаете?
- Дьявол ее знает...
- Понятно... Я велел ее задержать. Думал сначала – пьяна, оказывается – нет. Она не

знала, что вы – председатель. Я сказал об этом, но она показаний обратно не взяла. Зла, наверно, на вас за что-то... Вы действительно проживали когда-то на Луцкой улице?

- Боже упаси! Никогда не проживал.

– Так я и думал, – подхватил комиссар. – Вы изволите смеяться, но она утверждает, что в мае вы убили и ограбили какого-то еврея. Назвала даже гостиницу, где вы ей показали награбленные деньги.

- Чертовщина какая-то!
- Вот именно, пан председатель. Не знаю, что с ней делать.
- Выгнать в три шеи.

– Она настаивает на своих показаниях, требует, чтобы их занесли в протокол. Если формально смотреть на дело, я должен удовлетворить ее просьбу.

– Зачем? – поспешно возразил Дызма. – Не надо никакого протокола.

– Понимаю, пан председатель. Можно составить протокол, а потом привлечь к ответственности за дачу ложных показаний.

– Стоит ли?

– Посидит месяца три.

– Не стоит. Скажите ей – пусть идет на все четыре стороны.

– Не согласится. Упрямая, bestия!

– Всё зависит от того, как будете советовать.

– Не понимаю, пан председатель.

– У вас, в полиции, есть свои методы...

– Ага! – отозвался комиссар. – Всё будет улажено, пан председатель. Мое нижайшее!

Еще раз прошу прощения за беспокойство.

– Пустяки! Очень благодарен. При случае вспомню о вас, комиссар.

Комиссар рассыпался в благодарностях. Повесив трубку, нажал кнопку звонка. В дверях показался полицейский.

– Давай ее сюда!

– Ну, вот видишь, твои показания – брехня. Посадим в тюрьму.

Комиссар ждал ответа, но девушка молчала.

– Мне тебя жаль. Ты молода и глупа. Еще раз добром советую: откажись от показаний.

– Не откажусь, – с вызовом ответила Манька. – Пусть тюрьма.

Комиссар вскочил со стула и закричал, стуча кулаком по столу:

– Ах, тварь! Откажешься! Раз говорю – откажешься, значит, откажешься.

В бешенстве принялся он ходить взад и вперед по комнате. Наконец остановился перед Манькой.

– Ну? Отказываешься?

– Нет, – ответила Манька, закусив губу.

– Валясек, – позвал комиссар, – отвести в заднюю комнату и втолковать, что ложные доносы на важных чиновников приносят одни неприятности...

– Слушаюсь, пан комиссар.

Он взял девушку под локоть и вывел в коридор.

.....

Она брела долго, очень долго. Солнце уже взошло, все люднее становились улицы. Манька шаталась, спотыкалась. Прохожие оглядывались. Какая-то пожилая дама бросила с презрением:

– Тьфу, бесстыжая, пьяная тварь!

Манька ничего не ответила.

Глава 18

Строгость и элегантность, хороший вкус и изящество – все эти качества сочетались в богато обставленном кабинете адвоката, отражая, казалось, как в зеркале, черты его владельца, сидящего господина с квадратной стриженной бородкой, светила бракоразводных процессов, члена городского муниципального совета, камергера его святейшества.

За письменным столом напротив хозяина сидел Никодим и внимательно ловил каждое его слово. А тот всё говорил, говорил, спокойно, неторопливо, и речь его была похожа на реку, которая плавно струится по своему руслу.

Над головой адвоката в широкой золоченой раме висел большой портрет папы римского.

Адвокат отпер ящик стола, вынул папку, ни на минуту не закрывая рта, достал из нее сложенный вчетверо, написанный на пергаменте документ, развернул.

На белых шелковых шнурах к нему были прикреплены две большие восковые печати. Одну из них адвокат благоговейно поцеловал, подал документ Дызме.

Документ был написан по-латыни, тем не менее Дызме хорошо было известно, что он собой представляет.

Это было свидетельство о том, что брак Нины аннулирован.

Теперь, когда бумага была у него в руках, ему пришло в голову, что вся эта процедура недешево обошлась ему.

«Интересно, сколько теперь заломит адвокат?» – подумал он.

Как бы в ответ на этот вопрос адвокат вынул из папки небольшой лист бумаги, золотым карандашиком набросал какие-то цифры и заявил:

– Мой гонорар – четыре тысячи двести злотых.

Дызма даже вскочил со стула.

– Сколько?

– Четыре тысячи двести, пан председатель.

– Вы шутите?! Я думал – тысяча, ну две!..

– Пан председатель, я имел честь с самого начала предупредить вас, что берусь за это дело только при условии, что вы согласны заплатить мне мой обычный гонорар и, кроме того, покрыть побочные расходы.

– Но четыре тысячи! В общей сложности это влетело мне почти в шестьдесят тысяч!

– Имейте в виду, пан председатель, никакой другой адвокат в этих условиях не смог бы добиться того, чтобы брак аннулировали. Мне пришлось израсходовать значительные суммы на... дополнительные показания свидетелей...

– Но ведь свидетелей нет уже в живых!

Адвокат кисло улыбнулся.

– Это правда. Но не думаете ли вы, что показания покойников стоят дешевле?

Никодим понял.

– Значит?.. – спросил он.

– Значит, – подхватил адвокат, – другого выхода не было.

Сунув руку в карман, Никодим вынул пачку ассигнаций, отсчитал деньги и встал.

Проводив посетителя в переднюю, адвокат долго объяснял ему, какие остались еще выполнить формальности, какие внести изменения в книгу актов гражданского состояния. На прощание он с достоинством поклонился.

От адвоката Никодим поехал прямо к Нине.

Настроение у него было отличное. Последние дни всё шло как по маслу. Манька исчезла с горизонта. Первые три дня его мучило беспокойство, не попытается ли она сделать еще один донос в полицию или прокуратуру. К счастью, она, видимо, успокоилась.

Теперь у Никодима в руках был документ, открывающий возможность жениться на Нине и уехать из Варшавы.

Сегодня утром он получил телеграмму: Кшепицкий извещал его о приезде. Это было крайне важным обстоятельством, так как в среду должно было состояться заседание экономического комитета Совета министров. На повестке дня стоял острый вопрос: министр финансов намеревался выступить с требованием продать за границу все запасы хлеба. Никодиму придется выступить и подать голос либо за, либо против. Как поступить, он еще не знал. Поэтому приезд Кшепицкого был ему на руку.

За последнее время он часто сам брал на себя смелость высказаться по тому или иному вопросу, о котором спорили газеты.

Он выбирал обычно ту точку зрения, которая казалась ему наиболее правильной, и выдавал ее за свою. Но теперь всё должно было совершиться в строжайшей тайне.

У пани Пшеленской царило волнение. Лицо у хозяйки пошло красными пятнами, Нина была бледна.

– Что случилось? – с удивлением спросил Никодим.

– Ах, пан председатель, – затараторила Пшеленская, – представьте себе: Хелля выпустили из тюрьмы.

– Его арестовали по ошибке, – поспешила добавить Нина. – Перед ним извинились. Он ни в чем не виноват.

Дызма помрачнел и нахохлился.

– Я думала, у меня будет сердечный припадок, – продолжала, бурно жестикулируя, пани Пшеленская. – Представьте себе: полчаса назад звонит Янек Карчевский – знаете, теннисист – и говорит, ему позвонил Хелль, сказал, что это было недоразумение, попросил его сообщить об этом нам, Чарским и вообще всем. Мало того, он предупредил Янека, что намерен явиться к нам

и лично объяснить положение дел. Что вы на это скажете?! Не знаю, как быть... Можно ли принять такого человека? Ведь он сидел в тюрьме по обвинению в шпионаже!

– Да, но обвинения не подтвердились, – робко возразила Нина.

– Что делать?! Пан председатель, что вы посоветуете? Что вы слышали об этом деле?

Никодим напустил на себя серьезный вид.

– Я располагаю самыми точными данными, Хелля выпустили лишь потому, что он сумел вовремя уничтожить все улики.

– Что вы говорите, пан председатель!

– Да, да. Мне сказал об этом начальник второго отдела штаба. Хелль является главарем большевистской шпионской шайки, за ним долго следили. Когда у него произвели обыск, то вместо компрометирующих его бумаг нашли горсточку пепла. Тогда для видимости пришлось извиниться перед ним, выпустить из тюрьмы, с тем чтобы потом накрыть окончательно. Начальник второго отдела специально звонил и мне и другим людям, имеющим доступ к государственным тайнам, и предупредил, чтоб мы были поосторожнее с этим фруктом.

– Ну, тогда всё ясно, – заявила Пшеленская.

Нина молчала.

Внезапно раздался звонок. Пшеленская встала и поспешно прикрыла дверь из передней в гостиную, – на всякий случай.

Вошел лакей и доложил:

– Пан Оскар Хелль.

Тогда Пшеленская во весь голос, с таким расчетом, чтоб в передней можно было слышать каждое слово, произнесла:

– Скажи ему, что нас нет дома, что для подобных господ нас никогда не будет дома.

Послышался стук запираемых дверей.

– Как люди злы! – вздохнула Нина.

Никодим отвернулся, сделав вид, будто разглядывает безделушки в серванте. В стекле он увидел свою улыбающуюся физиономию и улыбнулся еще шире.

*

Кшепицкий внимательно прочитал шесть отпечатанных на машинке страниц с предложением министра финансов, просмотрел бюллетени иностранных и польских хлебных бирж, пожал плечами.

– Гм... Как вы на всё это смотрите, пан председатель?

Никодим наморщил лоб.

– Как я смотрю?.. Хм... Думаю, что это не самая мудрая мера.

– Это худшая мера. Это просто самоубийство! При теперешней конъюнктуре продавать хлеб! Да ведь заранее известно, что на сделке мы потеряем от тридцати до сорока процентов! Это безумие! Выбросить, наконец, на внешний рынок такое количество хлеба – это означает понизить цены, следовательно, они и у нас упадут. Мало того! Хлебным облигациям после этого тоже грош цена.

Никодим покачал головой.

– То же самое я сказал вчера Яшунскому. Предупредил, что самым решительным образом выступлю против предложения.

– Разумеется. Вы совершенно правы.

– Впрочем, мне хотелось услышать и ваше мнение. Рад, что мы сходимся. Ну, Кшепицкий, пригласите машинистку и продиктуйте ей наши возражения против проекта. Уж я им задам перцу!

Через два часа бумага была готова. Заседание экономического комитета назначили на семь, поэтому в распоряжении Дызмы и Кшепицкого был еще целый час. Они провели его в беседе о коборовских делах, о женитьбе Никодима.

Больше всего Никодима беспокоил вопрос, что делать с Жоржем Понимирским после свадьбы. Он был уверен, что Нина потребует перевести его из павильона в дом.

Она уже не раз говорила ему об этом. В сущности, Дызма ничего не имел против: Жорж не так уж болен, чтобы отправлять его в Творки.⁴⁵ Но Никодим боялся, что тот проболтается насчет Оксфорда.

⁴⁵ Творки – больница для душевнобольных.

Разумеется, своих опасений Кшепицкому он не поверял. Секретарь, в свою очередь, был уверен, что надо удовлетворить желание Нины. Если окажется, что Жорж невыносим, следует поместить его потом в какой-нибудь санаторий. На том и порешили.

Кшепицкий отвез Дызму в Совет Министров, а сам отправился к Пшеленской.

*

Усевшись за длинный стол, Никодим исподлобья поглядывал на премьера, который устроился на председательском месте, на министра финансов, начавшего уже свою речь, на остальных сановников. Сбоку, за маленьким столиком, сидели две стенографистки.

Министр финансов в краткой, сухой речи мотивировал свое предложение. Он заявил, что единственное средство покрыть дефицит в бюджете – продать скупленный хлеб. Тем временем международное положение улучшится, не исключено, что можно будет добиться займа за границей. В заключение министр добавил, что по образованию он филолог, в экономической жизни разбирается настолько, насколько этому мог его научить опыт последних лет, в министерское кресло он сел против воли, тем не менее министром-марионеткой оставаться не намерен, и поэтому, если его предложение отвергнут, он немедленно подаст в отставку.

Взявший затем слово премьер заверил министра финансов, что его заслуги ценятся высоко и что предложение должно быть принято.

Со всех сторон посыпались возгласы одобрения.

Во время заседания все то и дело поглядывали на Дызму, а тот упорно молчал. От него ожидали какого-то сюрприза и не ошиблись. Когда улыбающийся премьер обратился к нему с просьбой высказаться, Никодим встал и начал:

– Вы уж меня извините, болтать я не мастер. Скажу кратко. Речь идет не о нас – о благе государства, тары-бары разводить некогда. Что тут говорилось, ни к черту не годится. Я зачитаю свою декларацию.

Он разложил перед собой заготовленный Кшепицким текст и принялся читать.

По залу прошло движение. Едва Никодим кончил, министр финансов вскочил, возмущенный, замахал руками, стал протестовать.

Поднялся шум, присутствующие принялись возражать друг другу, ссориться, однако малопомалу премьеру удалось их утихомирить, и началась нормальная дискуссия.

Яшунский с раздражением бросил Дызме:

– Почему вы сегодня стали на такую непримиримую позицию? Еще позавчера в беседе со мной вы уверяли, что в принципе не возражаете против предложения.

Дызма побагровел.

– Ничего подобного я не говорил!

– Говорили, что это может оказаться хорошим выходом.

– Неправда!

– Нет, это вы говорите неправду! – загорячился Яшунский. – Может быть, вы употребили другие выражения, но так или иначе, вы были согласны с проектом.

– Неужели вы не понимаете, коллега, – язвительно заметил министр финансов, – что пан Дызма прибег к этой уловке, чтобы захватить нас своими возражениями врасплох.

Никодим встал.

– Мне нечего долго распространяться. Я сказал, что надо было сказать. А вы, господа, поступайте как вам угодно.

Предложение министра было принято.

– Мне все трын-трава, – говорил Никодим в тот же вечер Кшепицкому, когда они вместе возвращались от Пшеленской, – всё равно подаю в отставку.

– Жаль банка!

Дызма пожал плечами.

– Ваша идея! Ваше детище!

– Ну их к черту!

– Ну и шум поднимется завтра!

– Какой шум?

– Да в печати. Ведь это сумасбродство. Наверняка многие газеты будут за вас.

– Мне-то что от этого?

– Конечно, выгода платоническая, но завтра... Пан председатель, у меня есть одна идея.

– Ну?

- Выдался блестящий случай для вас: завтра же подайте в отставку.
- Стоит ли? Я собирался сделать это перед свадьбой. Зачем терять несколько тысяч злотых?
- Вы были бы правы, если б у них была на это место замена. Они не захотят отпустить сразу такого человека, как вы. Дело наверняка затянется. Моральный выигрыш вам обеспечен.
- В чем же он состоит?
- Да очень просто. Вы заявляете об отставке, не указывая причин. Всем становится ясно, что вы не хотите нести ответственность за решение правительства, которое намерено угробить хлебный банк.
- Ага!
- Видите, пан председатель, я прав. Общественное мнение будет за вас.
- Никодим рассмеялся, потрепал Кшепицкого по плечу.
- Ну и ловкач же вы, Кшепицкий!
- К вашим услугам, пан председатель.

Глава 19

Предсказания Кшепицкого сбылись. На следующее утро в большинстве газет проскользнули туманные намеки, было также напечатано официальное сообщение о решении экономического комитета, которое оппозиционная печать не замедлила подвергнуть резкой критике.

В тот же день Никодим вместе с Кшепицким, сопровождавшим своего начальника для того, чтобы подчеркнуть важность момента, нанес визит премьеру и вручил ему прошение об отставке.

Премьера это озадачило и привело в замешательство. Он принялся упрашивать Дызму не обострять положения и взять прошение обратно. Тот, однако, со всей твердостью заявил, что его решение бесповоротно. Он согласился исполнять свои обязанности до назначения преемника, но предупредил премьера, что никакие обстоятельства и уговоры не изменят его решения.

При выходе из дворца Совета министров Никодима несколько раз сфотографировали репортеры трех газет, предупрежденные Кшепицким о предстоящей отставке пана председателя.

Произошло это еще до часу дня, а в два приехал в банк министр Яшунский. Он был сильно расстроен, руки у него дрожали. Через каждые два–три слова он повторял:

– Ради бога, не делайте этого!

Он убеждал, объяснял, уговаривал, доказывал, что это непатриотично, что отставка вызовет смятение в промышленных и аграрных кругах, что могут возникнуть опасные осложнения политического порядка, что это может привести к расколу, что положение кабинета неизбежно пошатнется. Наконец он стал взывать к Дызме как к другу, который Яшунского и его сотрудников должен удержать от падения в пропасть.

Не успел Дызма ответить, как доложили о приезде министра финансов. Вслед за министром финансов явились депутат Левандовский, затем полковник Вареда, затем Уляницкий, председатель Хиршман, князь Ростоцкий.

Зазвонил телефон: председателя Дызму вызывали в Замок⁴⁶ к пяти часам.

Все были мобилизованы для того, чтобы отговорить Никодима от его решения, может быть даже ценой отмены постановления экономического комитета. Но Дызма оставался непреклонен.

– Никогда не меняю своих решений.

В приемной толпились журналисты. Дызма вышел к ним на минуту.

– Желаете знать, в чем дело? Я подаю в отставку.

– По каким мотивам, пан председатель?

– По личным. Это всё, что я могу вам сказать.

– Ваше решение твердо?

– Как сталь.

Дызма кивнул на прощание головой и вышел.

– Железный человек, – заявил один из журналистов.

---

⁴⁶ Королевский Замок – резиденция президента.

– И му-у-у-дрый политик! – добавил другой. – Уж он-то знает что делает.

Утренние газеты пестрели сенсационными заголовками. В политических сферах бурлило. Предвидели уход министра финансов, даже отставку кабинета. Как и предсказывал Кшепицкий, постановление экономического комитета сочли причиной отставки председателя Дызмы. Откуда-то раздобыли его декларацию, и та произвела колоссальное впечатление. Все газеты, за исключением официальных, стали на сторону Дызмы, многословно восхваляя его знания, ум и твердость характера. Припомнили словечко, брошенное им в цирке, напечатали его биографию, помещали снимки с такой примерно подписью:

«Знаменитый экономист Никодим Дызма, спасший страну от экономического кризиса, покидает в сопровождении личного секретаря, пана З. Кшепицкого, дворец Совета министров после подачи просьбы об отставке, которую следует считать протестом выдающегося государственного деятеля против самоубийственной политики кабинета».

Даже оппозиционные газеты, еще недавно атаковавшие Дызму, превозносили его достоинства и пользовались его именем как тараном для атаки на правительство.

Нина просматривала кипы газет. Лицо ее покрылось красными пятнами. От волнения у нее захватывало дыхание. Боже мой! Ведь это ее Никодим! Какой он великий! Нина досадовала на себя, что не умеет постичь всё его величие и значение. Гордость ее росла.

Она сама просила Никодима бросить банк. Она хотела, чтоб он существовал лишь для нее. Но теперь, когда она поняла, какую огромную потерю понесет государство, любимая отчизна, Нина решила просить жениха, чтоб он взял назад прошение об отставке.

Нина выбежала в переднюю. Она ожидала увидеть Никодима, полного тяжелого раздумья в этот час великого решения, измученного тревогой за судьбу родины, государственного деятеля, изнемогшего от борьбы любви с чувством долга, согбенного под грузом свалившейся на него ответственности.

Веселое лицо Дызмы привело ее в изумление. Тогда она объяснила себе это тем, что он пытается скрыть горе улыбкой и готов на всё – только бы не огорчить невесту.

Она горячо расцеловала его, повела в свою комнату. И, сознавая всю значительность своей жертвы, сообщила, что намерена отказаться от Коборова и переехать в Варшаву, раз этого требует благо отечества. Может быть, через год найдется кто-то, кто будет в состоянии заменить Никодима на посту председателя правления, и тогда...

– Не о чем говорить, – перебил ее Никодим, – я был в Замке, и отставка принята.

– Но они будут счастливы, если ты, несмотря на это, останешься.

– Уж конечно.

– И страна выиграет от этого.

– Разумеется.

– Значит...

– Не понимаешь ты ничего, Ниночка, в политике. Я сделал как надо. А потом я слишком люблю тебя и хочу жить с тобой в Коборове. Ты сердисься на меня за это?

Нина обвила шею Никодима руками.

– Милый, милый, если только...

В дверь постучали.

Вошла Пшеленская. Ее восторгам не было конца. Свою речь она завершила патетическим вздохом:

– Ты даже не знаешь, дорогая Нинуся, даже не представляешь себе, как ты должна быть счастлива, что на твоём пути оказался такой человек!

Начали обсуждать предстоящую свадьбу.

Нина заявила, что хочет обвенчаться тихо и скромно в маленьком приходском костеле в Коборове, а затем провести весну в Алжире или в Египте.

Пани Пшеленская вторую часть проекта одобрила, но решительно выступила против первой:

– Нинуся, это абсурд – прятаться со свадьбой. Даже хуже. Это бестактность!

– Чего ты хочешь, тетя? Папа всегда говорил, что у семидесяти процентов женщин такта ни на грош. Я всего лишь женщина.

– Надеюсь, пан председатель не одобрит твоего намерения. Как можно?! Твою свадьбу мы должны отпраздновать в Варшаве, с блеском, при большом стечении народа. И твои

друзья, и друзья пана председателя будут на ней присутствовать. Mon Dieu!⁴⁷ Графиня Понимирская выходит замуж за выдающегося государственного деятеля! Что тут скрывать? Я бы расхворалась с горя, если б вы решили иначе. Пан председатель, апеллирую к вам...

Никодим выпятил нижнюю губу, поднял брови.

– Я тоже думаю: почему бы не в Варшаве?

– Bravo, bravo, – возликовала Пшеленская, – вот мудрые слова! Видишь, Нинуся, я знала, пан председатель будет на моей стороне. Мы устроим большой прием... Тебе придется считаться, Ниночка, с тем, что твой жених – не частное лицо...

– Теперь он частное лицо, – вставила Нина.

– Теперь, теперь! Что значит теперь? В Варшаве все говорят: не успеешь оглянуться, как он будет министром!

– Чего там, – махнул рукой Дызма, – не преувеличивайте. Но пани Пшеленская права: прием надо устроить.

Нина покорно согласилась. Раз Ник хочет, видимо у него есть какие-то причины, которых он не желает открыть. Нина давно уже отказалась от попыток проникнуть в эту замкнутую душу, постичь глубину которой она была не в силах, и лишь чувствовала своим женским инстинктом, что душа эта непреклонна.

– Что касается путешествия, – заговорил снова Никодим, – то я думаю, нам лучше не ехать.

Озабоченно наморщив лоб, Никодим принялся потирать руки. Он как огня боялся поездки за границу: там сразу обнаружится незнание иностранных языков. Двумя десятками немецких слов, которые он еще помнил, тут не обойдешься!

– Вероятно, вы думаете, – сладким голосом заговорила Пшеленская, – что вывозить деньги за границу – это непатриотично? Но ведь так все поступают.

– Вот именно! Скверно поступают! «Каждый увезенный за границу грош – это нашей родины грабеж», – процитировал Никодим лозунг, прочитанный недавно на плакате. – Скверно поступают!

– Но у вас такие заслуги перед отечеством!

– Тем более! Я должен подавать пример другим. Мы можем путешествовать и по своей стране.

– Ты прав, Ник. Я напрасно думала о загранице. Мы поедем в Закопане, в Крыницу, в Бескиды...

На пороге появился лакей и доложил, обратившись к Нине:

– Ясновельможная панна, к вам какая-то пани.

– Ко мне? Кто?

Не хочет себя назвать. Она в гостиной.

– Простите, – сказала Нина. – Я посмотрю, кто это. Она прошла через столовую, будуар, открыла дверь в гостиную. И вскрикнула: перед ней стояла Кася.

В короткой беличьей шубке, в меховом колпачке, с папиросой в зубах, она была похожа на стройного мальчишку, которому вздумалось вдруг надеть на себя юбку.

– Здравствуй, Нина, – послышался знакомый альт.

Кровь ударила Нине в голову. Она не знала, что делать. Приезд Каси привел ее в замешательство; кроме всего прочего, он принес ей еще и радость. Она твердила и себе и окружающим, что всё забыла, но теперь было ясно, что она всё помнит. Разве можно это забыть!

– Не хочешь здороваться со мной? – Кася сделала несколько шагов и очутилась рядом с Ниной. – Может, сердиться, что приехала?

Нина пришла в себя.

– Нет, Кася, нисколько... Я очень рада.

Кася взяла ее за руку и осторожно притянула к себе.

– Нет, так здороваться с тобой я не могу.

Крепко обвила шею Нины руками, прильнула к ее губам.

Это произошло так неожиданно, что Нина оторопела. И только через минуту, освободившись из объятий, она прошептала с упреком:

– Кася!..

Кася посмотрела ей в глаза и ответила.

---

⁴⁷ Бог мой! (франц.).

– Прости... Губы у тебя еще свежее, еще сочнее, чем тогда... Ты не предложишь мне сесть?..

– Кася!

Нина подставила ей кресло, сама тоже села.

Кася достала из кармана шубки большой золотой портсигар, закурила другую папиросу и молча принялась рассматривать Нину.

– Ты много куришь, – сказала Нина.

– Ты не хочешь знать, откуда я приехала?

– Мой адрес дали тебе в Коборове?

– Нет, мне писал о тебе Оскар Хелль, с которым ты, кажется, знакома.

– Бедный человек.

– Почему бедный? Насколько мне известно, он богат и доволен своей жизнью, – искренне удивилась Кася.

– Не знаю, слышала ли ты... Он был здесь арестован, обвинен в шпионаже.

Кася пожала плечами.

– Возможно. Меня это не касается. Я просто благодарна ему за то, что он сообщил кое-что о тебе... Ты разводишься с этим старым негодяем?

– Кася, ты говоришь так о собственном отце?

– Оставим это. Так, значит, разводишься?

– Да. Вернее, развелась. Наш брак признан недействительным.

– Ты очень разумно поступила. Хелль написал мне, что мой уважаемый папаша оставил тебе Коборово. Я никак не могла этого понять. Почему эта скотина явила такое благородство? Но дело не в этом. Я приехала за тобой. Это пойдет тебе на пользу. Теперь в Сицилии весна.⁴⁸

Нина улыбнулась краешками губ.

– Нет, Кася, не могу...

– Здесь небо висит над головой, как угроза, там – светится улыбкой.

– Через месяц моя свадьба, – тихо сказала Нина.

Кася вскочила, смяла окурок в пепельнице.

– Ага, значит, это правда.

Нина молчала.

– О вы, несчастные невольницы, жить не можете без ярма, без вожжей. Ты выходишь за этого Дызму?

– Я люблю его.

– Черт возьми, – не утерпела Кася и принялась комкать в руках перчатки. – Нина, Нина! – вырвалось у нее. – Ты не должна делать этого! Нина, отдаешь ли ты себе отчет в том, что со мной происходит? Неужели у тебя нет ко мне даже искорки чувства?! Взвесь, подумай!

– Не мучай меня, Кася, ты знаешь, как я к тебе привязана. Но я говорю тебе... я считаю своим долгом сказать тебе, хочу быть честной... Я пообещала и ему и себе, что никогда больше к тебе не вернусь...

– Нина, умоляю тебя, отложи свадьбу, сжалься надо мной!.. Отложи на полгода, на три месяца... Может, ты придешь к убеждению, что это ошибка! Нина, умоляю тебя, может, ты поймешь, что он недостойн тебя... Я не прошу ничего, кроме отсрочки, небольшой отсрочки!..

Нина с улыбкой покачала головой.

– Ты ошибаешься, это я его недостойна. Ты мало его знаешь; впрочем, ты всё время живешь за границей, не отдаешь себе отчета в том, чем он является для страны, для общества, что это за...

– Ах, какое мне до этого дело! – прервала ее Кася. – Меня интересуешь только ты, твое счастье и мое счастье! Нина, Нина, умоляю тебя... Нина... Нина...

Она упала на колени, схватила руки Нины, покрыла их поцелуями.

– Небольшая отсрочка... Умоляю...

– Кася, успокойся, что ты делаешь? Приди в себя.

В соседней комнате послышались шаги. Кася тяжело поднялась с пола. Вялым движением взяла перчатки.

– Я пойду.

⁴⁸ В.Э.: Не понятно только, на какие деньги она собирается жить теперь, когда Куницкий низложен.

– Прощай, – ответила Нина, – не думай обо мне худо...

Кася молча кивнула. С минуту она стояла, глядя на Нину. Вдруг дверь открылась – вошел Никодим. Сначала остолбенел от изумления, потом быстро пришел в себя. Сунул руки в карманы и спросил с неприязнью:

– Чего вам здесь надо?

Кася смерила его с головы до ног взглядом, исполненным ненависти.

Дызма заметил бледность Нины, понял, что произошло какое-то объяснение. Его охватила ярость.

– Я спрашиваю, чего вам надо от моей невесты? Ну!

– Ник! – пыталась унять его Нина.

– За каким чертом вы здесь? Я не желаю видеть...

Кончить он не успел: Кася иронически засмеялась и повернулась к нему спиной.

Захлопнулась с треском дверь.

– Чего ей было надо от тебя? – спросил, помолчав, Никодим.

Нина расплакалась. Он не мог добиться от нее ни слова и в раздражении ходил по гостиной, пиная стулья.

Явилась и пани Пшеленская, но тут же удалилась, решив про себя, что это сцена ревности или какое-то объяснение между женихом и невестой.

Некоторое время спустя Нина успокоилась, но так ничего и не рассказала. Только сказала Никодиму, что он может всецело полагаться на ее верность и что Кася никогда больше не вернется.

«Вот и пойми, чего она хотела, – ломал себе голову Дызма. – В самом деле, в башке у этих баб одна каша».

Глава 20

Это был волнующий момент. В зале заседаний, откуда вынесли столы и стулья, собрался весь персонал банка.

Впереди всех стоял директор, за его спиной – оба его заместителя, затем начальники отделов, наконец – все остальные служащие. Разговор велся вполголоса. Распахнулись двери, вошел председатель.

Сотни глаз с любопытством впились в него, желая понять, о чем думает начальник, но неподвижное лицо-маска было, как всегда, загадочным и непроницаемым.

Председатель остановился, откашлялся, начал:

– Милостивые государи, я пригласил вас сюда, чтобы проститься с вами. Несмотря на то, что меня хотят удержать на посту, я ухожу. Может быть, вы знаете причину, может быть, не знаете, но это неважно. Уходя, я хочу поблагодарить вас за то, что вы были трудолюбивы и всегда выполняли свой долг, что помогло мне, создателю этого банка, вести работу на образцовом уровне. Полагаю, вы сохраните обо мне добрую память, я был настоящим отцом для вас и – скажу, не хвастаясь, – не один из вас под моим руководством многому научился. Еще не знаю, кто заменит меня. Одно скажу: этого человека вы должны уважать так же, как меня. Начальника всегда надо уважать. Впрочем, вряд ли это будет знаменитый государственный деятель; может быть, даже он развалит то, что я создал. Но начальник есть начальник. Продолжайте работать на благо нашего дорогого отечества. Пусть государство не будет в накладе, раз оно вам платит. Жаль мне покидать вас. Наверно, я не миндальничал – таков уж мой характер, но сердцем я к вам привязался.

Никодим вынул платок и громко высморкался.

Затем выступил директор и в длинной речи стал превозносить заслуги председателя Никодима Дызмы, упомянул его замечательный талант организатора, его благожелательность к подчиненным. В заключение от своего имени и от имени всех собравшихся выразил сожаление, что служащие лишаются такого мудрого руководителя. Затем под громкие крики «виват» вручил председателю великолепный кожаный с позолотой бювар для письменного стола.

К переплету бювара была приделана большая серебряная пластинка, на которой вверху выгравировали портрет Никодима, внизу – здание банка, посередине – адрес:

*Уважаемому пану
Никодиму Дызме,
знаменитому экономисту, основателю,
организатору и первому председателю
государственного хлебного банка –
благодарные подчиненные.*

Далее следовали многочисленные подписи.

В продолжение всего торжества личный секретарь пана председателя записывал содержание речей. Затем он наскоро переписал адрес и поручил одному из чиновников отпечатать надлежащее число экземпляров, чтобы послать их в газеты.

Сам он очень спешил, потому что и ему и Дызме предстояло еще облачиться во фрак и поспеть на прощальный банкет, который давал в честь Никодима председатель Совета министров.

Дызма тем временем попрощался с чиновниками, каждому подав руку.

Во дворце Никодим узнал, что для него приготовлен сюрприз: перед банкетом ему вручат орден.

За столом прозвучало немало сердечных тостов, так как важно было в глазах общественного мнения представить отставку Дызмы в наиболее благоприятном свете.

Уже под конец банкета поднялся Уляницкий и произнес игривую речь: он сообщил, что виновник сегодняшнего торжества уполномочил его уведомить собрание о своем бракосочетании с графиней Ниной Понимирской, на каковой обряд, связанный с обильным потреблением алкогольных напитков, имеет удовольствие просить всех присутствующих.

Приглашение было встречено шумными возгласами: посыпались шуточные пожелания, вопросы; известие ни для кого не было неожиданностью.

После банкета состоялся раут, на который приехало еще несколько десятков гостей.

Темой всех разговоров была отставка председателя Дызмы и те последствия, какие она могла повлечь за собой. Обращал на себя внимание крайне тревожный факт резкого падения облигаций хлебного банка на бирже. Оптимисты утверждали, что это проявление нервозности, вызванной отставкой Дызмы, и что облигации опять поднимутся в цене, но пессимисты выражали опасение, что дело может дойти до краха. Когда по этому вопросу обратились к Дызме, тот пожал плечами:

– Правительство сделало так, как хотело. Что из этого выйдет – не знаю.

Разумеется, слова эти истолковали как предсказание кризиса. Поскольку за последние месяцы к этому добавился ряд новых обострений и экономических неудач, то кабинету не сулили долгого существования. В такой обстановке особа председателя Дызмы, прославленного организатора, человека сильной воли, уходящего от общественной жизни ввиду разногласий во взглядах, приковывала к себе всеобщее внимание.

Когда один из репортеров попробовал выпытать у Дызмы, не согласится ли тот в случае падения кабинета занять один из министерских постов в новом правительстве, Дызма ответил решительно:

– Нет. Я еду в деревню и принимаюсь за хозяйство.

Этот ответ тотчас облетел салоны, но никто тем не менее Дызме не поверил.

Глава 21

Двадцать две кареты, сто с лишним автомобилей. Толпа запрудила площадь перед костелом и соседние улицы. Трамваи остановились. Две цепи полицейских сдерживали натиск зевак. С паперти костела красный ковер спускался на мостовую. У входа полицейские проверяли пригласительные билеты. Через открытые двери видно было внутреннее убранство костела, сияющего множеством ламп, утопающего в цветах.

Стоило автомобилю или карете остановиться у красного ковра, как в толпе тотчас узнавали прибывших. Гул пробегал по рядам:

– Князь Ростоцкий... Итальянский посол... Министр Яшунский...

Дамы в роскошных туалетах, мужчины в блестящих мундирах, во фраках. Запах духов, цветов, бензина.

Костел был переполнен, а машины всё подъезжали.

Вот подкатил великолепный лимузин. Из него вышел Никодим Дызма.

– Жених, смотрите, жених, председатель Дызма...

Его мгновенно узнали по многочисленным снимкам в газете.

Вдалеке кто-то крикнул:

– Да здравствует председатель Дызма!

– Да здравствует Дызма! Да здравствует Дызма! – подхватила толпа.

Над головами замелькали шляпы.

– Да здравствует!.. Да здравствует Дызма!

Никодим остановился на паперти, помахал цилиндром. На его серьезном лице появилась добродушная улыбка.

Толпа рычала от восторга. В этот момент подъехала карета Нины. Овации в честь жениха вызвали слезы на глазах невесты.

– Видишь, – шепнула ей пани Пшеленская, – поляки умеют ценить заслуги великих людей.

Никодим спустился к невесте и под крики толпы повел ее к алтарю. Грянул орган.

Давно не видали такой пышной свадьбы.

По окончании церемонии снова посыпались приветственные возгласы в честь новобрачных. Карета совершила традиционный круг по Иерусалимской аллее.

Двигаясь бесконечной вереницей, свадебный кортеж перевез гостей в Европейскую гостиницу, где был накрыт стол на двести сорок персон.

У гостиницы тоже ждала толпа любопытных. И тут послышались крики: «Да здравствует Дызма!»

Никодим сиял, лицо Нины светилось улыбкой.

Они принимали поздравления от многочисленных гостей. За обедом не было конца тостам. Чтение поздравительных телеграмм заняло целый час, так что бал начался только в одиннадцать. Новобрачный танцевал до изнеможения, и притом с таким шиком, что гости, не зная о его былых успехах в Лыскове, обменивались между собой такими примерно репликами:

– Кто бы мог думать, что у председателя Дызмы такое чувство юмора!

Или:

– Подгулял жених, вот и началась забава.

– Почему б ему не позабавиться? Жена как куколка, а Коборово любому магнату под стать.

Совсем уже рассвело, когда неусыпно следящий за торжеством Кшепицкий подал знак кончать бал. В восемь двадцать отходил поезд, на котором молодожены собирались ехать в Коборово.

Большинство гостей проводило их на вокзал. Салон-вагон, предоставленный новобрачным министром путей сообщения, был забит цветами. Последние пожелания, возгласы, свисток паровоза, – и поезд тронулся.

Нина и Никодим махали, стоя у открытых окон. На перроне замелькало множество платочков и шляп. Наконец паровоз набрал скорость, и перрон растворился в серой дымке города.

Нина закинула руки на плечи мужа.

– Боже, как я счастлива! Ник, скажи, чем я заслужила такое счастье, чем я заслужила тебя?!

– Чем... гм... чем заслужила?..

– Да, Ник, чем я заслужила, что ты, великий, мудрый, окруженный таким почетом, мой муж? Чем?..

Дызма задумался, почесал подбородок. Ответ никак не приходил в голову, и это его разозлило.

– Чего там, – буркнул он, – Нет у тебя больше забот?

Губы их сомкнулись в поцелуе.

Дорога от станции до самого дома была устлана аиром, по бокам поставили две шпалеры молодых березок. Зеленые венки украшали здание станции. Рабочие и служащие из Коборова, множество любопытных из окрестностей наводнили перрон. Большинство из них слушали вчера

по радио репортаж: гимн «Veni Creator»⁴⁹, исполненный знаменитыми солистами, хором и органом, крики «виват» в честь жениха.

Не мудрено, что это возбудило любопытство.

Когда вдали показался поезд, разговоры смолкли, оркестр из музыкантов-любителей грянул марш. Настал торжественный момент.

В первом ряду очутились старшие служащие, вперед вытолкнули девочку в белом платьице с букетом полевых цветов – дочку директора паровой мельницы.

Увы! Из-за невнимательности машиниста салон-вагон остановился значительно дальше середины перрона, между хлебным амбаром и уборной. Тут коборовским «сливкам» пришлось пуститься галопом, чтобы успеть к моменту выхода молодых из вагона. Но подбежали вовремя, и девочка вручила Нине цветы. Ей предстояло продекламировать стишок, но, оробев, несмотря на подсказки, она не могла открыть рта. Нина расцеловала малютку, Дызма со ступенек вагона принял поздравления. Затем счел нужным произнести следующую речь:

– От всей души вас благодарим! Я и моя жена постараемся, чтоб никто из вас не пожалел, что вы с таким радушием нас встретили. В честь нашей свадьбы я прикажу выдать вам наградные... Всем до единого, кто работает в Коборове. Чего уж там... Я не боюсь расходов...

Ураган «виватов» был ответом на его слова. Оркестр грянул туш.

Пассажиры из соседних вагонов с любопытством глядели на эту сцену, некоторые, заразившись общим настроением, тоже что-то кричали.

Особенно обращал на себя внимание худой еврей, который из окна вагона третьего класса орал бог знает зачем: «Вивайт! Вивайт!»

На пороге дома эконома и кастелянша в окружении прислуги встретили новобрачных хлебом-солью.

Никодим положил на поднос два пятисотенных билета.

– Поделите между собой, – сказал он.

Кшепицкий успел уже произвести радикальные изменения в доме.

Наверху, в прежних комнатах Нины, он устроил гостиные, спальню ее перенес в комнату, смежную со спальней Никодима. По обе стороны спален разместили ваннные комнаты. Весь левый корпус отдали в распоряжение Жоржу Понимирскому. Павильон в парке был предназначен для Кшепицкого.

После бала и дороги новобрачные почувствовали усталость и отправились спать. Еще вечером они порешили, что завтра утром посетят в павильоне Жоржа и предложат ему переселиться в дом.

Уже лежа в постели, Дызма долго думал над этим визитом и пришел к убеждению, что идти к Понимирскому вдвоем с Ниной вряд ли стоит – что возьмешь с сумасшедшего?

«А ну как начнет беситься и выдаст меня!»

И он велел разбудить себя в семь часов. Никодим не просчитался: заглянув в спальню жены, он убедился, что Нина еще спит. Впрочем, рано она никогда не вставала.

Никодим быстро оделся, предупредил прислугу, что позавтракает вместе с хозяйкой, и отправился в парк.

Он уже наметил, о чем будет разговаривать с Жоржем. И всё же, приблизившись к павильону, Никодим почувствовал, что уверенность его покидает. Понимирский был тем единственным человеком, в чьем присутствии он ощущал что-то вроде робости. Если принять во внимание невменяемость Жоржа, его неожиданные выходки, то в этом, пожалуй, не было ничего удивительного.

Графа он застал в постели. Тот, насвистывая песенку, ел молочную кашу. Собачонка, лежа на одеяле, иногда лениво слизывала кашу с тарелки хозяина.

Лакей запер за Дызмой дверь, и только тогда Понимирский заметил его присутствие.

– Добрый день! – поздоровался Никодим.

– А! – рассмеялся граф. – Уважаемый коллега! Уберите, коллега, эту мерзкую кашу!

Никодим послушно выполнил приказание и сел на стул у кровати. Понимирский поглядел на него с ехидной улыбкой. Его огромные глаза на бескровном личике хилого ребенка, острый нос, подвижные тонкие губы – всё излучало удовлетворение.

– Как ваше здоровье? – начал Дызма. – Я слышал, вы долго хворали?

– Благодарю. Не беспокойтесь, коллега.

⁴⁹ Начальные латинские слова свадебной мессы.

- Я беспокоюсь не как коллега, – выпалил одним духом Дызма, – а как шурин.
- Что-о-о-о?..
- Как ваш шурин, – повысив для храбрости голос, повторил Дызма.
- Что это значит? – гаркнул граф.
- А то и значит, что мы с вами свояки: я женился на вашей сестре.

Понимирский скинул одеяло, в своей розовой шелковой пижаме встал во весь рост на кровати, наклонился к Никодиму:

- Врешь! Нагло врешь, болван!

Дызму охватило бешенство. Ему, великому Дызме, ему, которому толпы желали долголетия, ему, который запанибрата с высшими сановниками, кто-то посмел бросить подобное оскорбление! Он вскочил, схватил Жоржа за руку повыше локтя и швырнул на постель.

Понимирский застонал от боли. Собака яростно залаяла.

- У-у-у-у... дьявол! – вырвалось у Дызмы.

В дверях появились сиделка и лакей.

– Вам стало хуже, ваше сиятельство? Может быть, помощь нужна? – спросила сиделка.

- К черту! Вон! – рявкнул Дызма, и те исчезли.

Он закурил, предложил закурить и Понимирскому. Тот после колебания взял папиросу.

– Вот видите, граф, со мной шутки плохи. Говорю вам, я женился на вашей сестре. Позавчера была свадьба. Что вы на это скажете?

- Позор!

- Почему позор?

- Как могла графиня Понимирская выйти за такого хама, за такого плебея, как вы!

Пан... пан... ну, как ваша фамилия?

- Дызма, – подсказал Никодим.

- Смешная фамилия, – пожал плечами Понимирский.

- Значит, вы предпочитаете, чтоб ваша сестра осталась женой преступника Куника?

А?

– Нет... Во всяком случае... Мне думается, что вы, хоть человек вы в высшей степени отвратительный, не окажетесь большим прохвостом, чем Куник. Для этого, впрочем, вы слишком глупы, потому что...

- Советую, ваше сиятельство, выбирать выражения, – грозно насупил Дызма.

Понимирский умолк.

- Вы бы вместо того, чтобы оскорблять меня, благодарили бога.

- Ну да?!

– Да, благодарили бога. Я не стану издеваться над вами, как ваш прежний зять. Вы переселитесь в дом и будете пользоваться полной свободой. Жить будем вместе, втроем, будем вместе пить-есть, ездить в гости и принимать гостей...

Понимирский оживился.

- Это вы серьезно?

- Вполне серьезно.

- И мне дадут верховых лошадей?

- Всё, что угодно. Вы будете свободны. Получите деньги на карманные расходы.

Долги ваши я уже заплатил. Но у меня свои условия.

- Какие? – обеспокоился Понимирский.

– Прежде всего – держать язык за зубами. Вы не должны рассказывать, что Оксфорд и Курляндия – это ваши выдумки.

Жорж рассмеялся.

- Стало быть, люди верят в эту чушь?

- Почему б им не верить?

- Но ведь достаточно взглянуть на вас!

Дызма нахмурился.

– Не ваше дело. Не забывайте, вы должны молчать. А во-вторых, втихомолку, так, чтобы об этом никто не знал, вы должны учить меня английскому языку.

- Я? – возмутился Понимирский. – Я – учить хамов? Какая наглость!..

– Молчи, обезьяна! – зарычал Дызма. – Выбирай, одно из двух: или то, что я тебе предложил, или в два счета спроважу в Творки.

Понимирский закусил губу и расплакался.

– Брут, Брут, – рыдал он, глядя собаку, – слышишь? Твоего господина опять хотят запереть в сумасшедший дом... Брут!

По бледному круглому личику текли крупные слезы. Дызма даже удивился.

– Ну, – спросил он, – что выбираешь?

– Не говорите мне ты, – тотчас запротестовал Понимирский и сразу успокоился.

– А почему бы нет? Раз мы свояки... Мы должны быть на ты. Что скажут люди? Коллеги и свояки – и вдруг говорят друг другу «пан»?

– Смешно! – не без ехидства улыбнулся Понимирский. – Неужели вы не сознаете, какая между нами дистанция?

– Что значит «дистанция»? Разве только одно: я нормальный, а ты – псих! Словом, выбирай, что хочешь. Повторяю: помни, со мной шутки плохи! В морду въеду так, что зубы посыплутся!

И он поднес к его носу кулак. Вопреки всем ожиданиям, Понимирский обрадовался.

– Правда? Это интересно. Я слышал, бывают такие удары, но видеть мне не приходилось. Знаете что? Я позвоню Антонию, а вы продемонстрируете на нем такой удар. Хорошо?

Он уже протянул было руку к звонку, но Дызма его остановил:

– Чего прикидываешься идиотом? Я не Антонию дам в морду, а тебе. Попробуй только. Ну что? Согласен?

Понимирский заломил руки, тяжело вздохнул.

– Какое унижение, какой позор! И я должен с этим олухом, с этим мужланом быть на ты и в довершение всего вбивать английский язык в эту тупую башку! Что за череп, ведь это ломбрововский череп!

Дызма встал и сказал, посмотрев на часы:

– Ну, будь здоров!

– Вы уходите?... Посидите еще, а то мне скучно одному.

– Больше не будешь один. Сегодня же отправлю тебя в Творки.

Понимирский вскочил с кровати, дрожа всем телом, подбежал к Никодиму.

– Нет, нет! Я согласен на всё.

– Согласен?

– Да.

– Будешь держать язык за зубами?

– Да.

– Будешь учить меня?

– Буду.

– Ну, шикарно. А теперь назови меня по имени.

– Я не помню этого имени!.. Это какое-то идиотское имя.

– Никодим.

– Ну хорошо... Никодим.

– Значит, мы теперь свои ребята?

– Что? Что?

– Значит, мы заодно?

– Заодно.

– Давай, Жорж, лапу. Пока!

Они обменялись рукопожатием, и Дызма ушел. Понимирский сел на ковер, смеялся долго, сам не зная чему.

Наконец принялся кричать:

– Антоний! Антоний! Антоний!

Когда лакей открыл дверь, Понимирский бросился на него с кулаками.

– Зачем скрыл от меня?!

– Что скрыл, панич?

– Что сестра выходит замуж! Старый осел!.. Ну, скорей укладывай вещи.

– Укладывать? Зачем, панич?

– Мы переезжаем.

– Куда?

– В дом.

Глава 22

Через два дня после приезда молодоженов возвратился в Коборово и Кшепицкий – он задержался в Варшаве из-за каких-то дел своего патрона.

Кшепицкий горячо принялся за прерванную деятельность: начиналась поставка шпал, да и весенние работы в поле требовали неустанного надзора. Поэтому Никодиму и его жене он не мог посвятить много времени, о чем те, впрочем, не горевали. Дни, недели проходили у них в развлечениях: они катались на лодке, в автомобиле, ездили верхом, играли на бильярде.

Нина чувствовала себя счастливой. Иногда, правда, в душе у нее шевелилось что-то вроде сомнения, но все недостатки Никодима она приписывала его чудачествам, которые следовало простить столь выдающейся личности. Наконец у нее было немало оснований для признательности! Если днем на нее находило иногда раздумье, то наступившая ночь заставляла забыть всё. Чувственность, долгое время дремавшая где-то на дне ее существа, захватила теперь Нину, стала для нее главным.

Молодожены жили припеваючи, и супружеские узы обещали быть прочными.

Лишь два месяца спустя начали они думать о визитах к окрестным помещикам, о приемах в своей усадьбе, которые были необходимы еще и потому, что на лето ожидали пани Пшеленскую и других гостей из Варшавы.

Никодим немало времени уделял самообразованию: один или с Понимирским он заперался в библиотеке и читал. Делал он это безо всякой охоты, но у него было достаточно сообразительности, чтобы понять, какие преимущества дает начитанность и знание иностранных языков.

Вечером, за ужином, он говорил порой вскользь о прочитанных книгах, распространялся о взглядах того или иного писателя, наблюдая при этом исподволь за эффектом, какой производили его слова. Не только Нина, но и Кшепицкий почтительно выслушивал Никодима. Вскоре в Коборове вошел в обиход термин для обозначения тех часов, которые он проводил в библиотеке. Это называлось: пан помещик занимается научной работой.

Изредка Дызма осматривал фольварки и фабрики. Забота о хозяйстве лежала на плечах Кшепицкого. Постоянный рост доходов был ощутительным доказательством того, что новый управляющий отлично справляется с делом.

Жорж Понимирский скоро освоился со своим новым положением и держал себя так, что не подавал Никодиму повода к неудовольствию. Бывали, правда, случаи, когда у него проскальзывал какой-нибудь намек, прорывался саркастический смех, но он умолкал и съезживался под грозным взглядом своего шурина. С сестрой он почти не разговаривал. У него сохранилась к ней давняя неприязнь. Кроме того, он отрицал за женщинами способность к мышлению. Он всю наслаждался своей свободой, которой долгое время его лишали: ездил верхом и даже в автомобиле. Дызма разрешил ему это в тайной надежде – авось граф свернет себе шею.

Однако Жорж, чьим чудачествам не было конца, умел быть осторожным, когда дело касалось его собственной шкуры. Его безобидное для посторонних помешательство сделалось вскоре излюбленной темой для анекдотов в округе.

С Кшепицким он обращался надменно. Подавал ему два пальца и, как правило, не отвечал на его вопросы, если тот, обращаясь к нему, не прибавлял «ваше сиятельство». Кшепицкий смеялся над этим, не принимая к сердцу кривляний Жоржа.

– Забавный малый, – говорил он, – меня всегда развлекают его выходки. В деревне это незаменимое удовольствие. Теперь я понимаю, почему в старину короли держали шутов.

– Черт бы его побрал! – ворчал Дызма.

Из Варшавы между тем приходили письма с неутешительными вестями от старых друзей.

Экономический кризис нарастал со дня на день. Вскоре это ощутилось и в Коборове.

Бумажная фабрика и лесопильня были заняты только казенными заказами. Непрекращающиеся банкротства больно ударили по интересам Дызмы. Но, к счастью, изворотливость Кшепицкого и казенные поставки обеспечивали по-прежнему немалые доходы. По сравнению с соседними помещиками, Дызма слыл крезом. Их дела всё ухудшались. Дошло до того, что было объявлено о продаже с торгов тридцати имений.

Впрочем, отовсюду приходили вести не лучше. Земледельцы перестали употреблять искусственные удобрения, личные расходы сократили до крайних пределов. Больше того – со всех сторон поползли слухи, что многие продают лежащий на складах хлеб, который является собственностью государственного банка. В связи с этим, да и вследствие других осложнений, курс облигаций банка стал стремительно падать, среди их держателей возникла паника. Застой в торговле, на бирже, тяжелый кризис в промышленности, несостоятельность налогоплательщиков – всё это приняло характер грозной опасности. Газеты пестрели известиями о банкротствах, локаутах, забастовках и массовых самоубийствах людей, лишившихся состояния или потерявших заработок.

Ропот недовольства нарастал в стране.

Всё громче говорили о сильном человеке, который должен взять кормило власти и одолеть кризис.

Между тем приближалась жатва, и над страной снова нависла угроза обильного урожая.

Никодим читал газеты и покачивал головой.

– Черт возьми! Что из этого выйдет?

Глава 23

Давно в Коборове не справляли так весело праздник жатвы.

Новый помещик не скупился на траты и не прочь был повеселиться. Гостей съехалась тьма. Первой явилась панн Пшеленская с множеством чемоданов; в тот же вечер приехали полковник Вареда и обе графини Чарские. Весь следующий день оба коборовских автомобиля и два экипажа были в разъездах.

Прибыли воевода Шеймонт с женой и сыном, староста Тишко, жена министра Яшунского, барон Рельф с супругой, Ушицкий с сестрой, комендант военного округа генерал Чакович с двумя адъютантами, Уляницкий, Хольшицкий, супруга ордината Кожецкого и десятка два ближайших соседей из округи.

Толпа гостей наводнила дом. Всюду слышались смех и говор.

Нина была на вершине блаженства: она так любила светскую жизнь. Всю прошлую неделю она разрабатывала с Кшепицким программу развлечений, подсчитывала без конца запасы в погребах и кладовых, пополняла штат прислуги, готовила комнаты для гостей и была занята тысячами других дел, связанных с необходимостью достойно принять родственников, друзей и знакомых.

Жорж был в ударе. Он вертелся среди гостей, развлекал дам, мужчинам показывал конюшни и вообще старался быть на виду. Он снова чувствовал себя барином и, казалось, забыл, что не он владелец Коборова. Гости, которых Кшепицкий и пани Пшеленская предупредили по секрету о болезни Жоржа, были к нему снисходительны и ни в чем ему не противоречили.

Никодим встречал всех любезно, но сдержанно, поэтому все чувствовали к нему еще большее почтение. Несмотря на приезд многочисленных гостей, он не изменил своей привычке запереться в библиотеке. Это еще больше подняло его авторитет в глазах окружающих.

По вечерам в парке играл приглашенный из Варшавы оркестр, и все, наслаждаясь вечерней прохладой, гуляли, танцевали на лугу, освещенном фонариками. Иногда верхом или в экипажах ездили в лес. Нина очень любила эти прогулки при луне.

С утра все увлекались теннисом. Оба корта были заняты до полудня, когда подавали ленч. Каждый, впрочем, весь день делал то, что ему нравилось. Люди постарше с интересом осматривали фабрики и хозяйственные угодья, молодежь ездил верхом, купалась в озере, устраивала состязания на моторных и весельных лодках.

– Красиво у вас, – говорили все Нине и Никодиму. – Коборово – золотое дно.

Все чувствовали себя прекрасно. Курительной комнатой завладели игроки в бридж. Они ни на минуту не отходили от столиков. В столовой целый день подавали закуски и спиртные напитки.

На третий день состоялся большой бал. Это было нечто великолепное. Вместо ста сорока приглашенных приехало сто шестьдесят три.

Бал начался в десять вечера и завершился мазуркой в час дня. Пили невероятно много, в связи с чем у прислуги было немало хлопот: приходилось отыскивать по кустам и закоулкам мертвецки пьяных гостей и разносить их по кроватям.

Наконец все пошли спать, так как вечером предстояло справлять праздник жатвы.

У дома вокруг газона расставили бочки со смолой. Для крестьян поставили столы на открытом воздухе, для гостей – на веранде. Воевода шутил, что Дызме придется плясать с лучшей жницей, а это будет, по всей видимости, жнейка-сноповязка.

– Поразительно, как механизация разрушает традиции, – добавил он. – Праздник урожая начинает уже терять свой смысл.

– Это печально, – сказала Нина.

– Согласен с вами, и всё же это так.

– Чем всё это кончится? – вздохнул седой пан Ройчинский, сосед Дызмы по Коборову. – Чистое безумие! Машины не только уродуют нашу жизнь, лишают ее красоты, – они заменяют человека.

– Кого заменяют? Кого? – распетушился Дызма. – Вы же видите, мы устроили праздник жатвы, люди радуются. А если часть гольтбы передохнет, так черт с ней! Благосостояние от машин только растет. Вот оно что!

Он повернулся на каблуках и вышел.

– Что правда, то правда, – кивнул генерал.

– Но не очень-то он, гм... не очень-то он по-версальски выражается, – с удивлением заметил генералу старый помещик.

Воевода снисходительно улыбнулся.

– Дорогой мой, поверьте: ему позволительно. Он достаточно богат. Вот генерал Камброн – тот был версальцем.

Заиграл оркестр. К дому стали стекаться крестьяне.

Наконец показался хоровод жнецов, певших белорусскую песню без слов. В этом тоскливом «а-а-а», суровом, первобытном напеве, ощущалась не радость жатвы, а дикость бранного поля. Нину всякий раз повергала в раздумье эта мелодия, которая насчитывала, наверно, не меньше тысячи лет. Сама не зная почему, она была уверена, что именно так звучит пение индейцев.

Хоровод между тем приблизился. Впереди шла рослая жница с пышными бедрами и буйной грудью, распиравшей вышитую холщовую рубаху. Из-под короткой красной юбки виднелись могучие стройные икры. Была она босиком, в противоположность остальным девушкам, надевшим шелковые чулки и лакированные туфли на французском каблуке. Очевидно, она была значительно беднее своих товарок. Девушка несла в руках огромный венок из ржаных колосьев.

Стоявший рядом с Понимирским барон Рельф взял его под руку и сказал вполголоса:

– Какой экземпляр! Настоящая Помона. Человеческая самка лучших кровей. Воображаю, какие у нее мускулы живота и бедер. Я не подозревал, граф, что на окраинных землях, где крестьянство, с точки зрения евгеники, представляется в таком фатальном свете, я увижу что-нибудь столь классическое. Впрочем, они все красивы. Черт возьми, в них даже видна порода! Необъяснимо!

Жорж вставил в глаз монокль и презрительно посмотрел на Рельфа.

– Напротив, вполне объяснимо, барон. Понимирские владеют Коборовом уже пятьсот лет, а насколько мне известно, ни один из моих уважаемых предков не был противником просвещения народа в лице его прекрасной половины.

– Понимаю, понимаю, – замотал головой барон, – и чернь всегда твердит, что мы, аристократия, ничем другим не занимаемся, кроме улучшения расы лошадей и рогатого скота. Достаточно взглянуть на этих крестьян, чтобы понять, что в этой области у нас самые большие успехи.

– Простите, – прервал его Понимирский, – у кого это «у нас»?

– У аристократии.

– В таком случае мы не поняли друг друга. Я говорю о Понимирских, о старинной аристократии.

Жорж сунул монокль в карман и отвернулся от покрасневшего, как свекла, барона.

За песнями и хороводами последовали танцы и попойка.

Так как вечер был свежий и дамы стали жаловаться на холод, гости с террасы перешли в дом. В саду остался один только Дызма, который не столько по обязанности, сколько ради удовольствия напропалую танцевал со жницами, и больше всего – с рослой жницей из хора. Не обращая внимания на угрюмую физиономию ее жениха, широкоплечего парня с лесопилки, Дызма, улучив момент, взял девушку под руку и увел в парк.

Та не стала сопротивляться помещику. А жених по этому случаю напился до бесчувствия.

Возвращаясь с прогулки по парку, куда он отправился, чтобы немного успокоиться после разговора с «этим идиотом Понимирским», барон Рельф сделался невольным свидетелем сцены, которая навела его на следующую мысль:

«Значит, я прав: не только старинная аристократия, но и новая заботится об улучшении крестьянской породы».

На востоке небо посветлело.

Глава 24

Весть пришла перед обедом и всех взволновала: кабинет подал в отставку, и отставка принята.

Уляницкий получил телеграмму из Варшавы, ему было велено немедленно ехать в столицу.

Отставка кабинета для большинства коборовских гостей была событием, которое задевало их лично.

Кое-кто мог лишиться своих должностей. Все говорили об одном и том же. Уляницкий ходил взад и вперед по вестибюлю и ругался. Яшунская уехала еще до обеда.

Воевода Шеймонт дал телеграмму в свою канцелярию и велел извещать его по мере того, как туда будут поступать известия обо всех подробностях министерского кризиса в Варшаве.

Вечером пришли газеты. Информация о событиях и слухи, противоречивые оценки ситуации, различного рода предположения – чего там только не было! На одном только они сходились: кабинет пал в связи с тем, что не сумел преодолеть экономический кризис, следовательно, ему на смену должен прийти другой кабинет, руководимый человеком с большим авторитетом.

В числе кандидатов на пост премьера промелькнула фамилия генерала Трочинского, который на посту управляющего больничными кассами, да и в качестве делегата на международный конгресс культуры и искусства, приобрел себе уже немалую популярность, упрочив ее окончательно с помощью брошюры «Стратегические ошибки Наполеона I, Александра Македонского и других». Предыдущая его работа, озаглавленная «Долой коммунизм!», завоевала ему еще раньше всеобщее признание. Знаменита была также приобретенная национальным музеем его картина, представляющая собой автопортрет генерала, выполненный масляными красками, изображающий его в ту минуту, когда оп молодецким ударом копыя протыкает насквозь ягуара.

В Коборове широко обсуждали эту кандидатуру, которая, сказать по правде, ни у кого не вызывала серьезных возражений.

За ужином развернулась дискуссия по поводу сомнений барона насчет колорита упомянутой картины.

– Ник, – спросила Нина, – кто, по-твоему, должен стать премьером?

– Откуда мне знать...

– Но все-таки?..

– Гм... Если не Торчинский, то, может быть, Яшунский...

Захмелевший полковник Вареда стукнул кулаком по столу:

– Нет, Никодим, знаешь, кто должен стать премьером?

– Кто?

– Ты.

Воцарилось молчание. Взоры присутствующих обратились к Дызме. Тот наморщил лоб и, убежденный, что Вареда пошутил, нехотя пробурчал:

– Подвыпил ты, Вацек. Оставь, пожалуйста.

Нина встала, и, по знаку хозяйки, все перешли в гостиную. В гуле голосов потонули оправдания полковника.

– Предлагаю покататься по озеру, – воскликнула одна из дам. – Сегодня такая луна!

Все охотно согласились.

Действительно, прогулка оказалась на редкость приятной. Озеро было подобно огромному пласту агата. Его поверхность усеяли мелкие бриллианты звезд, среди них сияла луна, в которой, по подсчету воеводы Шеймонта, было по меньшей мере пятьсот каратов. Когда лодки с тихим плеском отплыли от берега, кто-то запел.

– Жаль, – вздохнул Никодим, – нет под рукой мандолины.

– Вы играете на мандолине? – удивилась одна из сестер Чарских.

– Играю. Особенно люблю играть в лунную ночь на лодке. Приходит вдохновение.

Ночь, луна, пахнет горизонтом...

Все расхохотались, а староста Тишко воскликнул:

– Пан председатель и тут не упустил случая высмеять наши невинные песни.

Пшеленская пожала плечами.

– Неужели вы полагаете, что пана председателя интересуют такие пустяки?

– Еще бы, я думаю, – подхватил староста, – ведь мне тоже известно, что хлебный банк решено закрыть. Такой банк! Обидно основателю этого дела смотреть на его конец... Не правда ли, пан председатель?

– А вы как считаете? – вопросом на вопрос ответил Дызма.

– Подумать только, – не унимался староста, – всегда и всюду самое важное не то, что делается, а то, **кто** делает. Пока пан председатель стоял во главе банка, всё шло хорошо.

– Может быть, дела поправятся, – вставил Дызма.

– Ну, – махнул рукой староста. – Несколько месяцев оказалось достаточно, чтобы банк лопнул. Вся суть в личности, только в личности.

– Святая истина, – убежденно заявила Пшеленская.

– Хэлло, Никодим! – крикнул из ближайшей лодки Понимирский. – А не спеть ли нам оксфордскую песенку гребцов? А?

– Спойте, спойте! – попросили дамы.

– Да ведь у меня нет голоса, – с раздражением ответил Дызма.

– Есть, есть! – кричал обрадованный своей шуткой Жорж. – Разве ты забыл, как мы горланили на Темзе? Лорд Келедин оф Ньюдон утверждал, что ты поешь как...

Он не кончил: Никодим взмахнул веслом и обрызгал Понимирского, а также всех, кто вместе с ним сидел в лодке.

– Простите, – заговорил Дызма, – ему только холодный душ помогает.

Вернулись обратно и через несколько минут очутились уже в парке.

У дома стоял чей-то запыленный автомобиль. Шофер копался в моторе.

– Кто приехал? – спросил Дызма.

– Пан директор Литвинек.

– Литвинек? – Никодим поднял брови.

Действительно, на официальных приемах в Замке он познакомился с доктором Литвинек, который занимал пост начальника канцелярии президента республики, но между ними не было таких отношений, чтобы Литвинек мог запросто приехать в Коборово.

Гости вошли в дом.

В вестибюле Кшепицкий беседовал о чем-то с высоким черноволосым, седеющим мужчиной. Дызма сразу направился к ним. Оба встали, поздоровались.

– Ну как там министерский кризис? – осведомился, между прочим, Никодим.

– Именно по этому делу я к вам и явился, – ответил с поклоном доктор Литвинек.

– По этому делу?

Все затаили дыхание.

Литвинек вынул из портфеля конверт, сделал паузу и торжественно провозгласил:

– Дistinguished пан председатель! Я приехал сюда по поручению президента Жечи Посполитой, чтобы от его имени просить вас принять на себя миссию формирования нового кабинета. Вот личное письмо президента.

И он протянул Никодиму конверт. Дызма побагровел, разинул рот.

– Что... Что?

Довольный произведенным эффектом, Литвинек едва заметно улыбнулся краешком губ.

– Президент республики надеется, что вы, пан председатель, пожелаете сформировать новый кабинет и стать во главе его.

Дызма неуверенным движением взял конверт, дрожащими руками вынул из него лист бумаги. Стал читать, но буквы прыгали у него перед глазами.

Действительно, в личном письме президента было то, о чем только что сказал Литвинек. Дызма медленно сложил письмо. Его лицо выразило озабоченность.

– Президент не сомневается, что вы, пан председатель, не откажете ему. Это особенно важно в момент тяжелых политических потрясений и хозяйственного кризиса, когда страна находится на грани катастрофы. Трудна эта задача. Но президент убежден, что именно вы – в силу доверия, которое питает к вам президент лично, да и всё общество в целом, – сможете успешно справиться с этой задачей. Ваш высокий авторитет, знания и опыт дают гарантию в том, что вы сформируете правительство сильной рукой, поднимете благосостояние страны, которая с нетерпением ожидает сильного человека. Разрешите мне скромно выразить уверенность в том, что вы... только вы... в состоянии совершить это, пан премьер.

Он низко поклонился и умолк.

Впечатление было колоссальное.

Литвинек впервые в жизни выполнял такую миссию и не обманулся в своей надежде потрепсти воображение собравшихся.

На всех лицах отразилось волнение. Шутка ли, в их присутствии кормило государственного корабля переходило в руки нового человека – сильного человека. Побледнев как полотно, Нина судорожно впиалась пальцами в ручку кресла. У Вареды было такое лицо, точно он сейчас расплатится. Кшепицкий гордо поднял голову и обвел взглядом присутствующих. Из-за его спины смотрели на всех расширенные от изумления огромные голубые глаза Жоржа Поимирского.

Никто не решался сесть.

Первым сделал движение воевода Шеймонт. Он подошел к Никодиму и, низко поклонившись, пожал ему руку.

– Примите, пан премьер, мои самые сердечные пожелания... Но не поздравления, ибо поздравить в эту историческую минуту следует нас, граждан государства и его слуг.

Примеру воеводы последовали все гости. Никодим молча, с хмурым видом протягивал каждому руку.

Уж кто-кто, а он понял, какая честь выпала ему на долю. Он, Никодим Дызма, ничтожный чиновник из Лыскова, может взять теперь в свои руки судьбу большого государства, он будет ездить в собственном поезде, его имя будет на устах всей страны, какое там – на устах всего мира!

Но... но, в сущности... зачем ему это?

Снова нервная, полная угроз жизнь в Варшаве, опять думать по поводу каждого случайно оброненного слова.

Но власть, великая власть над тридцатью с лишним миллионами душ! Ведь есть тысячи таких людей, которые за один день этой власти и этого титула – титула председателя Совета Министров – отдали бы жизнь!.. Кабинет премьера Дызмы... Правительство Никодима Дызмы... Армия отдает честь, военные корабли салютуют из пушек... Что ни скажи – об этом напечатают газеты всего мира... Власть, слава...

– Жду вашего ответа, пан премьер, – напомнил о себе доктор Литвинек.

Никодим очнулся, обвел взглядом присутствующих. Все смотрели только на него. Он откашлялся, встал с кресла.

– Дайте мне полчаса на размышление, – сказал он глухим голосом. – Пан Кшепицкий, пойдёмте.

Вместе с Кшепицким они проследовали в кабинет Никодима, заперли за собой дверь.

– Не знаю, как быть... – начал Дызма.

– Не знаете, как быть, пан председатель? Да ведь это ясно. Такая честь! Такая власть!

– Разумеется, но это очень ответственный пост. Одно дело – банк, другое дело – государство.

– Ну и что же?

– Могу и не справиться.

– Справитесь, пан председатель.

Никодим чмокнул губами.

– Теперь столько всяких этих кризисов, становится всё тяжелее...

– Что-нибудь придумаете, пан председатель, придет какая-нибудь идея в голову. Я об этом не беспокоюсь. Чего-чего, а удачных идей вам не занимать... Вы только представьте себе, пан председатель: вот вы берете в руки власть, население довольно, улучшается настроение общества, вы проводите несколько эффективных мероприятий... А если еще наступит хорошая конъюнктура!..

– А если не наступит?.. Оскандалюсь, и только.

– Не велика важность! Тогда всё можно свалить на плохую конъюнктуру и на мировой кризис. Мало разве кабинетов подавало в отставку?

В дверь постучали. Это была Нина.

– Я не помешаю тебе? – робко спросила она.

– Нет, войди.

– Вообразите себе, – обратился к ней, заламывая руки, Кшепицкий, – пан председатель всё еще колеблется.

– Видишь ли, Ниночка, это не так-то просто. А во-вторых, мне хорошо и здесь, в Коборове.

Нина просияла.

– Милый! Как ты добр ко мне! Но, Ник, я не такая эгоистка, чтобы во вред родине удерживать тебя в Коборове. Поступай по своему усмотрению, мне кажется – ты можешь спасти страну.

– Ты думаешь?

– Тебе лучше знать, в чем твой долг. Ради бога, не подозревай меня в снобизме, но я предпочитаю жить с тобой здесь, чем там, в Варшаве, называться супругой премьера. И всё же... Мысль о том, что ты из любви ко мне лишишь государство своего руководства, вызывает у меня беспокойство...

– Гм... – буркнул Дызма.

– Пан председатель, – заговорил снова Кшепицкий, поняв, что принципал склоняется к тому, чтобы принять предложение, – у меня возникла мысль: вскоре после того, как вы возьмете власть в свои руки, мы поедем в Лондон.

– Зачем? – с неудовольствием осведомился Дызма.

– Зачем? За займом. Кто другой не получит, а у вас там обширные связи. Наверно, не один из ваших оксфордских коллег занимает сейчас в Англии высокий государственный пост, играет важную роль в общественной жизни. А вдруг удастся получить заем?

Кшепицкий и не подозревал, что этими словами погубил все свои надежды.

Никодим нахмурил брови, сделал рукой знак, прося его замолчать.

«Да, – подумал он, – я совершенно забыл об этом... Как премьеру мне придется принимать разных там посланников... Может быть, даже ездить в Женеву. Правда, я могу взять переводчика, но тогда сразу обнаружится, что, кроме польского, я ни бум-бум... А тут еще этот паршивый Оксфорд!.. И, наконец, зачем мне всё это?..»

Он поднялся со стула. Нина и Кшепицкий с беспокойством посмотрели на него.

– Так вот... я решил, – промолвил Дызма тоном непреклонной твердости, – я отказываюсь от поста премьера.

– Пан председатель, но...

– Никаких разговоров! Отказываюсь – и точка. Крышка!

Кшепицкий упал на стул. Нина, окаменев, замерла на месте.

Никодим поправил волосы, высоко поднял голову, открыл дверь.

В вестибюле тотчас воцарилась тишина, все вскочили с мест.

Не запирая дверей, Дызма подошел к доктору Литвинеку. Оглядев присутствующих, тихо сказал:

– Пан Литвинек, передайте пану президенту республики, что я благодарю за честь, но от поста премьера отказываюсь.

– Пан председатель!.. – воскликнул воевода Шеймонт и тут же смолк.

– Но почему же?! Почему?! – истерически закричала Пшеленская.

Дызма нахмурил брови.

– У меня есть основания, – ответил он деревянным голосом.

– Ваше решение бесповоротно? – спросил Литвинек.

– Всякое мое решение бесповоротно.

– Не соблаговолите ли вы, пан председатель, дать соответствующий письменный ответ главе государства?

– Могу написать.

Никодим кивнул и ушел в кабинет. Едва за ним затворилась дверь, как со всех сторон посыпались восклицания.

– Почему?! Не понимаю, почему!

– Но ведь это ужасно! Страна в отчаянном – да, да, в отчаянном положении! Право, я не знаю никого, кто бы мог занять это место.

Вареда кивнул.

– Обижен... Наверно, обижен тем, что, вопреки его предостережениям, погубили хлебный банк.

Внезапно в наступившей на какое-то мгновение тишине из-за двери кабинета послышался раздраженный голос Дызмы:

– Пишите, черт вас возьми, раз я говорю – пишите, и точка!

Защелкала пишущая машинка.

– Мне кажется, что на решение пана председателя повлияли главным образом его чувства, его любовь к моей племяннице, – начала пани Пшеленская. – Они обвенчались совсем недавно. А обязанности премьера поглощают едва ли не больше двадцати четырех часов в сутки. Пан Дызма – натура глубоко эмоциональная, хоть он и умеет скрывать это. Мы, женщины, понимаем в таких вещах.

– О да, – подтвердила графиня Чарская.

Рельф пожал плечами.

– По-моему, и дамы и полковник заблуждаются, притом глубоко заблуждаются. Насколько я могу судить по собственным наблюдениям за деятельностью председателя Дызмы, он не способен руководствоваться личной точкой зрения.

– Государственный муж с головы до пят! – воскликнул воевода Шеймонт. – Если он отказал, видимо, у него есть на это какие-то основания политического характера.

– Но страна на грани катастрофы!

– Это нам так кажется, – улыбнулся воевода, – нам так кажется. Но, в сущности, дела не так уж плохи. Я уверен, что пан председатель, который в экономике разбирается лучше нас с вами, считает, что опасность еще не столь велика, чтобы лично спешить на помощь.

– Но ведь однажды он уже спас страну! Да еще с каким успехом!

– Это Цинциннат, – назидательно изрек воевода. – Он позволяет оторвать себя от плуга только в случае крайней опасности.

– Да, да! – воскликнула с экзальтацией одна из дам. – Он еще встанет у кормила и спасет отечество.

– Необыкновенный человек! – с ударением сказал воевода.

Вдруг из угла послышался протяжный, скрипучий смех, похожий на карканье вороны.

Никто до сих пор не обращал внимания на смолкнувшего Жоржа Понимирского, и потому никто не заметил его иронического отношения к событиям. Жорж слушал, слушал – и наконец не выдержал. Он смеялся, раскачиваясь на стуле.

– Над чем вы смеетесь? – с оскорбленным видом спросил его воевода.

Жорж внезапно, перестав смеяться, вскочил на ноги. Несколько раз пробовал было вставить в глаз монокль, но руки у него так тряслись, что это ему никак не удавалось. Его негодование достигло крайних пределов.

– Над чем? Не над чем, а над кем! Над вами смеюсь, над вами! Над всем обществом, над всеми моими дорогими соотечественниками!

– Пан Понимирский!

– Молчать! – гаркнул Понимирский, и бледное личико болезненного ребенка стало красным от бешенства. – Молчать! *Sacristy!*⁵⁰ Над вами смеюсь! Над вами! Сливки общества!..

---

⁵⁰ В.Э.: Такое слово стоит в компьютерном файле библиотеки RoyalLib.ru; по виду английское, но означает всего лишь «ризица» и ничего больше – явно неуместное в речи Жоржа. В моей бумажной книге там стоит слово «*Sapristi!*», но без обычной для иностранных слов сноски с пояснением (что означает, что и издатели русского перевода сами не знали, что это за слово). Посмотрел польский оригинал книги – там стоит «*Sapristi!*» со сноской и пояснением: «*przekleństwo, prawdop. z fr. Sacre Christ*». Я так понимаю, что это пояснение переводится так: «проклятие, вероятно с французского *Sacre Christ*». (Это слово 2 раза

Ха-ха-ха... Так вот: ваш государственный муж, ваш Цинциннат, ваш великий человек, ваш Никодим Дызма – самый настоящий жулик, который водит вас за нос! Это негодяй, проныра, в то же время кретин! Идиот, не имеющий ни малейшего понятия не только об экономике, но и об орфографии. Хам без подобия элементарного воспитания. Присмотритесь к его мужичьей харе, к его плебейским манерам: остолоп, нуль! Клянусь честью, он не только в Оксфорде не был, но даже ни одним иностранным языком не владеет. Вульгарная, сомнительная личность с моралью карманного вора!⁵¹ Неужели вы не видите этого? Я неудачно выразился, что он водит вас за нос: нет, вы сами возвели эту скотину на пьедестал! Вы! Люди, лишённые всяких разумных критериев! Над вами смеюсь, дурачье! Чернь!..

Наконец ему удалось вставить в глаз монокль. Он окинул всех презрительным взглядом и вышел, хлопнув дверью.

Доктор Литвинек с испугом и изумлением переводил взгляд с одного лица на другое: у каждого на устах блуждала улыбка стыда и сострадания.

– Что это значит?! – спросил наконец доктор Литвинек. – Кто этот господин?

Ответила ему Пшеленская:

– Извините, пан директор, это мой племянник и шурин пана председателя. Обычно он бывает спокойным... В голове у него не всё в порядке.

– Это сумасшедший, – пояснил воевода.

– Несчастный мальчик, – вздохнула графиня Чарская.

– А-а, – улыбнулся Литвинек, – ну, разумеется, сумасшедший.

Послесловие

В истории мировой литературы есть немало произведений, повествующих о карьере молодого человека в буржуазном обществе. В этой галерее карьеристов встречаются люди сильной воли и характера, имеющие все данные, чтобы занять подобающее место в обществе, – таков герой романа Стендаля Жюльен Сорель («Красное и черное»); есть среди них очень заурядные, ничем не выдающиеся люди – вроде мопассановского Жоржа Дюруа («Милый друг»), – которые добиваются успеха с помощью козней я интриг.

И вот перед читателем еще один роман о человеке, сделавшем головокружительную карьеру, – роман польского писателя Тадеуша Доленги-Мостовича (1898–1939) «Карьера Никодима Дызмы» (1932).

Современному читателю карьера Никодима Дызмы представляется невысказанной, невероятной, фантастической. Ленивый, бездарный и ничтожный человек, без состояния и положения, игрою случая становится крупным государственным деятелем, перед ним преклоняются, его превозносят как спасителя отечества, умоляют стать премьер-министром. Казалось бы, всем правит случай, но построенная на случайностях карьера Дызмы отнюдь не случайна по своей сущности.

Герой Доленги-Мостовича своей карьерой обязан не самому себе, а правящим кругам тогдашней Польши. Это они вынесли его на поверхность и заставили «спасать страну».

Чем более острые формы принимал в Польше 20-х – начала 30-х годов экономический и политический кризис, тем громче были разговоры о «сильном человеке», который якобы сможет спасти страну. «Нам нужны люди сильные» – эти слова Никодим Дызма слышит, едва он переступает порог Европейской гостиницы, где происходит банкет по случаю приезда в Польшу австрийского канцлера. В конце романа полубезумный аристократ Жорж Понимирский кричит, обращаясь к «сливкам общества»: «Вы сами возвели эту скотину на пьедестал! Вы! Люди, лишённые всяких разумных критериев!»

Его крик: «Над вами смеюсь! Над вами!» – напоминает отчаянный вопль гоголевского городничего: «Над кем смоеетесь? Над собой смеетесь». В страхе перед разоблачением во взяточничестве гоголевские чиновники принимают «фитюльку» за государственного ревизора.

встречалось и в тексте книги выше и там переводилось как «черт возьми!» и «черт побери!»; переводчик, видимо, забыл об этом).

⁵¹ В.Э.: Здесь слово «Sapristi!» встречается в четвертый раз, но в русском переводе оно просто пропущено. Все четыре раза это слово произносит Жорж Понимирский – это его словечко.

Растерявшиеся перед лицом экономических и политических затруднений верхи польского общества полный ноль, ничтожество считают великим человеком.

Дызма не стремился к славе и власти. Хорошая «жратва», безделье и животное, сытое довольство – вот всё, что ему было нужно. Дызма не только не добивался успеха, но даже не совсем понимал, куда несло его течение, не мог постичь, почему это всё случилось с ним, с Никодимом Дызмой. «Видно, на роду мне написано сделаться важным барином», – рассуждал он сам с собой.

Дызма приехал из провинциального Лыскова в Варшаву совсем не для того, чтобы завоевать этот город, сделать блестящую карьеру. Он ищет какую-нибудь скромную службу – например, должность распорядителя танцев в ресторане. Но его отовсюду гонят в шею за неспособность и неуживчивость. Потеряв милую его сердцу должность мандолиниста в кабаке «У слона», где он получал несколько злотых, да еще и ужин в придачу, он никуда не может устроиться. Если бы не закрылся этот бар «У слона» и Никодим не лишился работы, он так и просидел бы там, быть может, всю жизнь, и его великолепная карьера не состоялась. Сам он, конечно, не расстался бы с этим положением, которое его вполне устраивало и о котором он всегда вспоминает с нежностью. Ему хорошо было в этом кабаке. Но самым счастливым временем своей жизни Дызма считает войну, когда он служил в обозе. «Горячий кофе и безделье однообразных будней» – вот что ему более всего нравилось.

Дызма не только не способен ни к какой деятельности, но и не стремится к ней. Его мечта – накопить денег, отдавать их под проценты и «зажить настоящим барином, ничего не делая». Стараясь скрыть свою безграмотность, он окружает себя таинственностью: «его кабинет был недоступным святилищем»; окружающие считают, что пан председатель работает, в то время как Дызма, запершись в кабинете, изо дня в день читает в газетах уголовную хронику. Благоговение перед Дызмой так глубоко, что ему приписывают «некую таинственную силу» и «не совсем обычный склад ума», а обаяние репутации «сильного человека» столь велико, что верхи польского общества, словно под влиянием массового гипноза, не замечают подлинного лица Дызмы.

Избранному польскому обществу хамство Дызмы кажется прямоотой, пренебрежением к светским условностям, тупость – глубокомыслием, невежество – остроумием. Когда Дызма, катаясь на лодке, мечтательно говорит: «Ночь, луна, пахнет горизонтом...» – все весело смеются милой шутке. Таких «шуток» Дызма произносит немало и всегда с неизменным успехом – ведь он умеет острить с таким серьезным видом!

Вообще же Дызма старается как можно меньше говорить и, уж боже упаси, расспрашивать. Молчание, осторожность и хорошая память неизменно выручают безграмотного Дызму.

Дызма успешно использует не только чужие слова, но и чужие идеи. Идея создания хлебного банка, прославившая его на весь мир, принадлежит Куницкому. Думает и работает за него Кшепицкий.

Восхождение Дызмы по общественной лестнице происходит параллельно его нравственному падению. Он не был преступником, когда впервые перешагнул порог Европейской гостиницы. Поначалу Дызма, даже вызывает сочувствие: бедняк, голодный, безработный и бездомный. Читатель с некоторой тревогой следит за первыми шагами Никодима. Постепенно Дызма утрачивает не только всякую привлекательность, но и человеческий облик вообще. Его естественный демократизм переходит в ненависть к народу. «Надо держать эту шваль в ежовых рукавицах!» – кричит он. – «А если часть голытьбы передохнет, так черт с ней!» Вместе с вымышленным шляхетским происхождением Дызма приобретает и отвратительные шляхетские черты – спесь, чванство, наглость.

Заняв высокое положение в обществе, Дызма становится убийцей и вором. Читателю ясно, что убийство Бочка – первый, но не последний эпизод этого рода в биографии Дызмы. К концу романа перед нами преступник, который, став у власти, прольет немало крови. А Дызма будет у власти. Пока что он отказывается от поста премьер-министра, опять-таки из боязни «засыпаться». Но пройдет немного времени, он обнаглит еще больше и тогда «встанет у кормила и спасет отечество», как надеются огорченные его нынешним отказом светские дамы и мужи.

О том, как он будет руководить государством, можно судить по хозяйничанью его в Коборове. «Он пронесся через Коборово как буря, сея за собой панику». Террор, шантаж, подкуп – вот его методы.

Доленга-Мостович отобразил в своем романе настолько характерное явление, что в польской критике появился термин «дызмизм», обозначающий выдвигание на высокий государственный пост человека недостойного, бездарного и ничтожного.

Карьера Дызмы, сама возможность продвижения к власти столь ничтожного и неспособного человека – страшна. «В перипетиях героев Доленги-Мостовича было нечто из сказки, но из грозной, страшной сказки», – писал в 1956 году в газете «Жиче литерацке» Стефан Отвиновский.

Роман имел сенсационный успех. Почти все персонажи имели реальных прототипов, разоблачения были метки. Читатели тридцатых годов легко узнавали в персонажах романа государственных деятелей Польши. История Дызмы мало чем отличалась от известных современникам Доленги-Мостовича историй внезапных возвышений.

«Всем назло назначу премьер-министром самого глупого. Я им докажу, что последний дурень может быть премьером», – сказал как-то маршал Пилсудский, тогдашний правитель Польши. По нелепой прихоти Пилсудский назначил однажды министром сельского хозяйства профессора археологии Леона Козловского.

В те годы была известна следующая полуанекдотическая история. Весной 1926 года в доме Пилсудского, во время его именин, собралось множество различных людей, искавших опоры у него и верящих в его «звезду». В какой-то момент хозяин достал папиросу, но не смог закурить – не оказалось под рукой спичек. Никто из близко сидевших не заметил этого. Зато из-за противоположного конца длинного стола выскочил молодой человек и бросился к Пилсудскому с зажигалкой. Именинник закурил. Молодой человек вернулся на свое место. Все, казалось, забыли об этом эпизоде. Через несколько недель, в мае 1926 года, произошел государственный переворот, в результате которого Пилсудский пришел к власти. Установился так называемый режим санации (оздоровления). При обсуждении состава правительства особые трудности представляли иностранные дела. Искали подходящих людей. «Тот, с зажигалкой, был бы хорош – любезный человек», – сказал Пилсудский. Установили имя владельца зажигалки, и Роман Кноль занял высокий государственный пост.

Доленга-Мостович рассказывает о политической жизни Польши с большим знанием дела. Всё, о чем он пишет, известно ему по личному, порой печальному опыту.

Доленга-Мостович был журналистом, эндеком – членом буржуазно-помещичьей национально-демократической партии. Эндеки были наиболее серьезным политическим конкурентом пилсудчиков в борьбе за власть.

Вскоре после захвата власти Пилсудским Доленга-Мостович опубликовал статью, направленную против маршала; его отвезли в карьер и избили. В то время свирепствовала эпидемия подобных самосудов. Таким образом был убит генерал Загорский, слишком много знавший о Пилсудском и его приспешниках. Виновники всех этих налетов оставались «неизвестными». Хорошо разбираясь в обстановке, Мостович понимал, что искать справедливости в суде бесполезно. Он решил ответить на насилие своим оружием – пером.

В 1932 году в обстановке острой политической борьбы и появился первый роман Доленги-Мостовича «Карьера Никодима Дызмы», одновременно явившийся ответом на выпады против эндеков со стороны писателей – приверженцев Пилсудского.

Эндеки и пилсудчики в равной степени представляли интересы помещиков и капиталистов. Это были две фракции буржуазии, боровшиеся за полноту власти. Борьба велась всеми средствами, включая литературу.

До майского переворота 1926 года сторонники Пилсудского обрушивались на стоявших у власти эндеков. Так, Каден-Бандровский в романе «Черные крылья» (1925) обвинял их в коррупции, мошенничестве, неспособности руководить страной. Действительно, лидеры этой партии неоднократно являлись героями скандальных уголовных процессов.

Теперь в оппозиции оказались эндеки. Пришла их пора разоблачать правящий лагерь.

В намерения эндековского журналиста Доленги-Мостовича не входило разоблачение всего буржуазно-помещичьего строя. Он хотел лишь создать памфлет на своих политических врагов – Пилсудского и его партию. Автор собирался доказать, что дела в Польше потому плохи, что к власти пробрались неподходящие люди, в то время как есть более достойные. Однако в романе мы этих более достойных не видим.

Читателю ясно, что дело не в той или иной группировке буржуазии. Хотел того Доленга-Мостович или нет, но его роман воспринимается не как сатира на одну, определенную правящую партию, а как разоблачение гнилости и развала буржуазно-помещичьего государственного аппарата в целом.

После «Карьеры Никодима Дызмы» Доленга-Мостович написал еще пятнадцать романов, которые неизменно пользовались успехом. Секрет их популярности заключался в умении автора подхватывать острые социальные и бытовые конфликты.

«Карьера Никодима Дызмы» – яркий документ, свидетельствующий о противоречиях в польском обществе 30-х годов. Когда в сентябре 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу, Доленга-Мостович был мобилизован в армию и в чине капитана прикрывал бегство санацийных властей. Сам он не хотел бежать. И погиб.

Некоторые из многочисленных книг Мостовича (кроме «Карьеры Никодима Дызмы», еще и «Доктор Мурек уволен», «Дневник пани Ганки», «Братья Дальч», «Профессор Вильчур») сохранили свое значение до настоящего времени и продолжают переиздаваться в Польше. Роман «Карьера Никодима Дызмы» выдержал у себя на родине несколько изданий и послужил основой созданного в 1956 году фильма.⁵²

В нашей стране по мотивам «Карьеры Никодима Дызмы» написаны две пьесы: «Сильная личность» А. Морова (1939) и «Карьера» С. Поволоцкого (1960).

Настоящее издание этого романа является вторым. Первый раз он был опубликован на русском языке в 1935 году.

Д. Гальперина

Послесловие в Векордии

Вот, прочитал еще раз «Карьеру Никодима Дызмы» и заодно отредактировал настоящее издание.

Разбирательство со словом «Sapristi!», обойденном в последней главе русского издания, вынудило меня отыскать в Интернете польский оригинал книги, и тогда я уже по этому оригиналу добавил и некоторые другие комментарии.

Польское электронное издание, которым я пользовался, изготовлено 2013.07.25 в 10:03 по бумажной книге Tadeusz Dołęga Mostowicz, *Kariera Nikodema Dyzmy*, wyd. MEA, Warszawa 2002.

«Publikacja zrealizowana w ramach projektu Wolne Lektury (<http://www.wolnelektury.pl>). Reprodukacja cyfrowa wykonana przez Fundację Nowoczesna Polska. Opracowanie redakcyjne i przypisy: Paulina Choromańska, Paweł Koziół».

Словом: публикация сделана в рамках проекта «Свободное чтение»; цифровая репродукция выполнена через Фонд «Современная Польша»; редакционная разработка и примечания: Паулина Хороманьская и Павел Козиол.

Это электронное издание, видимо, рассчитано на иностранцев или на поляков, не в первом поколении живущих за границей, так как в примечаниях (а их всего 560) даются объяснения разных польских слов – старинных, заимствованных и т.д. (например, последнее объясненное слово у них: «мужицкий» – поясняется, что это означает «холопский» и добавлено, что это пришло с русского языка).

Самым знаменитым Дызмой в мировой истории был, несомненно, Иосиф Сталин. Такой же грубый, малокультурный, и такими же интригами устранял всех тех, кто ему мешал или слишком много знал о его прошлом. Решающим моментом в карьере Никодима Дызмы был прием, пригласительный билет на который он нашел на улице, – дальше уже надо было только держаться и не упускать захваченное. Решающим моментом в карьере Иосифа Сталина было то, что в 1912 году по инициативе Ленина «чудесного грузина» заочно кооптировали в ЦК большевиков – дальше уже нужно было только держаться, не дать себя выбросить из лодки, и выбрасывать из нее других.

Валдис Эгле

18 октября 2013 года

⁵² В.Э.: В 2002 году был снят еще один польский фильм о Никодиме Дызме, но это грубая подделка: действие происходит в наши дни (в посткоммунистической Польше), Дызма там первоначально – работник похоронного бюро; в фильме всё сделано безвкусно и вульгарно – можете не смотреть.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-DYZMA	1
Тадеуш Доленга-Мостович	1
Карьера Никодима Дызмы	1
Предисловие в Векордии.....	2
Карьера Никодима Дызмы	3
Глава 1	3
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	65
Глава 10	77
Глава 11	85
Глава 12	94
Глава 13	103
Глава 14	107
Глава 15	117
Глава 16	122
Глава 17	128
Глава 18	139
Глава 19	143
Глава 20	147
Глава 21	148
Глава 22	153
Глава 23	154
Глава 24	156
Послесловие.....	161
Послесловие в Векордии	164
Оглавление	165